

НАУЧНАЯ МЫСЛЬ

СЕРИЯ ОСНОВАНА В 2008 ГОДУ

**С.В. БОРЗЫХ**

# ТЕОРИЯ ПОТРЕБЛЕНИЯ

Москва  
ИНФРА-М  
2011

УДК 11  
ББК 87  
Б82

**Борzych С.В.**  
Б82 Теория потребления. — М.: ИНФРА-М, 2011. — 125 с. — (Научная мысль).

ISBN 978-5-16-004662-4

В предлагаемой книге исследуется одна из наиболее важных проблем современности — потребление. Предпринимается попытка комплексного рассмотрения этого феномена в его связи с остальными сферами человеческой жизни. Потребление изучается в качестве органичной части как индивидуального, так и общественного существования.

Книга предназначена для философов, социологов, культурологов, психологов, а также для широкого круга читателей, интересующихся проблемами современного мира.

ББК 87

## Предисловие

Прежде чем приступить к основному тексту позвольте сделать несколько, по сути, ни к чему не обязывающих замечаний. Они будут встречаться и дальше, но сейчас они выступают в роли необходимой подготовки, в качестве проясняющего материала. Итак.

Первое касается самого стиля изложения. Мы не стали нарочно выдумывать новые термины или изобретать некий новояз. Безусловно, мы также не отказались от небольшой доли специального лексикона, но он незначителен по своему объёму. Мы поступили так потому, что не считаем нужным открывать Америку. Все потребные для нашего повествования слова и их значения содержатся в повседневной речи большинства людей. И оттого нашу работу легче понимать. Да, возможно, предложения длинные, а их конструкции сложны для восприятия, но при этом каждая фраза ясна и прозрачна, и надо просто совершить усилие, чтобы её понять.

Второе заключается, в принципе, в том же. Мы не стали отказывать себе в удовольствии последовать привычке и использовать местоимение «мы», несмотря на то, что за ним скрывается единственное число. Эта уступка произведена нами не для собственного возвеличивания, а как дань научной области нашего исследования. В конце концов, это философия, притом с большой буквы, а не рассказ или повесть.

Третье продолжает тот же сюжет. Мы всё-таки удержались от того, чтобы окончательно перепутать все пути, и разбили нашу работу на три части. В этом смысле мы поступили абсолютно логично. Но зато внутри самих глав логика большей частью отсутствует. Именно поэтому нередко отступления, оговорки, замечания и уточнения. Они есть в основе своей клей, скрепляющий весь текст. Может показаться, что мы зря пустили всё на самотёк. Но это не так. На самом деле свободное изложение своих мыслей куда более плодотворно, чем следование каким-то нелепым и обязывающим правилам. После прочтения вам станет ясно, почему мы так негативно относимся к всякого рода предписаниям, пока же отметим только то, что поток сознания (не наркоманский, а нормальный) весьма положителен и, главное, продуктивен.

Четвёртое замечание неизбежно, но грустно. Оглядываясь на проделанную работу, мы с сожалением вынуждены констатировать тот факт, что наше исследование оказалось неполным. Это не значит, что оно не закончено, либо в нём имеются некие пробелы и недосказанности. Как раз наоборот – оно представляет собой целостность, из которой нельзя ничего изъять. Проблема состоит в том, что мы не смогли

затронуть весь спектр вопросов, касающийся состояния современного мира. И тут, и там, при проверке мы находили множество явлений, не получивших в этом тексте либо вовсе никакого, либо всеобщего освещения. В своё оправдание мы лишь заметим, что наша работа и не предполагала полноценного проникновения вглубь. Это, скорее, эссе, эскиз к будущему, более полнокровному анализу. Данный текст – это набросок, теоретическая основа, на фундаменте которой можно выстроить здание понимания сегодняшнего мира.

И, наконец, последнее замечание. Мы не стали нигде ссылаться на работы наших коллег, как философов, так и специалистов в других сферах гуманитарного знания. Опять же надо подчеркнуть то, что это не означает нашего пренебрежения ими или нашего незнания их достижений. Если бы возникла такая необходимость (а нам кажется, что это всего лишь блажь), то мы бы снабдили наш текст солидным количеством ссылок и сносок, привели бы цитаты и мнения. Но, как выяснилось в ходе написания этого исследования, такая нужда не проявилась. Мы вполне смогли обойтись и без чудовищного массива литературы, к которой внимательный читатель всегда сможет обратиться и самостоятельно. К тому же наш текст несколько выбивается из общего строя. Мы анализировали не поверхность, но внутренности, а потому объясняли всё с иных позиций, отличающихся от общепринятых. Удалось ли нам это – судить вам. Но мы надеемся, что чтение будет приятным и, самое главное, возмущённым. Потому что именно несогласие порождает истину. Ведь в споре её находят.

## Концепция потребления

Любая философская концепция имеет перед собой некий отдалённый горизонт. Такую точку впереди, в движении к которой и состоит смысл деятельности любого философа. Невозможно дать исчерпывающий ответ на любой философский вопрос, в противном случае он мгновенно исчезает из поля философии и переносится в сферу интересов другой науки. Философ должен оставлять после себя приготовленное для вспашки поле. Он приглядывается к окружающей среде, находит подходящее место и пытается его, что называется «облагородить», т.е. приспособить для последующей обработки. В этом отношении он словно смотрящий вдаль вахтенный. Достигнутый рубеж всегда предполагает новый, за которым мгновенно открывается неизведанное. И нужно снова чертить маршруты, необходимо изучать карты и полагаться на судьбу. Потому что никто не знает, что впереди.

Тема, вынесенная нами в заголовок, не есть сугубо философская проблема. Её изучают и другие дисциплины. Но мы не будем рассматривать её с точки зрения экономики, психологии или, скажем, социологии. Для нас потребление – это не истребление богатств, не удовлетворение неких психических потребностей, это и не одна из сторон социализации. Хотя и это всё тоже. Мы считаем, что потребление шире, а, главное, масштабнее всего того, что способны сказать о нём эти науки, как, впрочем, и все остальные. Потому мы заранее предупреждаем, что после нас останется (просто обязано остаться) поле под паром. И идущие за нами должны продолжить начатое, но сделать это так, чтобы и после них белые пятна непознанного очаровывали своими возможностями к раскраске.

Здесь очень важно понять, что сделать тему философской не очень просто. Для этого нужно усилие, акт воли. Необходимо собрать все свои внутренние потенции, чтобы превзойти самого себя. Потому что любому человеку известно то, что мы будем говорить о потреблении. И вместе с тем абсолютно незнакомо. Известно в том смысле, что интуитивно, внесловесно, мы знаем обо всём. Мы живём в этом мире, не запинаясь на каждом шагу. Мы уверенно прокладываем свой путь в страшных дебрях огромного количества по-настоящему сложных понятий, значений и явлений. Знаем ли мы их? Вроде да. Мы плывём по поверхности, не замечая глубины. И наша лодка благополучно добирается до места назначения, у каждого – своего, и у всех – одного и того же. Но что мы можем поведать о мире, кроме нелепых обобщений, бытовых воззрений и повторений чужих слов? В силах ли мы преодолеть эту косность в себе, это страстное нежелание докопаться до сути? Именно потому мы ничего и не знаем. Мы не совершаем ни единого напряжения, мы расслаблены и умиротворены. Мы находимся не в мире, но при нём. Около него, рядом с ним. И поэтому нам

незнаком ни мир, ни соответственно потребление. Мы не выражаем его словами, не строим фраз о нём, мы лишь намекаем на него, но намёки эти есть всего лишь обрывки знания, возгласы и междометия. И задача философа состоит в том, чтобы сделать усилие, собраться и нырнуть вглубь, туда, куда погружаются немногие, а большинство боится. Философ должен высказать интуитивное, непроеизносимое, скрытое. И для этого необходим поступок. Надо ступить за борт такого привычного и знакомого корабля и попасть в бездну. И вот в ней, в самой её гуще, выискать правильные сочетания букв, а затем рассказывать о том, каков морской чёрт, о котором на кораблях ничего не знают, но лишь догадываются. В этом отношении нам придётся не сладко. Но, с другой стороны, мы не одиноки, не кинуты на произвол рока. За нами пристально следят жаждущие, желающие узнать.

Так что же нам нужно сделать? Как проблема становится философской? Во-первых, надо отбросить нелепые намерения составить раз и навсегда некую данность, отринуть попытки добраться до дна. И оставить колоссальное Нечто. Во-вторых, необходимо отойти от уже знакомого, от банальностей и тавтологий. И, наконец, последнее, третье условие. Мы должны собраться и сконцентрироваться. Пускай многим не понравится то, что мы отыщем в тёмных водах – это, как говорится, их проблема. Истина не обязана кому-то нравиться, она суть данность.

Таким образом, мы почти добрались до начала разговора. Но прежде чем начать рассуждать, мы отвлечёмся ещё раз. Любого человека всегда интересует, почему темой того или иного исследования стала имена та, что вынесена в заголовок. Почему не другая? Как мы уже сказали выше, нам импонирует то усилие, которое необходимо приложить для разрешения, в общем-то, нефилософской задачи. Но это далеко не всё. Задача априори не является философской или какой-либо иной. Если вы наденете розовые очки, то весь мир перекрашивается в розовые тона. Это взгляд на вещи. Угол зрения. То же самое можно сказать и о некой позиции, которую занимает наблюдатель, а, следовательно, что-то попадает ему на глаза, а что-то исчезает из виду. Нам кажется (да нет, мы уверены), что тема потребления до сих пор изучалась лишь с одной стороны. Её не то чтобы обходили вниманием, но разглядывали как-то неполно, словно делали фотографию, не удосужившись обойти со всех сторон, а тем более – взглянуть внутрь. Потому мы и заполняем этот пробел. И, конечно, как и в любом другом случае, нам просто хочется задуматься над этим. Во всякой работе присутствует элемент личного приятия. Или неприятия. Генерал изучает дислокацию противника не потому, что ему очень это нравится, а чтобы разбить наголову. Мы не тот самый генерал, стараться что-то выполнить под палкой глупо, особенно если у нас есть выбор. Мы лично заинтересованы в успешном окончании нашего мероприятия. А потому можем начать.

Что мы знаем о потреблении? Что уже входит непременно частью в наше исследование? Это те самые снимки – двухмерные проекции действительности. А, значит, есть один путь проникновения глубже. Нужно собрать все имеющиеся данные и обобщить их, составить галерею известного и, вот, за ним отыскать такое, что раньше скрывалось от нас. Возможно ли это? В каком-то, но урезанном виде да. Однако для открытия третьего измерения нужно воображение. Пусть так. Попробуем оттолкнуться от фотографий.

Потребление не единственная тема нашего разговора. За любой темой кроются многие другие, не явленные не поверхности, но подразумеваемые. Как в симфоническом произведении есть партии различных инструментов, так и в научном дискурсе есть скрытые мотивы, казалось бы, посторонних явлений. Что же сопутствует потреблению? Это понятия использования, потребности, нужды, внутреннего голода и т.д. Они связаны друг с другом. Но как? Конечно, использование чего-либо, по сути, является синонимом потребления. Часто два этих слова употребляют как заменители. Но это не так. Или не совсем так. В дальнейшем мы ещё придём к пониманию их различия, но пока оставим его в стороне.

Однокоренное (правда, в русском языке) слово потребность более значимо для нас, как те самые фото, что дают двумерные описания реальности. И опять небольшое отступление. Мы уже упомянули один из методов исследования действительности – собирание всех взглядов. Тут же вступает в дело новый подход – анализ, разбиение на части для лучшего усвоения. Если первый обозначается термином синтез, то второй становится некой антитезой ему. Итак. Потребность есть базовая единица нашей работы. Потребление в общепринятом значении предстаёт как процесс удовлетворения тех или иных потребностей. Пока неважно, каких именно. Но чем является сама потребность? Это что-то нуждающееся в удовлетворении. То есть скрытое недовольство, какая-то неуравновешенность, которые вынуждают нас действовать, суетиться по поводу снятия этого напряжения. И здесь сразу возникает вопрос опять, казалось бы, посторонний. Чем отличается потребность от желания? И то, и другое заставляет нас двигаться. И то, и другое разъедает нас изнутри. И то, и другое часто совпадает. Допустим, мы хотим есть. Это и потребность, и желание. Потребность потому, что без еды нам не выжить, особенно долгое время. Желание потому, что недолгое время без еды можно и обойтись и потому, что без пищи мы выдержим вследствие стремления к той, конкретной еде. И вот мы наблюдаем различие. Удовлетворение желаний не столь строго обязательно, как удовлетворение потребностей. Если у нас не будет миллиарда желанных долларов, то мы не умрём, хотя и будем сетовать на судьбу за то, что она так несправедлива к нам. Но если у предприятия не будет того же самого миллиарда для погашения задолженности по кредиту, то его распродадут по час-

тям или целиком, в общем, оно перестанет существовать. Поэтому потребность — это не только что-то нуждающееся в удовлетворении, но и что-то такое, без чьего удовлетворения испытывающее нужду перестанет быть самим собой. Предприятие из нашего примера никуда не исчезнет без столь необходимого миллиарда. Физически оно продолжит своё существование, но фактически собой уже не будет. Таким образом, мы приходим к пониманию того, что потребность — это нужда в сохранении прежнего вида. Того вида, в котором нуждающийся пребывал до её возникновения.

Касаются ли эти размышления человеческого существования? В некотором роде да. Все потребности, обусловленные нашим организмом, являются потребностями в данном нами определении. Потребность в пище, кислороде, сне, совокуплении, строго ограниченных параметрах окружающей среды, воде и в прочем в природе наличном существе есть потребность. Это один из классов потребностей. Назовём их биологическими или физиологическими. Данный класс потребностей роднит нас почти со всеми живыми организмами. Они точно также нуждаются в подкормке, в некоторой стабильной среде и, безусловно, в продолжении рода. Однако человек не ограничивается животными прихотями своей физиологии. Мы знаем огромное количество примеров, которые доказывают нам условность потребности. Люди жертвуют жизнью ради Родины и близких. Люди идут на рекорд, несмотря на ограничения, накладываемые их телом. Люди принимают обет безбрачия. Во всех этих примерах есть что-то такое, что толкает людей на сопротивление своей природе.

Как бы избита ни была эта фраза, но её стоит воспроизвести: люди — это разумные существа. Рассудочность каждого конкретного человека всегда можно поставить под сомнение, однако это не означает неразумность человека как такового. В приведённых кейсах люди используют некий расчёт, не связанный с целостностью своего биологического существования. Они делают выкладки, применяют определённые подходы, выверяют и принимают решение, противоречащее потребности. Или действуют спонтанно. Значит ли это, что в подобных ситуациях речь идёт не о потребностях, а о чём-то другом? Однозначно нет. Это те же самые потребности, но уже другого поля. Люди (и тут мы снова вынуждены озвучивать банальности) принадлежат не только миру живой природы, но и социальному миру созданной ими культуры. У человека может возникнуть настоятельное желание, даже потребность в неблагоприятных с точки зрения своего организма поступках. Я перестану быть собой, если не поделюсь с ближним последним куском хлеба. Я превращусь в кого-то другого, незнакомого мне самому. Многочисленные произведения литературы основаны на подобных превращениях. Преступление меняет человека, жестокость переворачивает в нём всё с ног на голову, любовь перекраивает уже такой привычный для нас материал. Не удовлетворив этого позыва,



люди становятся иными. Но зато пожертвовав жизнью, установив рекорд, соблюдая целибат, они сохраняют сами себя. Поэтому мы с полным правом можем обозначить эти потребности как социальные, либо культурные.

Но это ещё не всё. Теперь нам необходимо разобраться с вопросом об источнике возникновения потребности. Служит ли в качестве такого нечто внутреннее, либо же им выступает внешнее давление? Этот вопрос способен увести нас далеко от темы нашего исследования, но мы постараемся выдержать определённые рамки. Наш организм дан нам таким, каким мы его наблюдаем. Мы можем изменять его в очень ограниченных пределах. Конечно, в последнее время медицина дошла до того, что стала изменять форму носа, разрез глаз, пересаживать волосы, уже было разбежавшиеся по всему телу, обратно на голову, удлинять ноги и убирать лишний жир. Скорее всего, в будущем она будет в состоянии сотворить из нашего тела всё, что нам только пожелается. Но это не отменяет наличие у нас двух рук, двух ног, одной головы и т.д. Человек останется человеком лишь при условии сохранения своего внешнего облика. По большому счёту все эти изменения мало что меняют в нас самих. Как бы то ни было, но наше человеческое тело устанавливает для нас границы, за которыми следуют уже не люди, а кто-то другой. Мы обязаны питаться, куда-то девать продукты жизнедеятельности, продолжать род и прочее. В этой связи мы утверждаем, что биологические потребности предзаданы нам, но не исходят из нас самих. На нас оказывается широкое и масштабное давление, которому мы просто подчиняемся. Человеческое общество только корректирует внешнюю сторону дела, не пытаясь сотворить из нас что-либо иное, чем мы уже являемся. Так регулируются приём пищи, сексуальные запреты и способ испражнений, как и многое другое.

Социальные потребности также внешни по отношению к нам, как и биологические. Мы не выбираем язык, на котором с нами будут общаться родители или те, кто их заменяет, а, значит, и первый усвоенный шифр общения с окружающими. Мы не выбираем государственное устройство того социума, в котором нас угораздило появиться. Мы не выбираем даже наших желаний, потому что они общественно навязаны. По сути нас закабаляют с самого нашего рождения. И мы жертвуем жизнью ради Родины не потому, что так сильно любим её, а потому, что нас научили её любить, а вдобавок пояснили на привитом нам языке смыслов и значений, что подобные жертвы вообще-то желательны и поощряемы. Конечно, солдат, идущий в атаку, вряд ли задумывается над тем, что он отдаёт жизнь ради будущей славы, хотя и такое возможно. Нет. Солдат делает то, что он делает, потому, что не знает иного. Ведь солдаты гибнут, не так ли? Следовательно, любовью призванный на службу заранее предназначается для смерти. Исключений тут не бывает...

Впрочем, мы немного отвлеклись. Главное, что и биологические, и социальные потребности внешне нам навязаны. Но есть ли в них что-то от нас самих? Естественно. У всякого из нас особый организм. Один страдает от инсулиновой зависимости, а другого мучает желудок. Один высок, а другой низок. У одного избыточный вес, а у другого вес мал. В этом отношении наше особенное тело порождает такие же особенные потребности, а внешняя среда служит исключительно в роли наличного для их удовлетворения материала. Мы используем природу так же, как она использует нас. Так что внутреннее содержание в биологических потребностях всё же присутствует.

Но то же самое касается и социальных потребностей. Мы занимаем различные позиции в обществе, мы нуждаемся в этих позициях, потому что без социума мы неспособны просуществовать сколько-нибудь продолжительный отрезок времени. Люди, попадавшие на необитаемые острова, быстро сходили с ума по той простой причине, что не имели никакого общения с себе подобными, не имели новых эмоциональных переживаний, не имели кого-нибудь, с кем можно было бы поделиться своими мыслями, делами, впечатлениями. Они придумывали новые социальные миры, как бы заменяя их отсутствие воображением. Человек есть продукт общества, как и общество есть результат взаимодействия индивидов. Потому люди заинтересованы в социуме не меньше, чем он в них. Этот непреложный факт нередко забывается. Всем своим естеством мы тянемся к таким же, как и мы. Ребёнок на уровне подсознания протягивает руку в направлении другого человеческого существа. Но как же тогда быть с детьми Маугли? Они не люди. Это внешне похожие на человека существа, внутри животные. Но даже им ведома жажда других, жажда сообщества.

Резюмируя, мы можем сказать, что потребность — это обусловленная нашим существованием нужда к сохранению. Однако здесь возникает ещё один момент, требующий своего разрешения. Действительно ли каждый человек стремится к консервации себя самого в имеющихся рамках, либо же он предпочитает статике движение? На самом высоком уровне абстракции всё есть движение, и всё есть покой. Потому есть постоянство движения и движение постоянства. Но в нашем случае это нужно ещё прояснить. Люди некоторую часть своей жизни растут, затем могут худеть или, наоборот, толстеть. Любят вначале одних, а потом переключаются на других. Предпочитают селёдке сёмгу, а после их уже не оторвать от селёдки. Даже элементарные частицы никогда не пребывают в покое. Всё течёт. Но вместе с тем есть и некое постоянство. Мы узнаем человека даже после долгой разлуки с ним. Мы сохраняем приятные воспоминания о своих прежних увлечениях. Мы остаёмся все теми же, что и раньше. Людьюми, по крайней мере. Безусловно, обозначая потребность как нужду к сохранению, мы не имели в виду полное отсутствие изменений. Ребёнок, т.е. человек, наиболее полно и основательно меняющийся, ещё не есть

в полном смысле этого слова человек. Он только становится им, он словно незавершённый проект, во многом уже начерченный, но ещё не доведённый до конца. Люди, ставшие людьми, испытывают потребность ими же и оставаться, а, следовательно, сохранять в себе те качества и пропорции, которые у них (как и у их окружения) ассоциируются с их собственной человечностью. Поэтому операция на лице лишь возвращает человека в исходное состояние, изменяет то, что уже было изменено, как преднамеренно, так и нет, что вступило в противоречие с нашим самовосприятием. Также необходимо добавить, что сама жизнь человека протекает во времени, он не может застыть в какой-либо позиции и долго пребывать в ней. С неизбежностью придёт время перемен. И вот тут важно отметить ту грань, которая отделяет сохранение от изменения.

Принято считать, что традиционное общество потому и традиционно, что соблюдает ряд неизменных правил, установленных когда-то давно и не менявшихся длительный период. При этом как-то упускают из виду, что сам человеческий контингент, который будет эти правила блюсти, меняется, что-то приспосабливается под современные нужды, что-то видоизменяется вследствие необратимых отличий одного поколения от другого. Допустим, существует обычай посвящать самого высокого человека в ранг колдуна. Постепенно может произойти так, что самый высокий будет уже не настолько выше всех остальных, как это было в момент установления данного предписания. Люди увидят это своими собственными глазами, и, если они и впредь пожелают отдавать дань традиции, различие между самым высоким и прочими будет возводиться в некий абсолютизм. И чем меньше разница, тем большим станет её подчёркивание. В головах засядет одна мысль – отличие. Не то, насколько оно велико, а то, что оно в принципе есть. Видится ли здесь изменение? Конечно. Мы не столь зашорены, чтобы не увидеть его. Отзовётся ли оно в сердцах этого традиционного общества? Возможно.

Как бы то ни было, но приходится признать, что существует некое постоянство изменения. Так весна сменяет зиму, а та, в свою очередь приходит за осенью, которая отрицает лето, что следует за весной. Этот круг постоянен, но в то же время и изменчив. Следующий день не похож на предыдущий потому, что он следующий. И возвращаясь в весну, мы замечаем, что постарели. Сохранность в данном случае обозначает постоянство, в которое вписано не только наше нынешнее состояние, но и предсказуемое будущее. На следующий год мы станем старше на 365 дней. Да, мы станем старше, но ровно на данное количество измерительных единиц. Не больше, и это легко прогнозируемо.

Конечно, можно рассмотреть вопросы с криогенными камерами, с личным восприятием времени и изменений, но это лишь уведёт нас далеко в сторону. И даже эти примеры вряд ли опровергнут наши выводы. Слишком резкие изменения, когда сам их ход непредсказуем и

непостоянен, не сохраняют нас в прежнем виде. Мы можем высказывать желание не стареть, но не стареть мы не можем. Потребности объективны, тогда как желания субъективны.

Вроде бы с этим разобрались. И дальше. Мы сознательно не стали делить категорию социальных потребностей на подклассы. В реальности они, хотя и представляют собой жёсткий монолит, отличаются друг от друга. Так, в них выделяются материальные, собственно социальные и духовные потребности. Часто, и это нужно заметить ради справедливости, сюда записывают и политические потребности. Сферы жизни общества именно таковы. Это область материального производства, общественное его устройство и, наконец, некий культурный (или духовный) пласт (плюс политика). Всё это верно, если создавать искусственное членение. В данном случае нам поможет рассмотрение конкретного желания. Иметь автомобиль. Есть множество доводов в пользу подобного желания. Есть ли тут потребность? Разумеется. У нас есть потребность в передвижении. Но обязательно ли при этом иметь машину? Нет. Автомобиль хорош для примера тем, что он насквозь материален (по крайней мере, так это представляется на первый взгляд). В желании иметь машину есть два вопроса. Мы не ставим под сомнение потребность передвигаться как таковую. Сидеть на одном месте – довольно скорый путь к смерти. Потому наши вопросы касаются совсем другого. Первый – как я буду передвигаться? Второй сложнее. Его задают себе значительно реже – почему для цели перемещений мне необходима машина? Или иначе – почему я желаю иметь автомобиль? Как известно, существуют разнообразные способы преодоления расстояний. Это и самолёт, и велосипед, и катер, и скутер, и... многое другое. В данном ряду, однако, машина выделяется. Но уже не как материальный объект. Зачем, спрашивается, иметь её, если не будет бензина, если не будет дорог, если не будет масла и прочего? Автомобиль предстаёт здесь как знак, как символ. Если он дорогостоящ, то это знак богатства. Если нов, то это символ следования моде. Вообще он вызывает сразу огромное количество ассоциаций: кто тот человек, который сидит за рулём, чем он занимается, где живёт, с кем общается. Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты. Покажи мне своё авто, и скажу то же самое. Само передвижение уже безразлично и существует, как некий атавизм. Люди, стоящие в пробке в машине класса люкс, могли бы пешком преодолеть необходимый путь намного быстрее. Но тогда на них никто не обратит внимания. Тогда не нужны будут дороги; нефтеперерабатывающие предприятия; чиновники, занимающиеся распределением средств на ремонт дорожного покрытия; бюро, проектирующие развязки и мосты; бурильщики на скважинах; директора компаний, чей бизнес – выкачивание нефти; геологи, ищущие чёрное золото; специальные цистерны и прочие ёмкости для перевозки необработанного сырья, как и все те, кто их делает и т.д. Если люди будут ходить пешком. То же самое случится и при

полном исчезновении личных автомобилей, но уже с меньшим размахом. Вся структура современных обществ рассчитана на машину. Города огромны, расстояния между ними ещё больше; мы едим пищу, выращенную в тысячах километрах от нас; мы ходим по асфальтированным дорожкам; мы пьём газировку из пластиковых бутылок; мы, по сути, едим нефть. Это исследование не посвящено нефти, как и автомобилю тоже. Но пример личного автотранспорта крайне поучителен. Почему я хочу его иметь? Потому что этого хочет общество, в котором я живу. Без этой моей потребности, пусть и естественной, но усугублённой социумом в разы и на порядки, общество перестанет существовать в том виде, в котором оно пребывает ныне, вся его структура рассыплется в прах. И поэтому я должен хотеть автомобиль. Это не моё желание, это желание социума.

При чём тогда деление социальных потребностей на классы? В том-то и дело, что ни при чём. Их нельзя поделить. Машина – настолько же материальна, насколько социальна и духовна. И всякий предмет, задействованный в обществе, ровно такой же. Именно поэтому мы обозначили единственный в этом поле класс – класс социальных потребностей.

И опять мы вынуждены бежать от наиболее захватывающего, что бы вернуться на торную тропу нашего повествования. Как мы уже описали в случае с автомобилем, не все наши желания принадлежат нам. Значит ли это, что все наши мечты таковы? Вовсе нет. У нас есть потребности исключительно личного свойства. Например, мы не любим пенку на горячем молоке, но обожаем перловку. Мы терпеть не можем, когда хлопают дверью и спокойно переносим невымытые руки. Наконец, никто не в силах понять нашего увлечения филателией, кроме завязтых коллекционеров марок. Что это? Блажь? Каприз? Прихоть? В какой-то мере, да. Общественно полезными все эти пристрастия назвать сложно, хотя и не невозможно окончательно. Но можем ли мы без них обойтись? То есть, являются ли они в строго обозначенном нами смысле потребностями? Безусловно. Без этих мелочей, пустяков жизни, мы не в состоянии сохранить себя. Человек, собирающий монеты разных стран, оказывается будто не у дел, если его родное государство возводит железный занавес над самим собой и ограничивает ему доступ новых экземпляров. Он изворачивается, страдает, обманывает, чего никогда не делал, его естество меняется. Он переходит к коллекционированию открыток, но это занятие увлекает его значительно меньше предыдущего.

Зависят ли эти потребности от общества? В некоторой степени. Без красок, холста, кисточек и мольберта художником не стать. Как и не стать великим исполнителем на фортепиано без этого музыкального инструмента. Можно быть гением, но не стать им. В нашей западной культуре есть призыв найти самого себя, какое-то дело, которое бы наиболее полно выражало нашу сущность. И, несмотря на этот клик,

людей, выразивших самих себя, не так уж и много. Мы пока не будем вести речь о свойствах общества, способствующих или, наоборот, угнетающих возможности индивида к самовыражению. Нам важно другое. Перед нами вырисовывается новый класс потребностей – индивидуальных (или личностных). Каждый человек уникален – своей физиологией, строением духовной жизни, жизненным опытом, наклонностями и пристрастиями, способностями и, конечно, потребностями, вытекающими из всего вышеперечисленного. Почему же людей самодостаточных мало? Представьте себе ситуацию, когда прирождённых музыканта, строителя, повара и гонщика приводят на кухню, предлагая им воспользоваться всем, что они только способны найти, для своего самовыражения. Кто выразится, а кто – нет? Вопрос не тривиален. Они выразятся все, но не все в должной мере. Музыкант будет брэнчать на сковородках или водить мокрыми пальцами по наполненном водой бокалам. Строитель станет возводить замки из теста или чищенных картофелин. Гонщик будет носиться по всей кухне, правильно входя в повороты. А что же повар? Все остальные ему мешают. Он выгонит их, если у него появится такая возможность. Куда же деть музыканта, строителя и гонщика? В сумасшедший дом...

Наше общество не столь жестоко к тем, кто не в должной мере выражает себя. В нашем социуме все бы стали готовить пищу. У кого-то она получалась бы прогорклой, у другого – пересолённой, у третьего – недоваренной. Все бы они мучались, находили успокоение в фантазиях, а то бы и просто страдали, не зная причины своих несчастий. Индивидуальные потребности и, уж тем более, их удовлетворение приветствуются слабо. Но они являются важным противовесом социальным потребностям, позволяя людям не влиться в общий поток без разрывов, но отстоять личностную компоненту своей натуры.

Подводя промежуточный итог, мы должны сказать следующее. Краеугольным камнем в деле изучения потребления является потребность. Потребность – это нужда к сохранению, к предсказуемости изменений. Среди потребностей выделяются биологические, роднящие нас с животными и растениями, социальные, включающие нас в общество, и индивидуальные, оберегающие нас от полного растворения в социуме. А теперь мы можем продолжить.

Из всего вышесказанного напрашивается один вывод. Потребление, как удовлетворение потребностей, понятие гораздо большее и обширное, чем это обычно себе представляют. Потреблять можно что угодно, как вздумается и при каких бы то ни было обстоятельствах. В этом смысле потребление есть философская проблема. Однако наши дальнейшие рассуждения будут касаться почти исключительно социальных потребностей. Почему? На этот вопрос есть несколько ответов. Первый – категория общественного выражает человека значительно лучше, чем все прочие. Здесь снова уместен пример с гением.

Кто такой гений? Это индивид, которого признали другие. Нет признания – нет и гения. И даже если он есть, то он не выявлен. Точно так же понятие личности сконструировано в рамках социума. Мы не вправе судить о себе как о личностях, пока нас к таковым не причислят окружающие. Естественно, это двунаправленный поток: я считаю личностью другого, а тот другой, в свою очередь, меня. Но сами критерии, по которым личностями становятся, выработаны коллективно, я могу лишь их усвоить, как, впрочем, и любой другой. Плюс ко всему необходимо добавить и то, что человек самореализовывается по большей части в рамках своего окружения, черпает из него нужные ему методики и инструменты и возвращает обратно результаты своей деятельности. Второй – социальные потребности превосходят по своему масштабу как биологические, так и индивидуальные группы потребностей. Как мы уже описывали выше, многие физиологические проявления нашего организма, точнее, удовлетворение возникающих в данном поле потребностей, регулируются со стороны общества. То же самое мы писали и об индивидуальных потребностях. Ещё раз необходимо подчеркнуть, что полного напоя или давления со стороны социума на эти группы не оказывается. Наша натура в обоих смыслах всё-таки остаётся прежней, несмотря на предписания и жёсткие санкции. Как бы то ни было, но именно социальные потребности влияют на нашу жизнь наиболее существенным образом. Это вытекает и из нашего бытия в общественной сфере, и из маловероятного варианта прозябания вне социума. И, наконец, третий, хотя и не последний – социальные потребности наиболее адекватно способствуют раскрытию понятия потребления. На основе их изучения возможно конструирование концепции потребления. Это не означает, что прочие классы (группы, категории) потребностей не выявляют тех же самых закономерностей и принципов, о которых речь пойдёт ниже и которые проявляются в их функционировании и удовлетворении. Все группы потребностей содержат в себе основные зёрна того, что мы найдём в социальных нуждах. Отвлечёмся. Под общественными потребностями мы предполагаем не нужды общества, но социальные потребности человека. В любом случае, выстраивая некую иерархию потребностей – биологические, социальные, индивидуальные – мы не имели своей целью настаивать именно на таком их порядке, хотя и желали этого. Однако дальнейшее повествование будет вестись, отталкиваясь именно от социальных нужд, попутно затрагивая и другие классы.

Итак, что же представляют собой культурные потребности? Это потребности, возникающие благодаря взаимодействию между людьми. Отдельное человеческое существование (было бы корректнее сказать – внечеловеческое) не способно к их производству. Человеку, как животному, например, вовсе не обязательно соблюдать правила хорошего тона. В природе нет каких бы то ни было этикетных норм. Здесь сразу возникает один вопрос, уводящий нас с магистрального

пути, но крайне важный для последующего развития наших мыслей. Животные, как определённое единство, не гомогенны. Имеется деление их на высших и низших, на стадных и одиночных, на водных и сухопутных и т.д. В нашем случае нас не интересуют сугубо биологические отличия. Нам важно уловить разницу между зверями, живущими в сообществах, и соответственно животными, справляющимися со своими потребностями в одиночку. Люди – стадные особи. И эта их стадность роднит их с прочими существами, выстраивающими некое подобие социального порядка. Поэтому пример с этикетными нормами, вероятно, не столь удачен, как хотелось бы. Как бы ни регулировалось поведение животных – на инстинктивном уровне или же при вхождении в уже сформированное стадо – оно существует. И отмахнуться от этого факта не представляется возможным. Может быть, этикета у зверей и нет, но что-то подобное всё-таки наличествует. Правила поведения, организация повседневности и прочее. Поэтому нам нужен ещё один шаг в сторону очеловечивания. Социальность теперь и впредь для нас – такое свойство человека, которое выходит на сцену лишь в том случае, если возникает культура. То есть осознанное единство правил, норм и законов общежития. Именно осознанное. Животное поэтому подчиняется сложившейся дисциплине словно интуитивно, без всякой рефлексии по этому поводу. Человек тоже подчиняется, вначале также на уровне внекритического, лояльного принятия, но затем уже приобретая способность осмысливать происходящее и влиять на ход событий. Мы согласны с тем, что определение, данное нами, страдает изрядной долей неуклюжести и двусмысленности. Но в дальнейшем станет ясно, что мы имели в виду.

Однако надо продолжать. Мы заикались выше о составных частях социальных потребностей. В качестве таковых выступают сфера материального производства, собственно социальные нужды, область культурной жизни людей и, наконец, политика. Последнюю мы оставляем без внимания по той простой причине, что сама политика – это множественность интересов, т.е., по сути, общественная жизнь. Профессиональная занятость некоторых людей, обозначаемая тем же словом, интригует нас тем меньше, чем больше мы настроены философски. Хотя и вовсе забросить мы её не можем. Вместе с тем особо укажем на то, что политика (профессиональная) подчиняется тем же законам, что и прочие сферы деятельности людей. Как опять же мы говорили, материальное, социальное и культурное составляют единство. При желании можно, конечно, разделить их и рассматривать по отдельности, но при этом неизбежны наслаивания и повторения, поэтому мы решили изучать социальность в её целостности.

До сих пор речь шла исключительно об уже имеющихся потребностях. Но как они возникают? Для решения данного вопроса мы обязаны проследить путь взросления человека. Обычно подобным исследованиям недостаёт столь важного внимания к деталям, особенно – к



периоду детства. Сколь бы условным ни было это понятие, мы приемем его на вооружение с таким определением – это промежуток времени от рождения до начала осознанного восприятия социальной действительности и умения оперировать ею в своих стремлениях, размышляя или нет. В разных обществах этот срок имеет различную длительность.

Изначально ребёнок испытывает лишь нужду к выживанию. Он тянется к матери, которая в его пока ещё дорассудочных представлениях является центром мироздания и единственным источником пищи и защиты. Воздействуя на нужный объект преимущественно биологическими инструментами, он получает всё необходимое. Долгий период достижения самостоятельности накладывает серьёзный отпечаток на всех нас. В это время мы обязаны усвоить некоторые правила, которые в дальнейшем станут для нас будто естественными, стопроцентно такими не являясь. Например, ребёнок вынужден научиться ходить на двух ногах, приучиться к горшку, запомнить знаковые коды речи, т.е. провести линии соответствия между звуками и предметами и прочее. Всё это совершается в определённой системе координат. Мы запоминаем и усваиваем только то общество, в котором появились. Значит, появление культурных потребностей носит естественный характер, вытекающий из потребности к социализации.

Что такое социализация? Это принятие культурных норм и правил и обучение им. Взрослые люди считают само собой разумеющимся то, на усвоение чего было потрачено немало энергии. Без социализации человек не способен вписаться в то общество, в которое его закинула судьба. Он станет либо изгоем, всё-таки принявшим базовые ценности и нормы социума, либо окажется вне общества, как в своём сознании, так и чисто физически. О подобных экземплярах мы уже упоминали, когда говорили о детях Маугли. Асоциальные элементы вряд ли подходят на эту роль. В языковом, понятийном, поведенческом, да, по сути, во всех отношениях они являются без всяких изъятий членами конкретного общества. Просто их поступки или мысли имеют пограничное происхождение, но целиком из социального дискурса не выбиваются.

Как же происходит обучение? Ребёнок на ранних стадиях своего взросления имеет крайне скудный аппарат мысли. Он различает добро и зло, малое и большое, тёплое и холодное и т.д. Что-то приятно ему, а другое – не очень. Это даже не мысли, а просто эмоции и чувства. Родители или опекуны, манипулируя пряником и кнутом, подводят его к запоминанию, а после и осмыслению базовой разницы между социально приемлемым и социально негодным. Поступая плохо в понимании общества, ребёнок наказывается, ведя себя обратным образом – поощряется. Как и любой живой организм, человек не приемлет неприятных ощущений и всячески старается их избегать. В один прекрасный момент его мозг оказывается в состоянии не просто прини-

мать подарки и уворачиваться от тяжёлой руки «правосудия», но и рефлексивно просчитывать свои действия. С этих самых пор в дело вступает хитрость, если так можно выразиться. Мы принимаем правила игры, не имея выбора, и оказываемся вовлечены в игру. Вот в это самое время ребёнок оказывается в состоянии не только повиноваться, но и повелевать, играя на недостатках и нередко глупости предписаний. Он может отныне обращаться к общественному мнению, неким свыше прописанным истинам, использовать противоречия между разными социальными агентами и т.д. Становясь самостоятельными и юридически признанными членами общества, мы уже неспособны рационально или чувственно осознать условность всех социальных норм и правил, хотя и могли, но, увы, ещё не осознанно вытворять подобное, будучи детьми. Все эти слова хороши, если будут снабжены примером.

Скажем, как маленький мальчик понимает красоту? Ответ прост – никак. Понятие красоты у него отсутствует за ненадобностью, тогда как в обществе оно играет немаловажную роль. Если вы припомните эпизоды с общающимися детьми, то увидите (апостериори), что дети не делают трагедии из различий между собеседниками. В них нет расовой ненависти, нет предубеждений против каких-либо внешних дефектов и изъянов, нет заранее сформулированного отношения к своему визави. У них присутствует лишь голый интерес. Как и всё новое, очередной малыш, попавший в их поле зрения, интригует. И они принимают за его изучение. Взрослый мозг не настолько податлив в плане новизны, но дети – совсем другое дело. Но что происходит дальше? Как мы выясняем, что, предположим, излишний вес излишен? У всех детей есть понимание плохого и хорошего. И они прекрасно видят, что к одним людям относятся хорошо, а к другим – наоборот. Красивая тётя привлекает к себе внимание и доброе расположение, а некрасивая ничего подобного не получает. Сопоставляя поступающий материал, они укрепляются в вере, что бывает излишний вес. Всем нам знакомы рассуждения по поводу того, что каждый человек прекрасен. И это действительно так. Только люди и могут быть красивы. Но что-то внутри, усвоенное давно и основательно, гложет нас. И мы выбираем более красивых.

Тут необходимо сделать одну оговорку. Мы можем учиться всю жизнь: изучать новые для нас дисциплины, посещать незнакомые места, пробовать экзотическую пищу и прочее. Но жить в обществе, в котором мы появились на свет, мы учимся в детстве. Другого времени на это занятие не отводится. Иммигранты никогда целиком и полностью не становятся равноправными членами принявшей их культуры. Это положение прописано даже в законах. Но их дети довольно просто и, кажется, непринуждённо усваивают всё требуемое. Если, безусловно, родители не будут упорствовать на включении в собственный социум.

Зачем нужна социализация? Ответ не очевиден. Точнее, он ясен, но это лишь одна сторона дела. Конечно, для того, чтобы стать человеком. Потребление, т.е. удовлетворение потребностей, сформированных обществом или под давлением биологических и духовных, внутренних факторов, производится в строго очерченных рамках. Но для того, чтобы что-то использовать, нужно это вначале произвести. И вот здесь мы приходим к одной из основополагающих мыслей нашего исследования. Каковы отношения между потреблением и производством?

В данном случае нам надо обратиться к биологическим потребностям и нашему примеру с нефтью. Допустим, вы проголодались. Жители современных городов, а тем более мегаполисов мало что знают о съедобных травах и растениях, вряд ли умеют правильно и бережно обращаться с землёй и, разумеется, настоящих охотников, способных выследить животных, освежать тушу и должным образом её приготовить, тоже маловато. Поэтому вы идёте в магазин и покупаете, предположим, буханку хлеба. Вы кушаете и снимаете внутреннее напряжение, тем самым самосохраняясь. Своей потребностью в пище вы утверждаете существование многих людей: агрономов, знающих, как выращивать пшеницу, если хлеб белый; трактористов, засеивающих поля; комбайнёров, собирающих урожай; начальников складов, где хранится зерно; мельников, производящих муку; пекарей, следящих за выпечкой; грузчиков, складывающих подносы в грузовик; водителей, доставляющих хлеб в магазин; наконец, продавцов, приходящих на свою работу. И это далеко не полный список людей, задействованных в производстве хлеба. То же самое касается и любой другой вещи. Наше общество очень дифференцировано – оно разбивает весь процесс производства на множество мелких операций, за каждую из которых отвечает единичный индивид или их группы. Но даже в более примитивных обществах, всё равно, существует разделение труда. Если вы не хотите иметь машину, то автоконцерну придётся произвести на одну единицу продукции меньше. Если не найдётся ценителей древности, то музеи станут обузой, явным излишком. Поэтому все те люди, которые удовлетворяют вашу нужду в хлебе, автомобиле и созерцании древних предметов, заинтересованы в том, чтобы вы хотели есть хлеб, кататься на машине и смотреть сквозь стекло на черепки. И если с биологическими потребностями всё более-менее ясно, то социальные нужды не так легки для разбора.

Человек, как стадное животное, требует сообщества. Когда отключается электричество, нам часто приходит на ум то время, когда его не было вовсе. Что тогда делали люди? Сиднем сидели? Нет, конечно. Свет им был необходим не так настоятельно, как нам. То есть чем-то они явно занимались. И были, вполне возможно, счастливы. Но если продолжить ту же самую игру погружения вглубь веков, то мы поймём, что люди довольствовались малым (по нашим понятиям), но жи-

ли же! И в Средние века, и в Античности, и даже на заре человечества. Социальные потребности вроде общения, признания, занятия какой-то позиции существуют и у зверей. Чем же отличаемся от них мы? У термина социализации есть вполне приличный аналог на русском языке, не повторяющий его целиком, но хорошо передающий смысл. Это воспитание. В нас воспитывают потребности. По крайней мере, те, что не даны нам от природы. Потому что мы приходим в уже готовый мир. Нам не нужно его строить заново, мы можем позаимствовать то, что уже было изобретено. Даже не так. Мы усваиваем данность. Оттого что у нас нет иного выбора. Мы начинаем считать важным занятие высокой должности, зарабатывание огромного количества денег, езду на шикарном спорткупе, посещение выставок и галерей в целях «окультуривания» и т.д. Для чего это всё надо? Разве без чтения книг мы что-то потеряем? Перестанем быть людьми? В том-то и дело, что да – мы перестанем быть людьми. Общество учит нас, что быть людьми значит испытывать желания и удовлетворять их, к тому же сообщая, какие именно потребности и мечты мы должны иметь. Данность, в которую мы попадаем, требует от нас жертвы приспособления. Мир никогда не создаётся заново.

Поводя итог, необходимо сказать следующее. Мы потребляем для того, чтобы сохранить не только себя в предшествующем появлению потребности виде, но и общество, предлагающее нам потребности и, самое главное, способы их удовлетворения. Отсюда и связь между производством и потреблением. Общество производит, а люди потребляют. Естественно, нам возражат. Сапожник, латающий дырку на ботинке, производит готовый продукт, как, впрочем, и пекарь, и буровый насос нефтяных скважин. Но это не так. Сапожник, пекарь и буровый насос без общества не существуют. Им, во-первых, незачем заниматься своими делами – потребителей-то нет! – а, во-вторых, без социума они бы и вовсе не появились. Кто научит Маугли чинить сапоги? Кто поведает ему об искусстве выпечки хлеба? Кто расскажет, как находить необходимое место на земле, чтобы оттуда забила нефть? И ладно бы научили. Но без общества не будет ножиц, гвоздей и молотков, не станет печей и дров, исчезнут трубы и буровые установки. Человек без социума гол. Он ничего не умеет, он незащищен. Так, Робинзон Крузо, попавший на необитаемый остров, смог выжить потому, что научился этому среди себе подобных, без такого багажа знаний он бы умер, как, впрочем, и без тех вещей, которые прибило к берегу. Вместе с тем заметим, что в чисто психологическом плане он бы сошёл с ума без общения, у него бы наступил эмоциональный голод.

Давайте ещё раз отвлечёмся и рассмотрим взаимоотношения между обществом и индивидом. Существуют различные точки зрения на эту тему. Одни считают, что первоосновой является человек. Другие – социум. Третьи стараются держаться взвешенной позиции. Мы, как по

своим убеждениям, так и в силу объективных причин склоняемся в пользу третьих. Почему? Человек действительно является первоосновой, базовой единицей общества. Без индивида никакого социума быть не может. Иначе бы образовывались стая, стадо, косяк, рой, но не общество. Это мы можем наблюдать и в наших рассуждениях. Без потребностей человека социум не нужен. И по замкнутому кругу: если нет потребностей, то нет и общества, если нет общества – нет и потребностей. В финале исчезновение обоих. Но и без социума нет личности. Что будет выдвигать критерии, по которым люди станут судить, что они люди? Что будет удовлетворять хотя бы их базовые, биологические потребности? Человек, как животный вид, плохо приспособлен к окружающей среде. Ему жизненно необходимы другие, такие же, как и он, чтобы, скооперировавшись, обезопасить себя от внешних напастей, заодно защитив остальных, чтобы добыть пропитание. А для всего это нужна регуляция отношений между отдельными особями, а, следовательно, общество. Кто будет прививать нам социальные потребности, скрепляющие общество? И замкнутый круг вновь реализуется: нет общества, нет и человека, а без него общества не получается. Последний вариант наиболее правилен. Человек потребляет, а социум производит. Но отношения между ними всё же сложнее.

Человек не просто потребляет, т.е. удовлетворяет потребности. Своим потреблением он восстанавливает структуру (обозначим это пока так) общества. И в этом симбиозе индивид – это элемент созидаательно разрушающий. Вспомните, как в экономике определяется потребление – это уничтожение благ, причём любых. Созидание здесь в другом. Человек, истребляя, закладывает основу для последующего восстановления. Если кто-то купил машину, он тем самым разрушил её стоимость, но деньги, заплаченные за неё, обернулись для производителя возможностью построить новый продукт. И так без конца и со всяким товаром. Роль социума не только в производстве продуктов, годных к использованию. Он производит и товары (в широком смысле этого слова), и потребности в них, и даже способы удовлетворения нужд. Последнее надо прояснить. Способы употребления того или иного продукта крайне важны. Не зная, как обращаться с полученным благом, мы можем использовать его по другому назначению, удовлетворив, иную, пусть и потребность, но всё же менее настоятельную, при этом уже уничтожив инструмент снятия более существенной нужды и лишив себя возможности полноценно удовлетворить другую потребность. Скажем, вы хотите есть, и вам надо заделать дырку в двери. Не зная чёткого способа уменьшения напряжения от голода, вы заткнёте скатанным из мякоти катышем дырку в двери, так и оставшись без еды. При этом найденная дощечка теперь приладится плохо, а сквозняк, хлопающий дверью, выбьет из неё затычку. Иллюстрация грубая, но всё же описывающая нашу мысль.

Может показаться, что роль общества в таком случае больше роли отдельно взятого индивида. Это и так, и не так одновременно. Разумеется, социум всегда больше, чем каждый человек поодиночке и даже сумма людей. Общество – это система, а члены, составляющие её, придают ей абсолютно новые качества, не сводимые к сумме качеств её частей. Никто из нас не знает русского языка в совершенстве, но, суммируя наши лингвистические умения и навыки, мы получаем живой русский язык. То же и с обществом. Однако не стоит паниковать. Социум подавляет. Это верно. Жить в нём и быть независимым от него невозможно. Сущая правда. Но любой человек (уже человек) в состоянии изменять правила игры, участвовать на равных в движении постоянства. Общество не говорит на русском языке, а частица его – да. Социум не потребляет, и не вся его продукция востребована. Вернее было бы выразиться так: общество потребляет не так, как человек. Но об этом ниже. А люди, в свою очередь, не воспринимают подобное положение дел, как некую тюрьму, и сами выбирают то, что им потреблять, если, конечно, они способны осмысливать происходящее. Любые правила дают и возможности. Мы не выбирали родного языка – он нам был дан, и это русский – но благодаря ему мы можем помыслить такие мысли, которые ни за что не появятся в голове итальянца, если он не овладеет русским в достаточной для этого усилия мере. Подытожим. Отношения между человеком и обществом симбиотичны. Индивид потребляет, а социум производит. И одного без другого не бывает.

Однако мы затронули другую важную тему. Мы написали о структуре общества и о том, что потребление восстанавливает её. Всякий социум устроен определённым образом. Как может удовлетворение потребности сохранить эту структуру? Тут мы снова обратимся за помощью к социализации. Воспитание включает нас в общество, но в ходе его мы усваиваем не только потребности, иначе мы были бы обжираловками в свинарнике, но и более тонкие материи. В частности, мы распознаём, принимаем, а после и обосновываем невидимую паутину расстояний между людьми. Мы дистанцируемся от одних и приближаемся к другим, кого-то любим, а других – ненавидим, воспринимаем одних стоящих выше нас, а прочих – ниже и т.д. Мы запоминаем и силы, и их расстановку на поле игры. Мы усваиваем Порядок. Как в шахматах мы обучаемся видеть не столько отдельные фигуры, сколько их расположение на доске. И сразу становится неважно, чем именно играть. Главное – взаиморасположение. Пешка не убивает короля напрямую, но она находится в таком, уничтожающем его, месте. И её силы, и потенции прочих участников соприкасаются между собой определённым, заканчивающим игру образом. Именно поэтому при смерти отдельных людей с обществом ничего страшного не случается – порядок восстанавливается сам собой. Президента будут оплакивать, но на смену ему выберут или назначат дру-

гого. Или вообще вместо него будет, например, король. Суть останется прежней. Потому что социум – не вот это данное количество совершенно конкретных индивидов, а взаимоотношения их позиций и возможностей. Общество – это нечто нематериальное, и к тому же безличностное. В этом чётко установленном порядке не у каждого есть своё место. Позиции дублируются и повторяются, не все, но многие. То же относится и к потенциам. Мы набираем силы и теряем их. Человек изменяется, но социум остаётся прежним.

Перейдём отсюда к потребностям. Легче всего объяснить восстановление структуры общества через экономические принципы. Возьмём любого индивида, пусть это будет представитель среднего класса. Он живёт в двухэтажном доме в пригороде, его семья обладает двумя автомобилями средней ценовой категории, он ездит отдыхать раз в год во Францию, останавливаясь в трёхзвездочном отеле. Что станет делать этот человек? То же самое. Кататься на машинах средней ценовой категории, обитать в том же доме, проводить отпуск в трёх звёздах. На большее он не способен. Он вписан в социум, в котором есть бродяги, неимущие, низкооплачиваемые работники, богачи и т.д., как средний класс. Своим существованием он увековечивает систему. Но что будет, если он разбогатеет? Изменится ли при этом общество, частью которого он является? Нисколько. Просто он станет богаче, и всё. Большинство членов социума подобных передвижений даже не почувствует. Структура останется прежней. То же самое, кстати, произойдёт и в случае его обеднения.

Но благодаря чему достигается эта устойчивость? Благодаря неизменности наших потребностей. Всю жизнь мы хотим одного и того же, с небольшими вариациями. В капиталистическом обществе подавляющее большинство желает стать богатыми и сделать карьеру. И потому, что все этого добиваются, капитализм жив. Люди, настроенные прокапиталистически, могут реализоваться лишь в социуме свободного рынка, а тот, в свою очередь, реализуется лишь с деятельностью этих самых персонажей. Капитализм, как, впрочем, и социализм, и коммунизм, и анархизм – в головах людей. Не будет индивидов, разделяющих ценности и структуру этих строёв, исчезнут и они сами. Тот же капитализм устойчив не потому, что он наиболее эффективно удовлетворяет нужды людей, а потому, что наиболее эффективно навязывает эти нужды.

Какой вывод нам предстоит сделать? Воспитание прививает нам некоторые потребности, способы, методы и возможности их удовлетворения. Потребляя, мы снимаем внутренний и внешний дискомфорт, заодно уверяя своими действиями систему в том, что она была права, что она истинна, и подвигая её на возобновление предыдущих усилий. Потребности и гомогенны, и гетерогенны. Их однородность состоит в том, что все участники социальных процессов желают сохранения того общественного уклада, в котором они пребывают. За

исключением разве что революционеров, как скрытых, так и явных. Их разнородность заключается в стремлении к состоянию покоя в дистанциях между людьми. Бедные не хотят, чтобы бедные исчезли окончательно, их цель изгнать нищету из своей собственной жизни. К этому необходимо присовокупить и то, что, потребляя, мы используем уже имеющийся механизм удовлетворения нужды, заставляя его при всяком обращении к нему оживать и получать новую энергию.

Таким образом, эта невидимая связь между отдельными людьми, составляющими культуру, восстанавливается и сохраняется с помощью потребления. Желая, испытывая нужду и действуя в соответствии с нашими прихотями и объективными потребностями, мы включаемся в общество и включаем его.

Резонно было бы перейти сейчас к рассмотрению человека, но у нас остаётся один нерешённый вопрос. Есть ли общество суть нечто только производящее? Или другими словами – имеются ли у социума потребности? Этот вопрос толкает нас к рассмотрению противоположности между потреблением и производством. Действительно ли они противопоставлены друг другу или нет? Как мы видели на примере взаимоотношений между индивидом и обществом, такой чётко очерченной грани не существует. Социум, как мыслимый порядок у нас в головах, по сути, не даёт никакой продукции. Её поставляют нам другие люди, обученные и встроенные в общество. Цепями поставок и их регулированием занимаются специалисты. Но все ли необходимые предметы и искомые позиции мы получаем от профессионалов? Безусловно, нет. Связи между друзьями, скажем, подвергаются контролю со стороны их самих, какого-либо органа над ними нет, да и быть не может. Нельзя заставить людей дружить. Положение в обществе при рождении нам даруется самим фактом появления на свет. Его не заслуживают. Одним словом, очень многое отдано на откуп самим людям, с их страстями, мечтами и стремлениями. Что же тогда принуждает нас держаться прилюдно благоразумно и мирно, что бы это ни означало? Почему все компании приятелей так похожи? Как мы уже писали выше, социум прививает нам не только потребности, но и способы их удовлетворения. Мы хотим дружить и дружим так, как нас этому обучили. Все прекрасные слова о дружбе, о самопожертвовании ради друзей, о единстве и сплочённости вдальбливаются нам в головы, чтобы мы затем реализовали их на практике. Мы снова и снова ранжируем близко стоящих нам людей на незнакомцев, врагов, приятелей, знакомых и прочих. Мы проводим ту самую операцию по истолкованию социального порядка, которой научились ещё в детстве. Мы расставляем других по позициям. Это не означает, что мы не выбираем себе в друзья того, кто нам нравится, но это значит, что все люди дружат одинаково, по крайней мере, в рамках одного и того же общества. Следовательно, мы воплощаем в реальность ту невидимую паутину, которая и составляет сущность социума. Часто даже не на-



стоящего общества, а лишь мысли о нём. И следование этим мыслям не позволяют нам действовать, тем самым, укрепляя в вере в неизблемость порядка. А раз и другие поступают аналогичным образом, то и без активного вмешательства в реальность, на уровне размышлений, мы восстанавливаем неизменное.

И всё-таки есть ли у общества потребности? Разумеется. Любое образование, сколь бы искусственным или естественным оно ни было, жаждет самосохранения. В философии популярны концепции общественно-исторических изменений. Предполагается, что всякая социальная формация куда-то движется. Это может быть прогрессивно ориентированный путь, либо, наоборот, регрессивно направленная дорога, даже традиционные общества оказываются в подобных схемах. При этом обязательно подчёркивается тот факт, что современность достигается лишь с помощью перемен. Но если копнуть глубже, то изменения окажутся не столь существенными, как думалось вначале. Базовые структуры социума застыли на месте. Да, поменялись формы, другая стала и обстановка, процессы протекают теперь иначе, но внутренности – те же самые. В России, например, произошли колоссальные сдвиги, но холопское сознание не претерпело никаких пертурбаций. То есть рабы и хозяева по-прежнему населяют пространство от Европы до Тихого океана.

Однако нас тут интересует другое. Человек желает, чтобы общество сохранилось в том виде, каким он его застал в период формирования своей личности, и всеми своими действия осуществляет своё желание. Социум также стремится к этому. Но хочет ли общество сохранения индивида? Здесь, вероятно, у многих возникнут мысли по поводу демократичности того или иного социального строя. Отчасти вопрос к тому и ведёт, но большей частью всё же уводит. Общество, конечно, может способствовать увеличению продолжительности жизни, снижению детской смертности, повышению уровня образования, спасению своих соплеменников, попавших в беду. Но здесь речь идёт не о социуме, а о государстве, точнее об его идеологии, которую оно более или менее последовательно воплощает в жизнь. Ни одно общество не желает сохранения индивида, если тот не разделяет его базовых ценностей. Человека, призывающего к революции, гораздо охотнее накажут за это, чем убийцу, погубившем несколько судеб. Как государство, так и социум станут преследовать его. Но достигаться цель будет разными способами. В первом случае всё очевидно – репрессии, тюрьма, ссылка, каторга, расстрел. Во втором – игнорирование, непонимание, отталкивание, в общем, социальная изоляция. Общество желает сохранения человека постольку, поскольку существование этого индивида сохраняет взаимное расположение позиций и сил, т.е. воспроизводит социальную структуру. В таком случае отдельный член коллектива может быть и вовсе невостребованным, а, следовательно, лишним.

Что же тогда производит общество? Естественно, не машины. И не дороги. Не детские сады. Не правительственные учреждения. Всё это строят люди, прошедшие специальную подготовку или без таковой, уполномоченные государством или без разрешения, любящие свою работу или питающие к ней отвращение. В своей повседневной и профессиональной деятельности они удовлетворяют наши потребности, как и мы – их. Общество производит через нас, с нашей помощью. А мы потребляем через него, с помощью других. И вся эта кипучая работа служит единственному предназначению – сохранению общества, а через него и нас самих.

Кто же такой человек? Что он собой представляет? В наших терминах – это участник социального процесса, направленного на самосохранение. Он суть потребитель. Но то же самое можно высказать и по поводу животного. Любой зверь, испытывая потребности, обусловленные его биологической натурой, также удовлетворяет их за счёт имеющейся системы, внося в неё свою лепту. Почти все мы знаем, что есть кругооборот веществ в природе. Одни пожирают вторых, а те становятся жертвами третьих. И всё это справедливо и в отношении человека. И потому мы приступаем к рассмотрению физиологических потребностей.

Мы являемся потребителями в силу объективных, не зависящих от нас причин. Наше тело не приспособлено удовлетворять свои нужды самостоятельно, исходя из имеющегося материала. Как и другие животные, люди направлены вовне. Мы черпаем всё необходимое из окружающей нас среды. Но при этом человек использует сверх того, что он должен, сообразуясь с естественными законами. Опять приходится повторять, но человек – это разумное существо. Он с неизбежностью требует других. И таким образом формирует новое образование – общество, для прокормления которого нужны природные ресурсы, сверх положенного. То же относится и к животным. Звери, хранящие еду про запас, часто не пользуются ею, и она пропадает. Но необходимость хранения от это никуда не исчезает.

Биологические потребности возникают сообразно строению нашего организма. Прямохождение вынуждает нас потреблять больше кальция для крепкого таза и укрепления костей. Оно же производит детей с мягкой черепной коробкой, тем самым заставляя особо оберегать голову от внешних воздействий. Из-за отсутствия явно выраженного волосяного покрова человек обязан укрывать не защищённое от холода и солнечной радиации тело. Такая же нехватка крепких и эффективных средств обороны и нападения в виде клыков и когтей, дополненная открытым животом, ещё больше требует заботы о безопасности перед лицом (вообще-то мордой) хищников. Продукты жизнедеятельности тоже сами по себе никуда не исчезают.

Это всё банальности и избитые клише. Человек – это животное со всеми вытекающими отсюда последствиями. В рамках нашего исследования это не столь важно, главное в другом. Мы должны выяснить, строятся ли взаимоотношения между природой и человеком на тех же основаниях, что и в случае с социальными потребностями, т.е. люди – потребители, природа – производитель. Нас могут упрекнуть в некой доли утилитаризма, мол, сейчас мы будем говорить об использовании окружающей среды. В какой-то мере, да, будем, но с одной огромной оговоркой: природа – это не бездонный кладёзь полезных ископаемых, еды и мест под застройку, но наш дом.

Как мы уже успели заметить, окружающая среда диктует свои условия, в нашей терминологии – порождает в нас определённые потребности. Это подчинение значительно более жёсткое, чем зависимость от общества. Как биологический вид, *homo sapiens* не способен отвернуться от них раз и навсегда. Социальную среду возможно поменять по своему желанию, просто переселившись в иную систему координат, но отказаться от своей натуры, от рук, ног, почек, глаз и прочего вообще вряд ли осуществимо. Наш организм – строгий судья, и от его недремлющего ока никуда не денешься. То же самое касается и способов удовлетворения возникающих нужд. Есть хорошая пословица на этот счёт – нельзя укусить свой локоть. Люди, обладающие особо гибкой конституцией, конечно, способны на подобные действия, но большинство из нас – нет. Даже лучшие бегуны с трудом преодолевают скоростной барьер в 40 километров в час. Голыми руками проблематично убить медведя, а вот косолапый очень даже запросто завалит чуть ли не любого человека. И на Северном полюсе без одежды долго никто не протянет. Человек как животное в этом отношении весьма ограничен. Мы вынуждены передвигаться на двух ногах, а не, скажем, на четвереньках, есть руками, а не ногами, даже звуки, произносимые нами, имеют строго обозначенный диапазон, и за него выйти нереально. Поэтому взыскательное начало на нас со стороны природы усмотреть несложно. А вот нужны ли мы ей?

Если всматриваться в эту проблему в свете наших дней, то невольно приходишь к выводу о желательности регулирования, как численности человеческого рода, так и его деятельности. Но мы тут занимаемся другими проблемами. С точки зрения нашей концепции люди необходимы природе так же, как и она им. Человек потребляет то, что производит окружающая среда, которая доставляет продукцию потому, что её кто-то потребляет. Вполне вероятно, что люди заняли чужое место. Но структура при этом сохранилась. Птицы по-прежнему летят осенью с Севера на Юг, жабы размножаются ещё прадедовским способом, реки текут, а горы возвышаются над долинами. С появлением человека на планете мало что изменилось, как, впрочем, и в нём самом. И внутреннее физиологическое, и духовное наше состояние так и не сдвинулось со стартовой точки. К этому необходимо доба-

вить, что природа не создаёт тупиковые ветви развития – если вид плохо приспособлен, он погибает, если нет – выживает. Чрезмерные популяции уничтожаются вместе с сокращающимися продовольственными запасами. В этом смысле структура незыблема.

Мы намеренно оставляем в стороне вопросы о закономерности появления сознания на Земле, об одушевлённости и склонности к экспериментаторству природы, о теориях происхождения жизни и человека, в частности. В свете нашей работы эти вопросы не существуют. Зато очень важна задача следующего свойства. Каждый биологический вид занимает определённую нишу. Если он неудачлив, он истребляется самим фактом своего несовершенства и худшей по сравнению с другими видами неприспособленности, если, напротив, ему улыбается удача и благоволят обстоятельства, он занимает положенное ему место. Человек не подчиняется этому закону. Он словно опровергает их. Мы чересчур расплодились, мы изъяли, точнее, уничтожили многие виды, вписанные, надо полагать, в общий кругооборот, мы угрожаем всему живому.

Однако перенесёмся во времена оны. На заре своего появления на планете человек тут же втянулся в гонку на выживание. И долгое время у него не было никаких конкурентных преимуществ перед другими видами. Всё, чем он брал, было сосредоточено и поныне остаётся на прежнем месте, это его развитый мозг, способный на мышление. Остальное – излишний балласт или, по крайней мере, постоянная лампа тревоги. Инструмент, позволявший кое-как избегать опасностей и добывать пропитания, был подножным. Численность человечества оставалась на одном уровне. Ели нас, и мы ели других. Но затем всё резко переменялось. Почему?

Мы не зря упоминаем прописные истины снова и снова. Человек жил в обществе. И именно общество, развиваясь, усложняясь и проникая в сознание каждого своего члена, накапливало то, что не в состоянии был накопить отдельный индивид. В начале своего возникновения человек был животным. И подчинялся животным, т.е. природным законам. Общество должно было проникнуть в голову всякой своей составляющей, чтобы подменить собой окружающую среду. Но для этой цели простого стада не доставало. Скученность ещё не есть система. Структура кристаллизовалась постепенно. Не случайно рисовать на стенах пещер люди стали раньше, чем изобрели колесо. Необходимо было усилить влияние социума на него, а уже затем изыскивать способы достижения превосходства над прочим зверьём. Оказалось, что общение нужно более настоятельно, чем, скажем, лечение болезней. Безусловно, на создание языка, правил и норм, а также ценностей было потрачено уйма времени. Сделать это было намного сложнее, чем изобрести атомную бомбу. Но однажды люди заговорили. И тогда общество окончательно заменило собой природу. Две эти системы не совпадали друг с другом. И оттого мы можем сегодня на-

блюдать губительные последствия подобного отказа от соблюдения естественных законов. Однако мы не склонны преувеличивать роль всякого социума в уничтожении окружающей среды. В этом мероприятии принимали участие и другие факторы, на которых мы не станем останавливаться.

Как бы то ни было, но природе человек был также необходим, как и она ему. Потребности, навязанные ею, способы их удовлетворения и нужный материал при их использовании восстанавливали и сохраняли природу. Сухие сучья, болтающиеся на ветру, иссушают здоровые ветви. Избыток зайцев приводит к уничтожению многих деревьев. Благоприятные погодные условия способствуют повышенной численности рыб, могущих уничтожить планктон. Всё это можно спокойно и без ущерба для окружающей среды изъять. И человек вписался в приготовленную для него нишу. И до сих пор мы дышим тем же воздухом, кушаем ту же пищу, передвигается на двух ногах так же, как и в те далёкие времена.

Но теперь управление за навязыванием и исполнением потребностей взяло на себя общество. Оно регулирует как сам приём пищи, так зачастую и отрезок дня, когда еда желательна. Оно следит за соблюдением приличий выведения отходов жизнедеятельности и за местом и временем этих естественных процессов. Оно контролирует сферу продолжения рода и накладывает многочисленные запреты в сексуальной области нашей жизни. Пока оно не может управлять возникновением самих этих потребностей, но мы уже терпим, откладываем, стесняем самих себя и творим ещё много чего противоестественного.

Однако это не отменяет того факта, что биологические потребности в некоторой степени независимы от общества. Каким образом они взаимодействуют друг с другом? Прежде чем отвечать на данный вопрос, нужно чуть-чуть отступить в сторону, чтобы прояснить одно положение, которое может ввести в заблуждение. Мы не считаем социум подобием тюрьмы. Даже если это и так, то мы становимся узниками добровольно. Отношения между индивидом и обществом сложны и перепутаны. Да, мы не выбираем социума, в который нас выбрасывает мать. Мы интуитивно и дорефлексивно усваиваем наличный материал, не имея возможности ни оценить его, ни предпочесть ему другой. И смена общества на другое мало что даёт нам в плане развития. Тем более человек не в состоянии вернуться в прошлое или перенестись в будущее. Но есть одно весьма положительное зерно в этом отсутствии потенций для выражения нашей воли. Людями, и мы подчёркиваем это ещё раз, становятся лишь в окружении себе подобных, т.е. в социуме. Альтернатива тут единственная – быть животным. За свою человечность мы платим скованностью западни общественно настроенного восприятия мира, его осмысления и преобразования. Мы – люди потому, что мы зависимы.

И это возвращает нас к нашей природе. Социум вынужден принимать в расчёт человеческую физиологию. Без удовлетворения нужд в пище, крове, одежде, размножении и прочем гибнет вначале человек, а вслед за ним и общество. Существуют различные варианты удовлетворения этих потребностей. Западные общества подвергают телесность человека дискриминации со стороны духа, восточные часто делают акцент на чувственных переживаниях. Но и те, и другие преобразовывают наше тело. По сути, оно больше не принадлежит миру живой природы, но составляет часть социума, пространство применения его на практике. Телу уделяется так много внимания вследствие его оторванности от общественного в людях. Скажем, мастурбация запрещается в некоторых регионах планеты, но мальчик, онанирующий втайне, получает от этого удовольствие. Наслаждение невозможно окончательно элиминировать из его духовной жизни. Если ему хорошо промывали мозги, он будет испытывать не только радость, но и стыд, однако положительное никуда не денется, иначе он вообще бы не стал заниматься самоудовлетворением. В этом примере ощущается некая двойственность. С одной стороны, на мужской пол накладывается строгий запрет: подавлять свои сексуальные желания. С другой стороны, мужчины учатся ценить красоту: им объясняют, что в женском теле красиво, а что – нет. И это постоянно будет возбуждать их. Раз и навсегда покончить с этим дуализмом невозможно. Любой социум всегда будет стремиться к контролю, как за определением красоты, так и за реализацией индивидом своей сексуальной энергии. Поэтому отношения между биологическими потребностями и обществом можно выразить оксюмороном – стихийная управляемость. Т.е. стихию стараются вогнать в некое русло, но она неизменно выплещивается наружу.

Однако это ещё не всё. Если мы обратим внимание на наше тело, а затем на окружающие нас предметы, связи и смыслы, то увидим много интересного. Тело не просто принимается в расчёт, его потребности не просто удовлетворяются социумом, но и сам способ потребления также заимствуется у нашего организма. Вы вряд сможете найти, допустим, ступени больше, чем среднестатистический подъём ноги. Асфальт на пешеходных дорожках или тротуарная плитка ровные, а не с перепадами высоты потому, что так удобнее нашему телу. 90 процентов правшей обусловили правоориентированные ручки, кнопки, наклоны и прочее. Мы здороваемся друг с другом не ногами, а рукопожатием. И многое другое. Особенности строения нашего тела в большом количестве случаев предопределили строение социального ландшафта. Американские мультфильмы часто показывают вместо людей животных (причём относящихся к разным видам), так же сидящих в конторах, звонящих по телефону, ругающихся и водящих автомобили. Но они демонстрируют не зверей, а людей. Если хорошенько поразмыслить, то всё общественное пространство, будь оно

отдано во власть, скажем, моржам, должно быть переделано под моржей. И данное преобразование привело бы к полному изменению привычного для нас социального мира. Люди не умеют летать – и вот вам лифты. У человека отсутствуют крепкие зубы – и, пожалуйста, шелкунчик. Тут нужно добавить и тот факт, что сам социум явился во многом результатом заимствования из мира естественной жизни. Люди подсматривали за животными, копировали их и внедряли наиболее подходящие модели поведения, а также схемы и чертежи в свою искусственно выстроенную вселенную.

Но, заимствуя изобретённое природой и данное непосредственно в человеческом организме, общество включает нашу телесность в более обширные социальные потребности и процесс их удовлетворения. Поэтому, подводя итог, можно сказать следующее. Биологические нужды тесно переплетены с самим устройством общественного пространства, со способами его функционирования и восстановления. Они дают начальный толчок к осмыслению окружающей среды и на основе этих размышлений импульс к созданию искусственного (конечно, не всецело) мира культуры. Независимость физиологии от социума всё же существует. Перечеркнуть своё тело никто из нас не в силах, игнорировать его позывы – тем более. И это значит, что общество, желая регулировать по возможности всю жизнь человека, будет пытаться контролировать в том числе и любые проявления нашего организма, не перекраивая их окончательно под свою кальку. Следовательно, противостояние социума и окружающей среды, как в человеке, так и в мире сохранится и впредь.

Теперь нам осталось рассмотреть последнюю группу потребностей – индивидуальных. Нас интересуют всё те же вопросы. Существует ли в рамках личностных нужд единство потребления и производства? Как взаимодействуют между собой социальные потребности и индивидуальные? А соответственно – личностные и биологические. К этому необходимо присовокупить задачи нахождения корня индивидуальных нужд и, наконец, соотношения между человеком и обществом.

О личностных потребностях мы уже писали выше. Они представляют собой то единичное, что выделяет индивида из общей массы общественного устройства. На ум сразу приходят исследования, посвящённые феномену массы. Социум, безусловно, подавляет уникальность, сводя её к распространённости. Но ни в одном обществе не бывает хотя бы даже двух совершенно одинаковых людей. Они могут быть абсолютно похожи лишь тем, что они люди. И не более. Мы пока оставим в стороне эту проблему и обратимся к другой (пока наша память ещё свежа) – соотношению между биологией и неповторимостью.

Человек, как животный вид, особенный. Нет двух одинаковых организмов. Кто-то толст, другой худ, один – тёмноволос, второй – светел, некто переваривает лактозу, а сосед его – нет. Разумеется, встре-

чаются и близнецы. Их внешний облик схож, но в том-то и дело, что только внешний вид. Внутренние свойства могут и различаться. Не похожи жизненные пути, пристрастия и чаяния. Неповторимость тел часто приводит и к уникальности душ. Это очень тонкая материя – рассуждения о душевной жизни, но нам придётся ею заняться.

Как мы уже упоминали, телесность предопределяет будущие действия, способы реагирования, интенсивность реакций, самовосприятие. В данном случае нас больше всего заботит последнее. Смотрясь в зеркало, мы составляем о себе некое мнение. Оно может, как совпадать с восприятием нас общественностью, так и различаться. Но внутренний образ будет какой-то частью неизменен. Конечно, мы станем по-другому относиться к себе вследствие нажима со стороны окружающих нас людей, но некое ядро сохранится. В индивидуальных нуждах мы преследуем цель именно консервацию подобного образа. И главной его составляющей будет Я. Человек всегда имеет в себе чёткую тождественность: Я – это Я. Зеркало в процессе создания Я участвует непременно. В таком качестве могут выступать и близкие нам люди, и дальние, совсем чужие незнакомцы. Мы отражаемся в других и отражаем их. И сходство тут только в одном – каждый содержит в себе Я, которое признаётся остальными. То есть Я одного в своей целостности и уникальности совпадает с Я стоящего рядом или поодаль, вообще со всеми возможными Я.

Это Я лишь концептуально неизменно. Его облик, личина подвержены изменению временем, обстоятельствами, мнением прочих. Старик не ощущает себя младенцем, но он всё тот же, что и в тот момент, когда он сформировал своё Я. Убийца испытывает чувство стыда, но его Я сохранилось. Меня начали считать выдающимся философом, но моё Я всё то же. Изменчивая физиология постоянно вносит свои коррективы в наш образ. Сломав руку, мы скоординируем свои действия с тем, чтобы не причинять себе ещё большей боли. Естественные процессы вынуждают нас чем-то жертвовать и принимать в расчёт зачастую нежелательное. И что очень важно – наша природа приводит нас к осознанию нашей единичности, несводимости к иному. Мы выводим для себя, что мы не можем совпасть с кем бы то ни было. Нас никто и никогда не поймёт так, как на это способны мы сами. Никто не увидит всего, что случилось с нами, кроме нас самих. Никто не проникнет внутрь нас, что разобраться, в чём дело. Никто не залезет в нашу шкуру, чтобы прочувствовать то, что ощущаем мы. Это мои пальцы, мои глаза, мои эмоции. Язык, как общественное, нивелирует разницу. Плач – это просто плач. Он как бы ничей, но одновременно всеобщ. Но каждый плач – плач одиночки, отдельной особи. И причины плача – твои или мои, но не наши, не их, не всех. И эта несводимость Я к кому бы то ни было ещё охраняет наше Я, охраняет его и утверждает.

Но наша природа даёт нам чувство не только единичности, но и схожести с прочими. У остальных также две руки, две ноги, один нос,



глаза на том же месте. Все словно клоны неотличимы друг от друга. Мы передвигаемся, как они, кушаем, как те, улыбаемся, как другие.

Очевидно, что в этом месте случается разрыв. Социум подгоняет всех под одну гребёнку. Языковыми, смысловыми, понятийными и ценностными средствами он заставляет нас быть одинаковыми. Мы выражаем себя с помощью языка, но выражаем не Я, а некую яйность, тождественность другим. Это касается не только лингвистических приёмов, но и телесных, и мимических, и поведенческих, даже мыслительных. Разрыв как между личностными и социальными, так и между индивидуальными и биологическими потребностями лежит в неуловимости различия. Разве другому не надо питаться? Неужели тот не хочет быть любимым? Не стремится ли сосед к самореализации? Всё так. Но есть и нюансы. Общество не в силах их уловить, но человек старается.

Где, в таком случае, зарождаются личностные нужды? И главное – отчего? Как мы уже писали, нам постоянно внушают тот факт, что мы уникальны. Самодостаточности мало, а вот неповторимости слишком много. Нас учат быть непохожими на других, но учат без объяснения способов достижения этой цели, а предлагают лишь набор всеобщих методов. Редкие индивиды самостоятельно находят пути к своему Я, остальным приходится довольствоваться массовыми эрзацами, как в примере с кухней.

Чтобы не быть голословными мы изучим сумасшедших. Медицинские критерии определения невменяемости нас не волнуют. Наиболее существенное в клиентах психиатрических клиник в том, что они частично выбиваются из общего ряда. Какие потребности они испытывают? И как их реализуют? Их нужды не сводимы к общим путям. «Нормальным» людям трудно понять, зачем, предположим, ждать возвращения синей птицы. В социальной действительности синих птиц не ждут. Даже если вам вздумается всё-таки попробовать ожидание на вкус, вам мгновенно приведут целую кучу доводов в пользу отказа от этой затеи – от бесполезности до отсутствия этого вида птиц в природе. Но где-то далеко внутри каждый надеется на чудо. Тут механизм схож с физиологическими нуждами. Индивидуальность подавляют, но в то же время превозносят. Её не могут исключить окончательно, а потому стараются вогнать в рамки общепринятого. Так зачем «больной» ждёт прилёта синей птицы? Навязана ли эта потребность? Без этого ожидания он перестанет быть собой, в этом смысле ожидание – нужда. Она, разумеется, может быть вдолблена в нашу голову каким-либо повреждением мозга, лекарственными препаратами, внушением гипнотизёра, но вместе с тем она возникает словно ниоткуда. Язык, увы, слаб в отношении описания личностных потребностей. Наша целостность, неразрывность нашего Я предполагают в том числе и грядущее появление синей птицы. Но вот откуда берётся пернатая в нашем воображении не совсем понятно. И эта трудноуловимость раз-

дражает остальных не меньше, чем призывы к свержению конституционного строя. Мы силимся понять, почему он ждёт, но не можем. Для нас, обычных людей, он не в себе, хотя именно он-то и в себе, тогда как мы не в себе и не для себя.

Совершенно нормальных индивидов не бывает в принципе. Это докажет каждый психиатр. И это утешает. Не потому, конечно, что нам лично нравятся сумасшедшие и тронутые. Нет. Это означает, что личностное начало сохраняется в нас, несмотря на репрессии и узкие границы. Но мы пренебрегаем своей уникальностью в угоду сохранения общественного порядка, социального соотношения позиций и сил. А, решившись на неповторимый поступок, отказываемся потому, что считаем, хотя на деле так считает общество, что поступай так всякий, никакого единства среди людей не будет.

Впрочем, мы немного увлеклись. У нас осталось ещё пара вопросов. Первый – как социально сконструированная потребность быть личностью согласуется с индивидуальным началом? И второй – есть ли некий производитель, который удовлетворяет личностные нужды?

Понятие человека сугубо общественно. Вне социума людей не существует. В обществе живут люди. Но люди – это абстракция, как и сам социум. В действительности людей не бывает. Есть вот этот индивид, один в своём роде, есть другой, тоже уникальный, и т.д. Массы никогда не получается, мы разделены своими Я от Я остальных. Общество обучает нас находить общее, но не отличное. И потребность быть личностью навязывается, как и прочие социальные нужды. Маленькие шалости, нередко происходящие с каждым из нас и выводящие нас в сферу индивидуального, приветствуются и поощряются, если, разумеется, не покидают границ дозволенного. Мы иногда ни с того ни с сего танцуем, что-то шепчем себе под нос, смеёмся над несмешным для других. Особенно явно это заметно в детях. Ребёнок, не до конца усвоивший весь паноптикум правил и предписаний, нарушает нормы, но делает это не сознательно. Он всего лишь на всего выражает то, что требует его душа. Непроизвольно и в порыве. Взрослые люди сдерживают себя, внутренне изучая внешнюю обстановку, сообразуясь с ней и принимая решение подождать до лучших времён. Постепенно это превращается в привычку, и выбросов уникальности становится с каждым разом всё меньше и меньше. Правда, вовсе они никуда не исчезают.

Здесь необходимо заметить, что общество пытается, как и в любом другом случае, контролировать ситуацию. По сути, неповторимость, как и природная стихия, поддаётся весьма слабой регуляции. Ни один социальный порядок не способен проигнорировать различия между своими членами, но зато он может указать им их место, а ещё того лучше – направить их в нужное ему русло. Элементы, потенциально угрожающие нормальному функционированию системы, канализуются прочь, на самую обочину общественного бытия, как в примере с

умалишёнными, а все другие получают миниатюрный закуток своего одиночества или небольших компаний, чтобы самовыразиться. Потому что, как уже было описано, понять нас могут немногие, если не исключительно мы сами. Но люди стеснительны, скрытны и подозрительны и не допускают в свой внутренний мир посторонних.

Как бы это страшно ни звучало, но окончательно стать самим собой в рамках какого бы то ни было социума никто не способен. Люди обязаны подчиняться неким стандартам, т.е. усредняющим предписаниям, чтобы быть людьми, они должны учитывать существование соседей. И в этом внимании к нуждам других, в их уважении, и принятии на себя ряда обязательств и состоит социальность.

Кто же или что удовлетворяет индивидуальные потребности? Наиболее верным ответом был бы – сам человек. Но это не совсем корректно по отношению к обществу. Именно оно даёт индивиду способности, возможности, инструменты и методы погашения внутренних нужд, как, впрочем, и необходимый материал. Самостоятельно человек вряд ли способен и на десятую долю того, что предлагает ему социум. Только во взаимодействии человеческих единиц возникают рецепты решения внутренних страстей личности. Великие композиторы так бы и остались безвестными неудачниками, если бы не было оркестровых ям, пюпитров, всего набора музыкальных инструментов, нотной грамоты, пишущих принадлежностей, а также прочих людей, согласных не писать арии и симфонии и кормить тех, кто их творит, и предоставлять им прочие услуги. С сожалением приходится констатировать, что не каждому человеку удастся в своей жизни обрести самого себя, того настоящего Я, который обязан быть выражен. И так получается не в силу злого умысла со стороны общества, но в результате объективных причин, в частности отсутствия соответствующих условий. Однако большинство членов коллектива отыщут своё предназначение, реализуют свой потенциал и, очень даже может быть, умрут счастливыми.

Тут мы снова подходим к вопросу о демократичности различных социальных строев, но сейчас мы обойдём его по-другому, чем в прошлый раз. Всякое общество прививает своим членам отличные от прочих социумов надежды и соответственно разные способы избавление от беспокойства по поводу трудности реализации своего Я. В одном они будут выше и обширнее, в другом – ниже и уже. Их (т.е. строи) можно различать, но обвинять их не стоит вследствие равного доступа каждого индивида к тому набору наличного материала, в преобразовании которого и выводится, точнее, снимается напряжённая потребность стать личностью. Человек очень редко желает того, чего не производит общество или же не может этого удовлетворить. В социуме охотников вряд ли возможно появление человека, мечтающего стать великим художником. Но если в обществе есть хотя бы один художник, то каждый имеет шанс стать таким же. Мы условно опу-

каем социальную мобильность, доступность ресурсов, ограничения и запреты. Но делаем это потому, что воспитание накладывает на индивида строгий отпечаток, трафарет образа мыслей, по которому они текут. Рождённый ползать летать не может. Это выражение сводится не к тому, что низшие останутся внизу, а высшие – наверху. Оно об ином. На самом деле низшие даже и не помыслят стать выше. Ход их размышлений не приведёт их к осознанию необходимости прорываться наверх. И о движении вниз высшие тоже не подумают. Структура сохранится.

Поэтому можно заключить, как и в случае с социальными и биологическими потребностями, что личностные нужды порождаются обществом и им же удовлетворяются, за исключением того разрыва, что происходит и в нашей физиологии. Социум не до конца контролирует появление индивидуальных потребностей, но к этому добавляется и неполное регулирование их удовлетворения.

Что нам нужно ещё добавить? Человек для нас – это социальная конструкция. Это существо потребляющее общественный продукт. Мы упоминали, что, удовлетворяя свои нужды, человек воспроизводит социальную структуру. Но из чего она состоит? Сама по себе – это умственная абстракция, сложная паутина позиций и сил. Любой индивид занимает в ней своё определённое место, с одной стороны, получая возможности для снятия своих потребностей, с другой стороны, закрепляя её в том виде, в котором он в неё вступил. Общество ничего не производит. Но что же тогда потребляет человек? Социальные смыслы. Социальный смысл (или значение) есть базовая единица строения общественной структуры. Это результирующая взаимоотношений. Т.е. не сама связь между элементами, но некий вектор. Учесть всё многообразие реальных взаимодействий между людьми гипотетически возможно, но трудно реализуемо. Однако, как мы говорили выше, вовсе не обязательно каждому прописывать его роль. Достаточно рассказать или внушить расстановку, некий порядок. Этот порядок выражается именно с помощью социальных смыслов. По-другому. Если я хочу поведать тебе о том, что транспортное средство, которое передвигается по рельсам, на который ты взял билет и в котором намеревался добраться до пункта на карте, отдалённого от того географического места, в котором мы с тобой пребываем сейчас, было загружено пассажирами, но ты при этом отсутствовал, то я зря потрачу время на всё то, что мы только что написали. Я скажу: «Твой поезд уехал». В этой фразе содержится вся необходимая информация, но выражает она значительно больше, чем простое количество букв. Точно также и социальные значения. Они, конечно, не словесны, но они объединяют близкородственные понятия и смыслы и обозначают их единым целым на ментальном пространстве нашего восприятия социальной действительности.

Общество производит именно их. Т.е. даёт программу или схему действий. А люди потребляют их, производя всё материальное и духовное самостоятельно. Можно это также сравнить с компьютером. Мы – это машины. Социум – это программист. И даже точнее. Мы – это программы. Общество – это язык их написания. В любой русскоязычной книге вы найдёте всего-то 33 буквы. Есть ещё правила орфографии и грамматика. Красивое расположение слов в предложениях. Благозвучные сочетания. Но книги различны! Вроде бы все одинаково переплетены, отпечатаны в полиграфии, набраны единым шрифтом, откорректированы и названы. Но у всякой – свой автор. Нет похожих двух, но все сходны. Так вот человека творят точно также – печатают, проверяют, делают обложку и даже предопределяют то, как будет написан текст, но сам текст будет уникальным. Возможно, мы тут немного махнули лишку, но в целом картина верная.

Отсюда становится понятно, почему человек не хочет того, что общество не производит. В нём просто не может появиться желания получить то, о чём он не имеет никакого представления. Если кто-то желает быть богатым, это значит, что он в курсе, что такое деньги и как их можно использовать. Без этого знания богатство даже не влезет в голову. Все революционные перемены на самом деле сводились к перестановке сил, но сам порядок при этом сохранялся в прежнем виде. Мы акцентируемся на количественных различиях, тогда как качественные случаются очень редко.

Откуда же взялись эти социальные смыслы? Кто их придумал? Ответить на оба эти вопроса довольно просто. Начнём со второго. Их никто не измышлял. Все стадные животные подчиняются заведённой много поколений назад порядку. Вожаком появляется не потому, что нужно адекватно и эффективно управлять стаей, а сделать это возможно лишь в условиях единоначалия, а потому, что до него был другой глава. Верна или неверна теория о происхождении человека из обезьяны – неважно. Если да, то расстановка сил в обезьяньей стае перекочевала в человеческий социум. Если нет, то изначально стадные звери просто реализовали заложенное в них чувство единения, а, как следствие – подчинения неким правилам. Без излишнего пафоса нужно сказать следующее. Мы устроены таким образом, что неизбежно порождаем общество. Это и в строении нашего организма, и в возможностях и способах взаимоотношений между нами, в нашей слабости, в коре головного мозга. Можно, конечно, попытаться объяснить создание социума неприспособленностью человеческих существ к жестоким условиям окружающей среды. Но если правы антропологи, то мы возникли в весьма благоприятных как с точки зрения климата, так и с точки зрения добычи пропитания условиях. В других местах, если уж на то пошло, мы не появились бы вовсе (о чём свидетельствуют все археологические находки). И приспособлены мы были, да и

остаёмся не хуже прочего зверья. Как бы то ни было, но лучше и не высказеешь – социум у нас в крови.

А раз общество предшествовало или сопровождало человека, то и социальные смыслы в некотором роде уже существовали. Это не совсем так. Подчинение животной необходимости ещё не означает создание общественных значений. Возможно, некоторые из них присутствовали в социуме в латентном, скрытом состоянии. Но этого вполне могло и не быть. Лишь развивая взаимосвязи между членами полуживотного (или даже откровенно животного) коллектива, постепенно общество стало обществом, а, следовательно, сформировало социальные смыслы, поддерживающие его функционирование.

И даже это неправильно. В человеке наличествует экзистенциальная потребность в социуме. Общество без людей – нонсенс. Если общество появилось до людей, то это было не общество, потому что только люди могут составить его. Если вначале были люди, то странно, что они не образовали общества сразу. Ответ, скорее всего, двойственен. Либо и личности, и социум возникли одновременно. Тогда не было никакой эволюции, а было лишь углубление и расширение уже имевшегося материала. Либо полуобщество состояло из полулюдей. И опять же, углубляя и расширяя, они доросли до соответственно социума и личностей. Что бы ни стряслось в те далёкие времена, для нас непреложным остаётся факт потребления человеком социальных смыслов.

По поводу общественных значений необходимо сказать ещё следующее. Как и социальная структура, они содержат в себе заряд самовосстановления. Это значит, что индивид чувствует потребность не только их удовлетворять, но, снимая нужду, испытывать её заново. Фактически социальные смыслы никогда не могут быть удовлетворены. Вечный круг возникновения потребности в общественных значениях, их нарастания, снятия и повторного появления сохраняет социум в почти неизменном виде.

До сих пор мы говорили лишь об удовлетворении нужды, насколько не забываясь о раскрытии одного немаловажного момента. А именно ресурсной базы, требуемой для функционирования всего оборота потребления. Очевидно, что без наличия данного материала, будь то биологического, социального или же индивидуального, невозможно полноценное удовлетворения потребности.

Ресурсы бывают двух родов. О первом из них мы буквально абзац назад закончили разговор. Это социальные смыслы, самовосстанавливающиеся, самопорождающие и сохраняющие общество. Однако их одних явно недостаточно. Человек не может, скажем, питаться суммирующими векторами взаимоотношений позиций и сил. Ему нужна пища. Здесь уместно привести следующую аналогию. Пищеварение осуществляется должным образом при наличии самой еды и желудочного сока. Сок – это общественные значения, тогда как съестные

припасы – взятые у природы продукты. Социум обязан обеспечивать своих членов и тем, и другим. Без желудочного сока даже самая приятная и здоровая пища не переварится, а без перевариваемого материала желудок съест сам себя, нисколько не побоявшись смерти своего хозяина (впрочем, отношения господства-подчинения тут более сложные, чем кажется на первый взгляд). И вот здесь возникает вопрос о качестве удовлетворения. Мы все прекрасно осведомлены о том, что не все члены общества питаются равным образом. Должен ли социум снабжать всех всем в одинаковом количестве? Нет, разумеется. Точнее, это зависит от структуры того или иного коллектива. Однако строгой корреляции между ними не существует. Всё пляшет от устройства общества. При этом структура может допускать и голод, и неурожай, и массовый мор. При одном условии. Если все эти катаклизмы не разрушают имеющегося консенсуса всех участников социального процесса. Если, допустим, возникает подобная угроза, продукты перераспределяются, и порядок восстанавливается.

Значит ли это, что недовольство в неизменной структуре невозможно? Нет, и ещё раз нет. Представьте себе, что вдруг появляется антипапа, т.е. альтернативный глава Ватикана. Конечно, представить себе это можно, но трудно. А вот в прежние времена подобное случилось сплошь и рядом. Или вспомните лжецарей. То же самое. Прежняя структура была плохо сбалансирована и допускала подобные эксцессы. Но со временем она заматерела, и вот сегодня мы даже в мыслях не видим такого хода событий. Хотя на выборах, предположим, президента всегда победителем оказывается лишь один человек. Все остальные претенденты с очевидностью неудовлетворенны сложившимся положением. Разумеется, президентов много. Есть президент страны, президент правления банка, президент общественной организации и т.д. Но глава государства один, а все прочие – неудачники. Структура сохраняется и в условиях недовольства. Общество может деградировать при неизменной системе и процветать, испытывая внутреннее разложение. Именно поэтому случающиеся время от времени революции внутри ничего не меняют. Они свергают режим, но не структуру. Они переставляют фигуры, но не влияют на манеру передвижаться по доске. Главный политический деятель, как и при королях, функционирует в единственном числе. И такая уж большая разница, как он избирается и на какой период? Если отнестись к политике безличностно, то мы увидим только сухую подборку ходов. Никто же не станет записывать на бумаге, как светилась ладья в утреннем свете конференц-зала. Важно, что был сделан шаг. Все остальное – прочь.

Есть ли нечто подобное в индивидуальных потребностях? Естественно. Общество обязано обеспечивать людей всеми необходимыми инструментами самовыражения. Позвольте повториться, но человек не желает того, что не производит социум. Сколь бы уникальными мы

не были, хотим мы того же, что и другие. В этой связи обеспечить нашу неповторимость можно всё тем же потоком одинакового ширпотреба. С незначительными в смысле структуры вариациями на тему. Так может ли человек выразить себя полностью? Если он захочет реализоваться в существующих границах, то помешать ему способны лишь его косность, лень и отсутствие интереса, либо внешнее давление, исходящее от тех, кто уже занял желаемое для него положение и стремится не упустить его. Все эти факторы подвержены преобразованиям. Социальные возмущения и бунты, как правило, меняют внешние рамки игры, позволяя угнетаемым насладиться уже наличными благами и воспроизводя внутренние режимы.

И, наконец, последнее, касающееся ресурсов. Откуда они берутся? В широком смысле слова – из окружающей среды. Но первобытные племена не пользовались железной рудой, а, значит, потребляли не всё, находящееся вокруг них. У них не возникало потребности в железном ноже. Они довольствовались острыми камнями. Мы, т.е. современные люди, также потребляем далеко не весь природный материал. Мы не призываем к стопроцентной загруженности окружающего мира, просто констатируем факт. Поэтому можно спокойно заключить, что ресурсная база всегда уже есть. По каким тогда критериям осуществляется отбор на используемые и неиспользуемые ресурсы? Всякое общество при своём становлении учитывает природную обстановку. Мы специально не упоминаем социального и индивидуального потребления, потому что они уже социальны, т.е. управляемы сложившейся структурой. Что-то идёт в дело, а что-то игнорируется. Это может происходить как в силу объективных причин, так и по соображениям субъективного характера, но для отдельного человека – это всегда объективная данность. Социум как приспосабливается к имеющемуся, так и приспосабливает его под себя. Полно или неполно употребляются ресурсы – неважно. Существенно то, насколько верно они служат сохранению устройства общества.

Может ли быть потребление избыточным? Ни в коей мере. Мы не можем использовать того, что нам недоступно и что превосходит наши способности к усвоению. Съесть вишню из холодильника соседа, заперевшего дверь, нельзя, так и пятисотая вишня уже не полезет в рот. Но, несмотря на то, что с пятисотой ягоды, меня может стошнить, она мне также необходима, как и первая. Есть закон уменьшающейся отдачи, но здесь он вряд ли применим. Американское общество каждый год производит сотни тонн продовольствия, которое гниёт и портится не потому, что продуктовые потоки неэффективны и ущербны, а потому, что гниение и порча обязаны присутствовать для сохранности системы и в то же время являются следствием её функционирования. Это можно объяснить двумя способами. Во-первых, если понадобится меньше пищи, чем уже производится, то станут излишними люди, занимающиеся выращиванием ненужных продуктов. Фермерское



лобби, представляющее этот сегмент промышленности в Сенате или Конгрессе станет меньше при увеличении соответствующего лобби уже других секторов экономики. Займы, кредиты и льготы изменят своё течение. Вся экономика изменится. Во-вторых, любая борьба против вредных привычек не даёт желанных результатов потому, что осуществляется не на том поле. Нужно не запрещать, но изменять восприятие, вклиниваться в культуру, в сознание. И тогда пиво, томлящееся в холодильнике, станет не хорошим способом провести субботний вечер, но способом уничтожения и без того сокращающихся запасов пресной воды ради дурацкой потребности быть немного навеселе и ради отсутствия воображения. Т.е. излишки продовольствия цементируют систему, как, впрочем, и всё прочее. Да и вообще, разве продукты не портятся? А раз так, то они и должны приходить в негодность. И только если без вреда для имеющейся структуры удастся направить избыток, скажем, в голодающие страны и регионы планеты, то это будет проделано. Что же касается вишни у соседа, то тут аргументация та же. Если у него не будет этой вишни, система рухнет. На Западе многие богатые люди коллекционируют дорогие автомобили. Проехаться на каждом они, конечно, в состоянии, но использовать их все разом – нет. В независимости от того, употребляется товар или нет, он служит самовосстановлению структуры, для которой необходимы люди и предметы, реализующие сложившуюся систему взаимосвязей позиций и сил и представляющие её простым фактом своего наличия, но главное – отношения к сложившейся ситуации.

Таким образом, мы можем резюмировать весь предшествовавший текст. Люди – суть есть составляющие общества. Мы – потребители в силу объективных причин. Мы не способны производить хоть что-то без необходимой помощи со стороны социума. Потребляя, мы удовлетворяем некую пустоту внутри себя – потребности. Они бывают трёх групп или классов – биологические, обусловленные нашим животным происхождением, социальные, внедряемые в наше сознание системой взаимосвязанных личностей, и индивидуальные, выражающие нашу неповторимость и наш образ Я. Отношения между категориями нужд сложные, но в целом сводящиеся к социальной направленности. Потребляя, мы восстанавливаем или воспроизводим как самих себя, так и структуру общественных позиций и потенциалов. Которая, в свою очередь, выражена на языке социальных смыслов – векторов сходных по направлению типов связей между людьми. И, наконец, ресурсная база, необходимая для функционирования всего социального механизма, черпается из природы и из общественных значений. Она служит всё той же цели – увековечиванию системы.

## Культура потребления

Выше мы пребывали в спокойной, но неизведанной донной области теории потребления. Теперь нам необходимо подняться чуть вверх и осмотреть наши владения. Мы не стали говорить обо всём сразу, и именно поэтому после нас осталось непаханое поле тайного, ждущего своего решения. Это не значит, что мы спасовали. Описываемое нами полно, однако для иных целей рассмотрение уже пройденного нами материала должно быть дополнено и расширено.

Может показаться, что в данной главе мы примемся за те правила и нормы потребления, которые существуют в культуре. А именно, как держать вилку, как здороваться с незнакомцами, когда отходить ко сну. Так, по крайней мере, явствует из названия, вынесенного в заголовок. Но это не так. В предыдущей части нашего исследования, мы изучали феномен потребления с позиции того общего, что есть между стилями или манерами потреблять в разных обществах. Мы не делили социумы ни по каким признакам, желая найти в любом из них черты одного и того же. Однако, несмотря на явные сходства, между различными культурами существуют и несовпадения. Значительны они или нет – в этом мы сможем убедиться на примере последующего текста. Но, накаляя несколько разряженную обстановку и сохраняя интригу, мы должны уверить, что те два типа потребления, которые мы выведем ниже, а именно такую цель мы здесь и преследуем, серьёзно отличаются друг от друга, если даже не противоречат один другому.

С чего нам следует начать? На наш взгляд, наиболее адекватным стартом станет рассмотрение самого понятия культуры. Что это такое? В общем и целом, это некий способ жизни данного коллектива. Заметьте, мы не делаем ссылку на обширную литературу по данному вопросу. Поступая подобным образом, мы заранее защищаем себя от путаницы словарей по этому поводу, а к тому же развязываем себе руки в отношении свободы мысли. Что есть способ жизни? Представьте себе, что вы захотели облагородить общий участок земли в вашем квартале. Для этого вы вознамерились соорудить альпийскую лужайку, провести освещение на площадку для отдыха, поставить скамейки и урны, а также посыпать гравием дорожки, предварительно наметив их маршрут. У вас имеются все материалы, даже план мероприятий, если на то пошло. У вас есть рабочие. Как скоро вы совершите задуманное? Всё будет зависеть от того, какие сроки перед вами стоят, но, пожалуй, наиболее существенным фактором, определяющим быстроту ваших действий, станет ваше умение скоординировать совместную работу. Вот именно этот способ организации и составляет суть способа жизни социума. И даже сложнее. Вам надо заставить трудиться соседей добровольно и бесплатно. Ведь все же будут пользоваться и любоваться этими сооружениями.

Для образования общества не было назначено никаких последних дат. Создавать социум было либо уже поздно, либо срок не имел никакого значения. Главное, что требуется в совместных действиях – это согласие. На подчинение или на равноправие – неважно. Но согласие должно быть обязательно. Если соседи проигнорируют ваши призывы, а других работников днём с огнём не сыщешь, то вам не останется ничего лучшего, как договариваться с ними или вовсе работать в одиночку, что определённо неприемлемо. Чем раньше вы установите некий компромисс, тем скорее приступите к работе. И наоборот. И если облагораживание пустующего места очень важно для вас – пусть уж сейчас тут находится свалка, и с ней давно пора что-то сделать – то договор желательно уставить в самые сжатые сроки.

Однако что должно регулироваться с помощью согласия? О чём станут договариваться люди между собой? Если мы говорим о конкретном примере со свалкой, то контролироваться обязаны совместные действия: разделение работ, взаимная помощь, длительность трудового дня и прочее. В случае культуры люди соглашались на общие ценности, на нормирующие предписания, на некий свод правил поведения, на единые шифр и метод декодирования.

Что-то подобное происходило и в случае с образованием общества. Но строители человеческого социума не были столь образованны, как наши современники. Они не успели поднатореть в организации общественного сотрудничества потому, что не имели предварительной подготовки, имели дело с такими же неучами, как они сами, и, скорее всего, очень часто неудачно экспериментировали. Почему же получилось так, что они смогли создать современные нам общества? Неужели они были умнее нас? Говорить о качествах наших предков как-то неловко. Обидишь – словно самого себя. Похвалишь – вроде бы самодовольство. Мы попытаемся найти корни их успешного общественного строительства. Но искать их будем в объективных причинах.

Никто не спорит с утверждением о том, что люди разные. У нас несходны разрез глаз, цвет волос, пигментный состав кожи, рост, пропорции тела. Что бы ни говорили противники расовых теорий, нечто одинаковое у представителей одной и той же расы всё-таки имеется. Чем бы ни обуславливалось подобное положение, отличающиеся друг от друга цивилизации существовали и, видимо, так и будут населять нашу планету. Тут может показаться, что мы решили обосновать свою теорию на расовой дифференциации, но это не так. Просто мы хотели показать, что отличия немаловажны. И после мы ими ещё воспользуемся.

Задача философа искать общее. И вот этим общим для любого человека (да простят нас люди с ограниченными возможностями) является его тело. Наша физиология многое предопределяет в нас. Мы передвигаемся на двух ногах, смотрим только вперёд, наши руки сво-

бодны, а голова тяжела, нам удобнее принять лежащее, чем стоячее положение. Мы способны есть только строго определённую пищу, желательно приготовленную, мы вынуждены защищать самое слабое место нашего организма – живот – от хищников. И т.д. по всему списку наших отличительных физиологических особенностей. Как уже было сказано, отказаться от своего тела или пренебрегать им мы не в состоянии, иначе оно нас жестоко и сильно накажет. Прислушиваться к своему организму нас учат с раннего детства. И если с отдельным человеком всё более или менее ясно, то как быть с обществом? Зависит ли социум от телесности человека? Конечно. И как мы писали выше, многие приспособления и устройства, да что там, весомая часть культурного бытия обусловлена именно телом. Если вы вспомните тропинки в снегу или на лугу, то поймёте по их ширине, ходят ли по ним парами, с грузами или поодиночке. Точно также и с культурами. Посмотрите на условия их возникновения и существования во времени – и вы сможете с высокой степенью достоверности судить о них. Итак, одной из составляющей культуры, т.е. способа организации жизни общества, является наше тело.

В этом смысле все социальные образования сходны. Если внимательно присмотреться к ценностям, разделяемым в обществах во всех четырёх сторонах света, то можно наблюдать удивительное их единобразие, особенно в областях, касающихся человеческой жизни, места индивида в мироздании, его отношения к окружающей действительности, социального и родственного ранжирования. Сама реальность выстроена с учётом пригодности её функционирования к требованиям человеческого организма. Всякая культура ценит жизнь. Формы реализации подобной ценности могут быть разными. Так культуры, практикующие каннибализм, отдают должное своим противникам, почитая их силу, умение и ловкость при их поедании. Жертвоприношения также есть гимн жизни, но уже в другом смысле. Ценность каждого тут состоит в непрерывности обряда, который утверждает порядок, позволяющий другим выжить. И западная культура дорожит всяким человеком, посылая для его спасения авианосцы и задействуя все имеющиеся рычаги влияния. Выстраивая список одинаковых ценностных ориентаций социумов, расположенных зачастую на противоположных краях Земли, мы рисковали бы так и не дописать своего исследования. Поэтому мы останавливаемся на уже сказанном. Человеческая природа диктует и повелевает устраивать жизнь общества в соответствии со своими нуждами. Было бы глупо ждать другого.

Но человеческое тело не только умиротворяется с помощью удовлетворения его потребностей, но и подавляется. Запреты и предписания регулирующего характера пронизывают всю социальную ткань. Нельзя делать одного, но позволено другое. Зачастую запрещается очень желаемое. И людям приходится мириться с таким положением дел, если, конечно, они не желают возвращаться обратно, в дообщест-

венное состояние. Эти запреты не абсолютны, они касаются исключительно некоторых, но не всех проявлений нашего организма. Как песня, не доигранная до конца. Мы можем следовать своим внутренним позывам, но лишь до чётко установленной границы, за которой нас ждёт порицание со стороны других, либо же вообще прямые насильственные санкции. Здесь важно понять следующее. Ценности, ограничивающие свободу наших действий и устанавливающие её, приводят каждого к осмыслению его положения, как в социуме, так и в мире. Мы видим, что и другой подчиняется правилам и соблюдает ограничения. Мы понимаем, что и другой пользуется данными ему возможностями. И вот тогда мы осознаём наше единство. Мы похожи внешне, а, следовательно, наши тела требуют от нас одного и того же. И мы объединяемся потому, что совместными усилиями удовлетворить наши организмы проще, чем поодиночке. Подобное случалось в любом уголке Земли, и это роднит всякого со всяким.

Тут нам необходимо сделать небольшое отступление. Человеческая биология сама определяет то, каким получится общество. Потребности физиологического характера сами устанавливают правила игры. Какими бы серьёзными ни были запреты или предписания социума, тело подавляет общество, вынуждая его считаться с собой. Как и в случае биологических потребностей, данное условие возникновения культуры идёт изнутри человека, полностью в социальные процессы не вписываясь, а, наоборот, определяя их течение. Три остальных условия появления культуры не столь самостоятельны. Они, в противоположность физиологии, довлеют над человеческой единицей. Индивид обязан учитывать их в своей жизни. Т.е. следующие составляющие формирования культуры навязывают нам нужды, предоставляя соответствующий аппарат их удовлетворения.

Таким образом, вторым условием, определившим нашу бытовую и прочие практики, является не столь однозначное в плане описания и определения географическое расположение пространства, населённого данным социумом. Это природное окружение влияет на пристрастия людей, на их язык и нравы, на всю их мифологию. Если общество живёт, допустим, на берегу моря, то с огромной долей вероятности, оно станет потреблять морепродукты, изучать и именовать поведение моря, обосновывать в мифах возникновение мира из водной стихии. Непосредственно данное всегда накладывает ощутимый отпечаток на нашу жизнь. И многие культуры, жившие или до сих пор населяющие побережье солёных вод, схожи друг с другом. Точно так же и горные народы, и степные, и пустынные находят много одинакового, если их образы жизни схожи. Это не означает полного сходства, но лишь указывает на некоторые единые стандарты и стиль поведения. Поэтому нам необходимо уточнить нашу формулировку. Культуру создаёт микроклиматическая среда, уникальность географического пространства. Нет двух одинаковых мест на Земле, так и нет двух идентичных

обществ. Соответственно и окружение у любого социума будет неповторимым.

Рассмотрим механизм формирования потребностей на конкретном примере. В горных районах люди вынуждены хотеть хорошо, т.е. эффективно, передвигаться на пересечённой местности. Если они будут неуклюжи, а их тела – иметь неадекватную условиям проживания координацию, то малейшая неосторожность приведёт к гибели. Можно сорваться с обрыва или угодить под камнепад. Человек просто обязан разбираться в том, что его окружает. Городской житель видит в лесу только одинаковые деревья, он не замечает их особенностей, а потому блуждает в трёх соснах и не в состоянии выбраться самостоятельно, без посторонней помощи. Моряк, не умеющий плавать – нонсенс. Конечно, в современном мире такое – не редкость. Но на заре появления человека на планете отсутствие умения держаться на воде при зависимости жизни от её даров – это приговор. Обучение плаванию и нырянию, скорее всего, происходило на самых ранних, подходящих для этого стадиях взросления ребёнка.

То же самое можно сказать и о языке, на котором общаются члены одного и того же коллектива. Известно, что северные народы имеют в своём словаре огромное количество слов, определяющих свойства снега. Им жизненно важно, чтобы каждое состояние снега было зафиксировано отдельным звуком или словом. От этого зависит их жизнь, успешная охота, беспроblemное передвижение. Зато лексикона, описывающего джунгли, у них нет. Он им не нужен. Микроклиматическая среда обитания накладывает жёсткие ограничения на культуру любого социума. Если общество не сталкивается в своей повседневной практике с некоторыми вещами или явлениями, то оно и не способно их осмысливать. Весь процесс мышления у них будет настроен на предметы и события, знакомые им. Где бы ни появился человек, мы имеем в виду именно климат, затем он заселил все сколько-нибудь приемлемые для проживания пространства. И вынужден был учитывать их особенности. Общество включало в себя внешнюю среду, впитывало её целиком и полностью, делая соблюдение её условий частью самого существования конкретного индивида. Носить просторные балахоны в пустыне столь же естественно, как и надевать меховые рукавички в тундре.

При этом климат влияет и на потребляемые продукты общества и человека. Это касается не только пищи, но и строительных материалов, способов сооружения и использования. Рацион питания, например, изменяет способности организма усваивать то или иное продовольствие. Люди могут оказаться выше или ниже в зависимости от того, что они едят, где они живут и что наблюдают вокруг. Можно было бы продолжать и дальше, но нам нужно остановиться.

Мы не абсолютизируем климат в деле формирования культуры. Человек часто поступал вопреки природе, сохраняя, казалось бы, не-

дееспособные методы функционирования своего коллектива. Но на уровне устройства социума, общественных значений, расположение социума в пространстве и микроклиматические особенности географии предписали любому из нас ряд правил и нужд, удовлетворение которых оказалось строго обязательным.

Здесь нужно сделать одно пояснение и снова вернуться к нашему повествованию. Мы не спорим с тем, что современные средства погашения потребностей имеют мало общего с той природной средой, в которой пребывает человек. Мы можем наслаждаться прохладой в самый жаркий сезон, включив кондиционер. Мы можем кушать перепелиные яйца вдалеке от мест проживания этих птиц. Мы можем игнорировать гнус, просто используя мазь для его отпугивания. Но и сегодня в огромной мере мы сообразовываем свои желания и нужды с той окружающей средой, в которой мы оказались. Мы не потребуем наличия открытых горнолыжных трасс в пустыне. Мы не станем ждать погожего денёка в период дождей. Мы забудем о свежих бананах в тундре. Человек к настоящему моменту научился прятаться от природы, но не игнорировать её окончательно.

Третьим игроком в деле созидания культурного поля являются отношения с соседними обществами. Люди, населяющие различные пространства, обладающие несводимыми друг к другу взглядами на мир, вынуждены будут сталкиваться с чем-то новым для себя. Как они станут относиться к пришельцам? Как они будут развиваться в отсутствии всяких контактов с прочими племенами? Эти вопросы позволяют найти корни непримиримой вражды, худого мира или плодотворного сотрудничества. Изучая то, как конструировались обмены между двумя разными культурами, мы можем понять наличие или отсутствие у них некоторых ценностей. Скажем, изоляция накладывает нестираемый отпечаток на функционирование общества. Почти наверняка оно будет о себе высокого мнения, сложит легенды о единичности человеческих образований, закоснеет, считая изобретённое им верхом совершенства. Агрессивные соседи заставят социум обороняться, а миролюбивые – налаживать всё новые формы сотрудничества в стремлении к обоюдому процветанию.

На этом пункте необходимо особо заострить внимание. Случаев почти исключительного одиночества культур не так уж и много, а вот обратного стечения обстоятельств – подавляющее большинство. Люди, первые члены сообщества, почти постоянно вынуждены были учитывать фактор наличия соседей. С одной стороны, и это всем известно, наблюдение за другими помогает сформировать собственную идентичность, изобрести такое Мы, которое будет жизнеспособным и эффективным. Видя, что те, иные, имеют другой внешний облик, иначе разговаривают, поклоняются совершенно незнакомым богам, Мы начинают осознавать своё единство, столь необходимое для организации своей культуры. Они пестуют в себе отличия от Тех, возвращают

их в себе, пусть даже на деле и на словах стремятся к обратному. Тут происходит то же самое, что и в случае с ребёнком. Новоиспечённый социум получает зеркало. Отражение в нём не обязательно совпадает с его внутренним мнением о себе, но оно даёт ориентиры и путеводные нити в том, как действовать дальше, как себя вести и что ожидать от будущего. Но это зеркало кривое. Потому что само оно творит то же самое. За границей находится не посеребрённая с обратной стороны поверхность, но такое же алчущее отражения общество. Т.е. обоих соседей сближает их заинтересованность друг в друге, их желание понять, прежде всего, самих себя. С другой стороны, это и разобщает их. Образ Мы возможно построить лишь при условии построения такого же образа Они. Эти Они, безусловно, не всегда (а часто и вовсе не) совпадают с реальными другими. Мы придумываем о врагах разные небылицы, чтобы ещё больше накалить в себе ненависть к ним. Этим нехитрым способом пользуются всякий раз, когда народ устаёт от противостояния. Но даже если образ Они положителен, он неизбежно отчасти ложен. Тот другой никогда не поймёт меня так, как я сам себя понимаю. Эта экзистенциальная оторванность от Они гложет Мы каждое мгновение. И те Они тоже мучаются, потому что у них есть свои чужие, в качестве которых выступаем Мы.

Вариантов развития событий при столкновении культур не так уж и много. Первый – содружество. Мирное сосуществование, иногда переходящее в симбиоз или иную форму кооперации. При данном исходе перед нами тут же встаёт проблема заимствования. Поэтому мы отвлечёмся на неё. В беседе двух человек каждый из них узнаёт что-то новое. Говорить о том, что и так известно, неинтересно и глупо. Даже знакомых мы спрашиваем о том, как они провели время без нас, что они думают о том, реакцию на что мы предсказать не способны или хотим себя проверить, как идут у них дела. Продолжительные контакты меняют нас. Мы часто копируем манеру поведения собеседника, его стиль речи, способы объяснения и рассказа. Так проще общаться. Подлаживаясь произвольно или сознательно друг под друга, мы продолжаем разговор, который необходим нам. Различные социумы не обязаны общаться между собой. Но они располагаются в едином пространстве, как соседи по лестничной клетке. Полное игнорирование невозможно. А учитывая потребность в зеркале и вовсе трудно представимо. Но заимствуют лишь то, что считается полезным, нужным, либо более продвинутым по сравнению с собственными достижениями (по собственным же меркам). Квадратное колесо не станет объектом копирования, потому что оно неэффективно и ресурсозатратно. А вот более лёгкий способ ловли считающихся вкусными птиц будет востребован. Мирно уживающиеся соседи поделятся друг с другом подобными секретами. Но в числе позаимствованных физических техник и механизмов, они скопируют и методы обращения с ними. Телефон был изобретён на Западе. И первым словом, произно-



симым в трубку, стало простое приветствие – *Hello*. Культуры, также телефонизированные, научились говорить «Алло» - самую тривиальную кальку с уже придуманного. Этот процесс, разумеется, глубже и основательнее. Копируя, мы меняемся. Значит ли это, что при заимствовании не удовлетворяется основополагающая потребность общества в сохранности? И да, и нет. Ключевым в нашем исследовании является вопрос о том, возможно ли заимствование социальных смыслов. Мы говорили о том, что изменение структуры общества приводит к его исчезновению в том виде, в котором оно существовало до сих пор. Вылейте каплю яда в сок, и он станет ядовитым. Но вместе с тем у самого социума имеется потребность в переменах. Её удовлетворение приводит к нарушению прежней системы. Ничто не может быть неизменным, всё пребывает в движении. Любая общественная структура содержит в себе заряд обновления. Необходимо учитывать рождение новых членов, их способность к усвоению социальных значений, а, следовательно, предполагать в себе самой возможность их принятия несколько иным способом, чем это происходило прежде. Здесь нужно усвоить вот что – копирование бывает разным. Можно полностью измениться, а можно внести очень незначительные коррективы в свой способ существования. В любом случае заимствование не проходит без последствий. Но об этом мы продолжим разговор ниже.

Второй исход столкновения культур – это безразличие друг к другу. Это несколько напоминает ситуацию наблюдения через забор. Мы глядим, что там делает сосед, но при этом у нас не возникает желания вмешаться. Мы не хотим ни помогать ему, ни мешать. Мы оставляем всё, как есть. И снова принимаемся за свои дела. Совершенно не замечать ближнего вряд ли осуществимо. Простое любопытство разрушит наше пренебрежение им, но оно не обязательно предполагает участие в его жизни. Мы присутствуем в ней как соглядатаи. На глазах другого делать что-либо – это не то же самое, что совершать то же, но без посторонних глаз. Вместе с тем учёт чьего-либо присутствия мало что меняет в нас, а лишь служит дополнительным фактором, который не столь важен, как прочие. В современном мире человек так привык принимать внимание других в расчёт, что даже в одиночестве часто поступает точно так же, как и прилюдно. Он включает в себя постоянное бдение, небольшое напряжение внутри, такое, как и вечное ожидание звонка в присутствии телефона, но не сильно тяготится им. Он взял на себя обязательства, налагаемые игрой. Это плата за самоидентификацию, за наличие зеркала.

И, наконец, третий вариант встречи – вражда. Войны, вспыхивающие по временам то тут, то там, доказывают востребованность данного типа взаимодействия культур. Влияние, оказываемое в битвах, столь же сложное, как и в остальных видах столкновений. Не факт, что, например, победитель окажется в состоянии навязать свою волю побеждённому на уровне социальных смыслов. Закабаление евреев не

привело к исчезновению в них их собственных значений, а, наоборот, взрастило в них веру в собственную уникальность и призвание. Индийцы пережили огромное количество завоеваний, но их покорители оказывались в итоге ассимилированными. Пожалуй, единственным и бесспорным в войне остаётся случай полного уничтожения противника. Но даже тогда некоторые элементы общественного бытия истреблённого способны успеть проникнуть во чрево выигравшего.

Подводя итог, хочется отметить следующее. Взаимодействие разных культур запутанно и прихотливо. Мы начинали разговор с момента возникновения социального устройства. И именно на нём лучше всего сосредоточить наше внимание. При появлении на свет любая культура ещё пластична и податлива. Её плотный и плохо поддающийся изменениям каркас ещё не успел застыть. Поэтому колебания возможны. И разные народы влияли друг на друга весьма значительным образом. При этом формировались не только социальные реальности, но и методы реагирования на перемены. Учитывая нажим со стороны биологии человека, природы и политического окружения, общество формулировало основные свои постулаты, следование и соблюдение которых сохраняло его от неожиданностей и превратностей судьбы. Поэтому сам заряд к движению был включён в общественные значения на самых ранних порах их рождения. Случаи же изменений уже сформировавшихся и долгое время существовавших культур, которые вдруг преобразились, мы рассмотрим в связи со следующим фактором, обуславливающим возникновение того или иного социума.

Это случайные события. Позвольте прояснить, что мы имеем в виду. Многие события не укладывают в прокрустово ложе уже перечисленных условий. Извержение вулкана нельзя связать с природными циклами, а если и можно, то оно вряд ли прогнозируемо. Наводнение не объясняется приливом. А массовый мор скота – не чары злобного соседа. То же относится и к появлению выдающейся личности, к массовой войне и т.д. Все эти неожиданные явления преобразуют всю социальную действительность, во многом определяя то, какой она будет. Мы сопроводим нашу мысль одним примером. Об адекватности сравнения человека и общества можно долго спорить, нам же кажется, что это вполне логичный ход – люди составляют собой социум, а потому он многими своими характеристиками напоминает человека. Итак. Взрослея, ребёнок усваивает, по сути, два полюса жизни: хорошо и плохо. Он гибок и легко внушаем. У него нет выбора. При своём возникновении, в период наибольшей пластичности общество столь же гибко и внушаемо. Но их учителя – это две, как говорится, большие разности. Если в случае с ребёнком, ученик получает всё необходимое смысловое поле в уже подготовленном виде, то к социуму судьба не столь благосклонна. Прежде чем сформировать свою матрицу внутренних взаимосвязей, общество должно пуститься во все

тяжкие. Что это значит? Социум в начале своего пути не имеет чёткого представления о добре и зле, даже в субъективном своём понимании. Чтобы узнать это, культура должна испытать и то, и другое. Обжегшись и насладившись, общество выстраивает цепочку своих значений от негативного до позитивного, имея в своём опыте все необходимые звенья. И только затем, после многих мытарств и мгновений счастья, социум оказывается готовым. Как человек, достигший зрелого возраста и сформировавший своё мировоззрение окончательно, так и культура становится трудно изменяемой.

Позвольте тут немного отойти в сторону. Мы часто употребляем понятия «общество» и «культура» как синонимы. Но они таковыми и являются. Социум без своего способа жизни невозможен, так же как и культура не существует вне общества. Если кто-то вспоминает о социуме, то на ум ему приходят особенности его жизнедеятельности, так и ценности любой культуры неизбежно отсылают его к какому-то обществу. Просто в данном отношении мы придерживаемся принципа возможности замены, при этом особо глядя на законность такого приращения. Однако вернёмся обратно.

Каким критерием руководствуется общество при построении самой линейки положительного и отрицательного? По какому принципу события выстраиваются в шеренгу, в определённой последовательности? Прежде всего, нельзя забывать о том, что в момент своего зарождения социум был мал и компактен. Все события, сотрясавшие его воображение, затрагивали чуть ли не каждого члена коллектива. И потому оценки происходящего во многом совпадали. Разумеется, они были субъективны, т.е. опирались на телесное восприятие действительности человеческим организмом. То, что было удобным и приятным, записывалось в разряд хорошего. То, что мешало нормальному течению биологических процессов и ощущалось как неприятное, попадало в категорию плохого. Градации, конечно, были условными. Любое положение позитивно или негативно только по отношению к другим позициям. Больше всего на наше восприятие реальности влияет недавнее прошлое. Мы сравниваем сегодня со вчера, и таким образом получаем полную систему координат. Память, как известно, избирательна и подвижна, она меняется в зависимости от нашего нынешнего состояния. Но всё-таки это первая составляющая создания основополагающих ценностей.

В роли второй выступает сопереживание. Нам не обязательно оказываться на чьём-либо месте, чтобы прочувствовать его, как следует. Бытие среди себе подобных означает, помимо всего прочего, интерес к жизни других. Мы следим за своими соседями, вникаем в их нужды и желания, разделяем их надежды и мечты. Это вытекает как из совместной деятельности, так и в силу человеческой природы, нашего стадного инстинкта. Если кому-то плохо, то мы представляем его трудности, его отчаяние, его скорбь. И тогда нам самим становится

плохо. Понятно, что сопереживание присуще не всем, и не всегда оно присутствует в социальном дискурсе. Чем больше общество, тем труднее уследить за всеми, а потому происходит фокусировка на ближних. Проиллюстрируем это примером. Война – это зло, так вам скажет любой человек, если он хоть немного человечен. Но она не обязательно затрагивает всех индивидов, составляющих то или иное общество. Сегодня мы живём в мире средств массовой информации, на сопереживание мы способны, но если отвлечься от СМИ, то мы увидим весьма незначительную осведомлённость населения в вопросах внешней политики. Взяв ситуацию в её статике, мы сложим субъективное восприятие всех в одно целое и получим плюс или минус. Если мы не знаем о войне, то и не будем горевать. Человек более или менее удовлетворён своей жизнью, особенно если с его близкими и знакомыми всё в порядке. Следовательно, война станет фоном (особенно если военный конфликт мал по своему масштабу) – это в лучшем случае. А в худшем – проблемой некоторых. Но в том-то и дело, что моральные императивы более значимы, чем какие бы то ни было предписания. Та же война в условиях появления социума переживалась всеми чуть ли не в равной степени, потому что затрагивала почти всех. К тому же вид страдающего прямо за твоей дверью наводил на мысли и эмоции, совпадавшие с его бедой. Сопереживать в таких условиях было относительно просто, а не делать этого – кощунством. Осуждение безразличия было сильным. Поэтому, видимо, мораль сформировалась довольно рано и весьма быстро. Другие правила и нормы отталкивались от уже доступного.

Но что способно поколебать нашу уверенность в завтрашнем дне, почему мы подвергаем сомнению уже, казалось бы, неопровержимые истины, с чего вдруг изменяем самим себе и перестаём быть самими собой? Ответ прост. Виной тому – катаклизмы. Природного или человеческого происхождения – неважно. Они сотрясают все основы, самую незыблемость наших убеждений и переворачивают всё с ног на голову.

И вот тогда мы замечаем перемены. Структура не выносит давления и рушится, перестраивается. Ни одно общество не застраховано от подобных эксцессов. Конечно, вызовы могут носить и временный, и пространственно ограниченный характер. Так, землетрясение в большой стране будет локализовано зоной поражения. Все содрогнутся, но упадут немногие. Острова, входящие органичной частью в состав некоторых государств, часто демонстрируют несколько независимый способ существования, но в целом вписываются в общий порядок, который, кстати, предусматривает наличие неких не совсем обычных элементов. Чума скашивает ряды жителей, но уменьшает лишь размеры системы, а не её саму. Природные и антропогенные катаклизмы имеют различные последствия. Отчасти, пусть и на по-

верхности, ничто после них не остаётся в прежнем виде. Но для нас важны именно перестройки структуры.

Как они случаются? Если перемены необратимы и значительны по своим масштабам, общество претерпевает перевоплощения. По сути, прежним оно не остаётся. Оно включает в себя новые мотивы и темы, до того никогда не звучавшие в нём. Человек, внезапно ослепший, привыкает и учится жить в вечной темноте. Он приспосабливается к новым условиям своего существования. В нашей терминологии социум, безусловно, исчезает. По крайней мере, в том виде, в котором он пребывал до катастрофы. Значит ли это, что период изменений бесповоротно снял с повестки вопрос о его возвращении? Не обязательно. Революции на какое-то время дестабилизируют ситуацию, но через какой-то промежуток времени всё может вернуться на круги своя. Структура, словно маятник, качнётся в сторону, но непременно примет прежнее положение. В любом из этих двух вариантов – сохранении и исчезновении – нам важно увидеть создание нового. Потребление, как мы уже писали выше, есть созидательное уничтожение. Истребляя одно, мы даём место другому. Так и культура, подвергнувшаяся влиянию дестабилизирующего её систему катаклизма, вполне вероятно канет в Лету. Но вместо неё явит себя миру другая. Даже при полном своём стирании.

Как это происходит? Как уже было подмечено, соседство обществ не бывает для них безрезультатным. Что-нибудь, да заимствуется у ближних. Обычное сожительство в общем пространстве заставляет учитывать, пусть и гипотетический, сугубо умозрительный, фактор наблюдения за собой. Тем более существенно непосредственное влияние на соседа. Так что перемены происходят, пусть и не столь явные.

И тут нам осталось решить последнюю задачу. Существуют ли такие факторы, которые разрушают или изменяют структуру изнутри? При своём появлении на свет структура общества может быть обозначена как первоначальная матрица положений. Данные конкретные люди объединились в некое подобие социума, распределив между собой роли, влияние и позиции. Каждый занимал своё, строго определённое место. Качества и характеристики индивида были важнее, чем его положение. Но в таком случае общество бы не смогло превратиться в систему. Как мы уже писали выше, при формировании социума были учтены такие факторы, как физиология человека, микроклиматические особенности местности проживания и отношения с соседями. Последнее условие мы пока оставим в стороне. Дело в том, что при образовании общества с рядом уже существующей социальной организацией, первое имеет перед собой пример и вправе следовать ему, т.е. не изобретать велосипеда заново. Зачастую именно так и происходит. Заимствование, конечно, не полно, но очень весомо. Поэтому говорить о самостоятельности в данном примере не совсем кор-

ректно. При независимом положении всё иначе. Для создания общества необходимо, как мы уже замечали, чтобы индивид стал неважен, чтобы гораздо значимее его самого стала его диспозиция в переплетённой паутине связей и воздействий. Индивидуальное тут отрицается. Проблема заключалась в том, что объединялись именно уникальности. Их качества и свойства были важнее их места в системе. Конечно, подобная структура могла быть скопирована последующими поколениями. В некоторых случаях так и получалось. Но, скорее всего, данный путь был исключением, а не правилом. Постоянное количество членов – маловероятный вариант развития событий. Никто не застрахован от случайностей, а, значит, они постоянно вклинивались в жизнь.

Для разъяснения этого затруднения нам пригодятся два фактора. Первый – в социуме роль отдельного человека всегда принижалась. Отчего так получалось? Важнейшей задачей для объединения людей было удовлетворение потребности в выживании. Любой индивид сталкивался со следующей дилеммой. Либо он выкарабкивается самостоятельно, преодолевая все препятствия в этой нелёгкой и опасной затее – остаться в живых. Либо он доверяется обществу, но принимает за данность тот факт, что социум всегда может пренебречь им ради сохранения большей своей части. Надо полагать, выбор обычно был предопределён, тем более в ситуации членства в некоем обществе. Мы наблюдаем здесь то, что и сегодня остаётся непреложной истиной. Индивид менее существенен, чем социум. Т.е. пренебрежение личными характеристиками человека возникло вместе с обществом. А это давало шанс реконструкции позиций, а не личных взаимоотношений.

Второй фактор – разновозрастная публика, сформировавшая собой первый социальный организм. Если для старших возрастных групп главной проблемой являлась задача выживания, то для детей, выросших и занявших свои положения в обществе, она затенялась другим уравнением. Взрослея в социуме, они получали от него общественные потребности. Мы не утверждаем, что они были существеннее биологических, мы лишь говорим о том, что социальные нужды появились, а, значит, требовали своего удовлетворения. И раз уже была сконструирована некоторая структура, то она воспроизвелась сама собой, в силу естественного стремления к снятию напряжения. Количество детей при этом не имеет какого-либо значения. Они были, а, следовательно, усваивали то, что их окружало, воспроизводя это затем в своей повседневной практике.

Наконец, мы не должны забывать о «как бы» пятом условии формирования культуры. Мы специально не стали акцентировать на нём внимание, как на отдельном пункте. Так получилось потому, что это условие обладает не самостоятельным значением, но прикладным, усиливающим предыдущие и их объясняющим. Это своеобразный клей, скрепляющий физиологию человека, местоположение общества,

его отношения с соседями и случайные катаклизмы. Мы даже озвучили одно из его наименований – память. Однако этого явно недостаточно. Социум не пребывает вне времени, но соотносится с ним, соизмеряется с его помощью и, разумеется, хранит воспоминания о том, что с ним стряслось прежде. В качестве «как бы» фактора, следовательно, выступает история.

Она не только есть череда событий, занесённых в летописи или передающихся из уст в уста. Это живое образование. Способы описания прошлого, методы его повторения и воспроизводства, вообще склонность к его изыманию из-под толщи пыли многое говорят о том, каким образом организуется культура. Короткая память сотрёт следы завоеваний и нашествий, приведя в порядок связи с агрессивным соседом. Подчёркивание особой роли короля сделает его ключевой фигурой повествования. Постоянное обращение к славному прошлому призовет народ к действию. Пластичность истории – один из её мощнейших инструментов воздействия на реальность. То, что рассказывается, как это делается и делается ли в принципе – это рычаги влияния за достижение верховенства в социальной структуре. Неслучайно истории озвучиваются не всеми, но лишь избранными. Не всякий способен на рассказ.

История может выдумать то, чего никогда не было, заставить поверить в неё и стремиться к достижению поставленной цели. Золотой век. Такая популярная концепция. Но был ли он хоть у одного социума? Неужели в прошлом люди действительно жили лучше, чем в настоящем? Зачем возвращаться к прожитому, к прочувствованному, к истреблённому? Но она в состоянии нафантазировать и будущее. Сказка о том, что движение вперёд – это единственная судьба любого коллектива, разбивается о неизведанность грядущего, о страх перед неожиданностями, о скалы неопределённости. История, таким образом, манипулирует не только нашим восприятием прошлого, но и узаконивает образ будущего, а заодно и обосновывает настоящее. Какой царь откажется от легенд о Богом дарованной власти? Последовательность в изложении исторических событий задаёт темп сегодняшней жизни. Мы считаем время так же, как это делали наши предки, или, по крайней мере, так нам об этом говорит история. Мы помним о чём-то, и это влияет на наше отношение к нашему теперь.

Можно ещё очень долго вести речь об истории. Важно тут следующее. История склеивает все условия возникновения культуры, даёт им жизнь, делает действенными инструментами формирования настоящего и общества. Собственно говоря, она есть тема отдельного исследования, занимательного, но, увы, не укладывающегося в рамки нашей работы.

Многое, сказанное выше, нуждается в уточнении. Мы не могли прийти к тому, о чём пойдёт речь ниже, не уяснив некоторых базовых

понятий и связей. Но теперь мы имеем полное право приступить к самому важному в этой главе.

Раньше мы постоянно обращались к истории. Не фактической, но умозрительной. Не той истории, что скрепляет описанные нами факторы, но истории становления духа социальности. Мы восстанавливали ход событий лет, неизвестных нам ни по раскопкам, ни по свидетельствам очевидцев. Реконструировать прошлое – задача не из приятных. Не потому, что неблагоприятна, хотя и это тоже. Но потому, что, приступая к ней, всё время бьёшься о лёд предположений. Как всё происходило на самом деле? Никто не знает. Мы способны лишь логически обосновывать свои гипотезы, проверять теории и пытаться не оступиться там, где узко или скользко. Методы, использованные нами прежде, относительно просты. Мы смотрели, главным образом, на самих себя. Человеческая природа мало изменилась с тех пор, как *homo sapiens* появился на Земле. Мы, разумеется, отравлены ядом социализации, но, вытравливая в себе общественное, возможно прийти к неплохим результатам. И ещё. Мы ставили себя на место наших далёких предков. Мы унаследовали от них всё, что им удалось нам передать. Мы мысленно вписывали себя в то окружение, которое наблюдали они, устанавливали правила, которым подчинялись они, оглядывались и действовали. Не так, конечно, как они, но схожим образом. Упрекать нас может всякий, кто не удосужился провести те же рассудочные упражнения, но те, что сподобились на это, вправе высказать нам свои замечания.

Однако мы отвлеклись. Что за два типа потребления и культур имели мы в виду, когда пытались заинтриговать читателя в начале главы? Рассмотрим по порядку. Люди, объединяющиеся в общество, показывают этим своим актом сразу две вещи. Первая: они все есть участники договора. Ставя под ним свою подпись, они являют свою равноценность прочим подписавшимся. Т.е. они создают сеть. Они равны в том, что они согласны на его условия, в том, что они все – люди, в том, что создали его. Добровольно это происходило или нет – неважно. Наиболее существенно то, что сеть была сооружена. Но вместе с нею появилась и иерархия. Условия соглашения предполагали отныне подчинение правилам, соблюдение предписаний и норм. Даже король оказывался в заложниках у подобного положения. Он теперь был обязан быть королём. Но иерархия предполагает также неравенство позиций. В контексте нашего исследования мы будем вести разговор и о том, и о другом виде иерархии, но большей частью всё же станем придерживаться общепринятого её истолкования.

Здесь нам сразу необходимо сделать одно замечание. Его следует запомнить, как аксиому. Сеть существует вместе с иерархией, а иерархия существует вместе с сетью. Отдельно друг от друга они невозможны. Если даже не будет прямого господства одних людей над другими, то останется подчинение правилам игры. Точно также и всегда



найдутся две равных позиции в любой иерархии. Мы потом ещё подойдём к этому вопросу, но пока напомним ещё раз – сеть и иерархия неразрывно связаны между собой.

Человеческая жизнь сложна и многообразна. Мы участвуем своей деятельностью, как в сетях, так и в иерархиях. На работе мы подчиняемся, дома управляем, а среди друзей – участвуем на равных. Никто не в силах избежать либо сети, либо иерархии. Что это нам даёт? На самом деле объяснение многих запутанных случаев. Но сначала необходимо дать определение понятиям иерархии и сети. Что есть иерархия? Эта такая ситуация, в которой присутствует источник власти, и всякий входящий в неё имеет отличный от прочих доступ к полномочиям. Люди несхожи. Кто-то сильнее и тем самым имеет преимущество над остальными, другой умнее – и господствует своим интеллектом. А их визави соответственно слабее и тупее. Качества, превосходящие индивида, могут быть самыми разнообразными. Важно не само отличие, а его социальное восприятие. Если в обществе красота считается привлекательной (вот уж – ненарочный каламбур) характеристикой, то красавица или красавец получают козырь в свои руки. И будут способны им пользоваться. Однако власть даруется не тем, кто имеет в себе её источник, а тем, кто ближе к нему расположен. Любая власть – это абстракция, как и социум, как и человек. Красивых людей не бывает. Красота недосыгаема для любого. К ней возможно только приблизиться, но не стать ею. Потому что всякий конкретный человек содержит в себе изъяны. Идеал – в головах, но в реальности он не обитает. Это чем-то напоминает устройство Солнечной системы. Звезда далека и недоступна, но планеты получают свою долю радиации в зависимости от расстояния до неё, не в состоянии самим стать звездой.

Каждая позиция обусловлена объективными причинами. Власть в человеческом социуме это не сила, не красота и не ум. И даже не присутствие их в каком-то организме. Власть символична. Представьте себе положение вожака стаи. Он сидит где-нибудь сверху, чтобы наблюдать за подчинёнными, и чтобы им сложнее было его оттуда скинуть. Он может быть самым сильным, но может им и не быть. Место, которое он занимает, предопределяет его превосходство. Со временем от его личных качеств может ничего и не остаться. Но высота никуда не денется. И тогда любая возвышенность станет отдавать тому, кто её занимает, всю силу своего объективного преимущества. То же и с людьми. В момент своего появления общество, как и его составляющие, стремилось сохраниться. Некоторые ресурсы помогали достичь этого лучшим образом, чем другие. И владение ими стало первым толчком к образованию центров власти. Очевидно, что это были продовольственные запасы, возможность их перераспределения, защитные средства и доступность особей противоположного пола. Любой организм выживает двумя способами – самосохранением и размноже-

нием. Эти природные потребности удовлетворялись именно названными ресурсами. Постепенно, разумеется, функции, обеспечиваемые данными ресурсами, изменялись, но суть сохранилась.

Есть два типа власти. Власть структуры и власть, даруемая структурой. Первой подчиняются все, принимая на себя правила, вне зависимости от того, какое место они занимают в ней. Второй обладают лишь те, кто имеет соответствующее положение в ней. Пренебрежение индивидуальными качествами смогло заронить столь требуемые для сохранения социума зёрна в души господствовавших и подчиняющихся. Разговоры о том, что начальники должны быть милосердными, но строгими, сильными и волевыми свидетельствуют лишь о том, что структуре, в которой подобные лица занимают главенствующие позиции, необходимы именно такие свойства боссов. А умение исполнять приказы, послушность и обязательность — это желанные качества рабов. Но и те, и другие служат одной цели — сохранению иерархии.

Что же позволяет власти быть? Она социальна, и в этом её сила и слабость. К отказывающимся повиноваться применяются санкции. Они могут носить вид и физической расправы, и морального осуждения, и даже обращения к священным писаниям. В любом случае человек, обязанный участвовать во властном кругообороте, но по каким-то причинам игнорирующий свой долг, подвергается наказанию. И обратно. Согласный и конформный награждается стабильностью своего статуса. Слабость же социальности власти заключается, по сути, в формальном её характере. Если представить себе ситуацию, в которой все подданные одного короля вдруг прекратят платить налоги, то ничто не будет в силах заставить их возобновить это делать. Власть всегда пользуется самыми подлыми приёмами: уловками, хитростями, шантажом и запугиванием, а то и прямым воздействием. Но её способность к принуждению ничтожна по сравнению с массой угнетаемых. Потому в областях, где всем нам предстоит столкнуться с иерархией, а, значит, и властью, нас обучают повиновению. Мы получаем необходимые структуре потребности и даже удивляемся мыслям о том, что без власти, как господства одного человека над другим, можно спокойно обойтись. Т.е. власть структуры неистребима, зависимость от общества — эта дань за жизнь в нём, а вот власть, которая даруется ею, есть лишь сохранение порядка вещей, который существовал до нас.

Что же представляет собой сеть? Это объединение равных. Обычно в данном случае используют пример с компьютерными сетями. Пусть будет так. Допустим (хотя и допускать-то особо нечего, потому что подобное существует в действительности), есть программа с открытым исходным кодом, которую можно изменять и преобразовывать, но при условии улучшения качества её работы. Программисты, не знающие друг друга, исправляют её недостатки, снова выкладывая

ют обновлённую версию он-лайн и ждут ответа. Они работают на идею того, что возможно создать хорошую программу добровольными усилиями энтузиастов и специалистов своего дела. Присутствует ли тут структура? Безусловно. Вне выстроенной электронной сети сообщества не получится. Не будет соответствующих инструментов. Но это материальное обеспечение накладывает на любого участника ряд обязательств. Без соблюдения правил никто не сможет вклиниться в процесс. Имеется ли здесь власть? Конечно. Это – власть структуры. Но второго типа власти нет. Нет и необходимых позиций для её реализации. Никто не способен встать во главе этого совместного мероприятия, а если кто и встанет, то его быстро свергнут или урезонят. Кажется, что эти люди работают безо всякого поощрения, даром. Но это не так. В качестве награды за свои усилия они получают восхищение коллег, признательность пользователей, удовлетворение от осознания того факта, что они в состоянии что-то улучшить. Интернет и электронная почта позволили создать это образование. Но можно ли повернуть подобное в реальном, а не виртуальном мире? Отчасти.

И сеть, и иерархия имеют свои достоинства и недостатки. Естественно, мы не станем рассматривать их все, но коснёмся самых важных. Нам надо узнать вот что. Как сохраняется структура и там, и там. Насколько процесс принятия решений, их воплощения и соблюдения результатов эффективны и адекватны в обоих видах устройства коллектива. Где человеку лучше.

Иерархия более устойчива – это факт. Пирамидальное устройство общества встречается гораздо чаще, чем горизонтальное. Иерархии окружают нас повсюду – в армии, на крупных предприятиях, в больницах и тюрьмах, в школах и государственных учреждениях. Стабильность системы обеспечивается сужающимися кверху прослойками индивидов, которые насаждают на нижестоящих. В основании должно быть достаточное количество людей, чтобы обеспечивать власть вышестоящим. Часто эту устойчивость связывают со способностью подчинённых прокормить начальников. Это верно, но верно не в том смысле, какой обычно придают этому фактору. Империи Древнего мира, средневековые государства, да и сегодняшние страны обязаны озаботиться задачами пищевого достатка. Число роющихся в земле должно быть больше обитателей поднебесья. Это касается не только еды, но и прочих продуктов. Однако это не самое существенное. Важно то, насколько люди лояльны к иерархии. Подчинение подчинению рознь. Если человека воспитать послушным и безответственным, то ему милее будет жить в ситуации господства. Хозяин станет отвечать за него, давать ему указания, изредка наказывать и поощрять. Но если человек окажется воспитанным в духе личной ответственности, решительности и смелости, то в каждом чине он увидит препятствие для самореализации. Недоношенные дети встречаются всегда. Воспитание довольно трудно разделить на части, обучая одних

управлению, а других – послушанию. Поэтому нередко обучали только управлению. Населявшие основание пирамиды были либо совсем необразованными, либо обученными в той мере, чтобы исполнять приказы. Как такое вообще могло случиться?

Близость к тем ресурсам, которые дают естественные преимущества перед остальными, часто становится объектом своекорыстного манипулирования. Кое-какие выгоды возможны уже потому, что некто находится рядом с ними. Это даёт власть в распределении. Человек, поставленный следить за съестными припасами, может отщипывать по чуть-чуть от общего пирога, жирея и оставаясь незаметным в своём воровстве. Всякое новое воспроизведение системы увеличивает, пусть и не намного, разрыв между тем, кто в силу своей позиции обладает некоторым излишком, и тем, кто его лишён. Со временем, при полном соблюдении структуры, разница может оказаться очень значительной. Но ждать и не обязательно. Можно разделить так, чтобы обеспечить другим пропитание, а себе богатый стол. Можно, например, не доносить до общего котла всю добытую дичь. Или ограничить доступ к провианту, скрывая его количество и качество. Наличие информации – серьёзный инструмент в умелых руках, позволяющий добиться превосходства. Надо полагать, что знания постепенно дифференцировались. И обладание одними из них вело к получению выгоды. В качестве иллюстрации мы назовём способы охоты. Человек, умеющий охотиться, в курсе, как отследить будущую жертву, как её поймать, как убить. Он организывает весь процесс. Другие благодарны ему за еду и от души предлагают чуть больший, по сравнению с их, кусок. К нему выстраиваются очереди на обучение. Он, сам того не замечая, становится одним из центров силы. Другой полюс – это военные. Оборона и охота – две стороны одной медали. Если есть монополия на применение силы, то неизбежно её использование в своих целях...

Как бы то ни было, мы видим, что иерархия образуется там и тогда, где и когда возникает ранжирование ценностей. Если одно лучше другого не в силу моральных предписаний, а просто более предпочтительно, то находится индивид, объективно более близкий к идеалу, а, значит, в зародыше предполагающий господство.

Но есть и ещё один естественно данный источник власти. Это детство. В период возмужания дети недееспособны. Они принимают всё, что им дают, потому что без помощи со стороны взрослых им не выжить. Но вместе с пищей они наследуют и социальные смыслы, в которые вложено понятие подчинения. Дети всегда подотчётны родителям или тем, кто их заменяет. У взрослых имеется сила, чтобы заставить себе подчиниться, и они довольно часто её применяют. Ребёнок привыкает к ситуации вечного наличия кого-то выше и в своих играх, но, главное, в последующем воспроизводит её, но уже на уровне всего общества. Так рождаются иерархии. Молодые, неопытные охотники послушны старшим. Школьники – учителям. Это не природно данное

различие, но дистанция в головах: между опытом и наивностью, между мудростью и беззаботностью. Социум уже выстроил линейку своих предпочтений, а, следовательно, запустил механизм создания иерархии.

Как же сохраняется структура в иерархических обществах? Надемся, это уже понятно. Она воспроизводится вместе с осуществлением властных полномочий лицами, занявшими соответствующие позиции. В таком случае, насколько эффективны и адекватны меры, принимаемые в подобных системах? Они работают лишь до определённого предела. К счастью или к сожалению, но иерархия имеет свойство разрастаться вширь. Верхние и средние эшелоны управления плодят всё новые подуровни подчинения, создавая гигантский аппарат бюрократии, осознающий и воплощающий в жизнь собственные интересы, которые часто не совпадают с интересами породившего его социума. К этому нужно добавить и свои методы функционирования, опять же несходные с методами общества, свои параметры оценки и т.д. Одним словом, номенклатура может со временем превратиться в некий квазисоциум, паразитирующий на общественной структуре. Именно в таких случаях говорят о взяточничестве, коррупции и прогнивании власти. Но это вовсе не означает отсутствие всякой эффективности иерархии. Решения, принимаемые коллегиально, требуют более длительного срока обсуждения, напряжённых дебатов и разбазаривания ресурсов, что в ситуации ограниченных манёвров ведёт к поражению. Разумеется (и об этом знают все военнослужащие), иерархия наиболее адекватно соотносится с армией. Единоначалие позволяет быстро решать проблемы на поле боя. То же самое относится и к некоторым государственным структурам, где крайне нежелательны переговоры и болтовня. То же можно сказать и о детях до возраста самостоятельных раздумий. В общем, там, где требуется приоритетность действий одних по отношению к другим, необходимо наличие иерархии, особенно если надо распределять саму приоритетность. Но это же обстоятельство и ограничивает её применение. Информационные потоки, поступающие вверх, с каждым новым уровнем искажаются и обедняются. Руководитель получает сведения либо поздно, либо вовсе остаётся без них. Время на выигрыш оказывается потерянным – и решение принимается неверное. Исправить эти недостатки невозможно по той простой причине, что они лежат в основе существования самой иерархии. Внутренние изъяны неустранимы.

Как чувствует себя человек в иерархии? Как мы уже замечали, вполне комфортно при условии выполнения приказов и сопутствующих личных качеств. Иерархия хорошо удовлетворяет биологические и социальные потребности. Усреднение – самое лучшее средство для управления. Ни один генерал никогда не думает о каждом солдате, он мыслит их в обобщённой категории – живая сила. Ему нет дела до миномётчика, у которого что-то не в порядке с его орудием, ему необ-

ходимо разгромить армию противника. Всё сказанное выше об уничтожении индивидуальности наиболее применимо к иерархичным обществам. Такие социумы патологически не способны на чуткое внимание к человеку. Они будут подменять его заботой о материальных условиях существования индивида, они могут даже превозносить его, они станут кидаться за каждого в бой, но за всеми этими усилиями стоит желание сохранить иерархию, пошатнувшуюся выбившимся, пусть и не по своей воле, членом. Что касается дисциплины, то она будет идеальна. При этом важно подчеркнуть, что соблюдать её станут не обязательно внешне, зато внутренне она будет непрерываема.

А что мы можем сказать о сети? Откуда она берётся? Тут важно не впасть в пагубное подчёркивание отличия между сетью и иерархией. Они не столь полярны, как может показаться на первый взгляд. Сеть представлена меньше и уже, чем иерархия. Причина подобного положения дел заключается в том, что её часто не замечают или же не придают ей никакого значения. На самом деле люди постоянно вступают в сети, но, делая это без нажима со стороны, без принуждения и подталкивания, они склонны считать, что ничего нового не производят. Однако это далеко не так.

Сеть присутствует, прежде всего, в личных взаимоотношениях. Отдать приказ любимой ни один влюблённый не посмеет. Её надо уговорить, уломать, заставить пойти на уступки, но проделать это таким образом, чтобы она добровольно согласилась на то, что от неё ожидают. Пример с таким сильным чувством, конечно, наиболее хорош, но мы оставим его. Дети и родители также создают сети. В семьях нет главного. Т.е., безусловно, он есть. Допустим, это отец. Но разве он не обязан учитывать интересы детей и супруги, выстраивая своё расписание и занятия под их график, вообще всю свою жизнь? Неужели он будет гнуть свою линию до конца, игнорируя любое сопротивление? Или ударит сына за истерику в магазине при всём честном народе? Любое общество оставляет каждому из нас тихую лагуну интимности. Если вы там вдвоём и вас никто не видит, и вы не причиняете никому вреда — то Бог с вами, делайте всё, что душа пожелает.

Сеть появится тогда, когда нет возможности принуждения. Первые участники социального процесса, создавшие знакомое нам общество, были равны. Не было приоритетов — просто их ещё не определили, не было преимуществ — они не выявились, не было начальников — потому что любой мог командовать. Общественный договор подписали в условиях сети.

И вот здесь важно отдельно прописать роль правил, которые регулируют отношения между членами сети. Конечно, внешние нормы и регламент регулируют поведение любого индивида. Но, во-первых, без них человека как такового не существует. Быть окончательно свободным можно лишь в животном состоянии, да и то зависимость от социума сменится кабалой инстинктов. И, во-вторых, только в обще-

стве индивид имеет возможность самовыразиться. И на этом втором пункте необходимо заострять внимание при последующем рассмотрении сети.

Итак, личные связи регулируются социальными смыслами сетевого характера. В этой области мы открыты и восприимчивы. Таковы семьи, дружеские компании, неформальные объединения по интересам. В идеале таковы же и игроки одной команды, члены правительства, директора в совете и т.д. Оставим вторую иллюстрацию – она из области фантастики. Как бы то ни было, но сеть появилась вместе со встречей двух людей. Они согласились на некоторые уступки, получив соответствующие выгоды. В целом, вероятнее всего на заре возникновения социума, сеть преобладала над иерархией. Потому что, как мы указывали выше, коллективы были малы, плотны и дружны. А в подобных условиях создание иерархии затруднительно. Почему же сеть уступила своё место связям господства?

Ответ прост – эффективность решений. Несмотря на то, что они были адекватны – оттого что учитывали мнение почти каждого члена общества – их принятие нередко затягивалось, время оказывалось упущенным, и племя пропускало хорошие возможности. В бою и на охоте происходили ещё более удручающие события. Обсуждение привело бы к тому, что война оказалась проигранной из-за чьего-либо несогласия с общей точкой зрения, а добыча убежала бы здоровая и невредимая, оставив людей голодать. Экстремальные условия, усугублённые различного рода дефицитами, требуют быстрых и неотложных решений, на которые кто-то способен. И так как доминирующей потребностью во времена появления человечества была нужда в выживании, то говорить о сетевом принципе ни у кого не поворачивался язык. Зато там, где было безопасно, где было тепло и уютно, человек приготовил для себя сеть, которая и поныне сопутствует нам в глубоко личностных переживаниях.

Что же сохраняет структуру сети? Как это происходит? После просмотра фильмов о супергероях многие из нас мечтают о получении тех же способностей, что воплощены на экране, в художественном вымысле. Проламывать стены кулаком – это, разумеется, здорово. Читать мысли – ещё краше. Гипнотизировать – вообще замечательно. Но на самом деле лучше всего быть человеком. Если бы любому человеку предложили те же самые возможности, то почти все после основательных рассуждений отказались бы от них. С чем это связано? Представьте себе, что вы читаете мысли. И если вам лгут, то вы знаете об этом. Если вас презирают, вы в курсе. Если собрались признаться в любви, вам уже известен результат. Человеческое общество держится на лжи и утаивании. Зачем спрашивать кого-либо о его самочувствии, если всё и так понятно? К чему страдать из-за неразделённых чувств, если ответ уже при вас? Мы стремимся к другому потому, что он нас завораживает своей неизведанностью. Мы пускаемся в омут отноше-

ний, чтобы жить, ощущать, узнавать. И в этой бездне мы обретаем самих себя, удовлетворяем свои индивидуальные потребности. Структура сети держится исключительно на нашей жажде быть человеком, на самой нашей человечности. Если мы хотим показать своё доброе расположение к представителю иной, незнакомой нам культуры, мы улыбаемся. И нас понимают, нам начинают доверять – и улыбаются в ответ. Человеку свойственно стремление к распознаванию мира другого, к его изучению и к открытию собственной вселенной для исследования другим. Сеть наиболее полно удовлетворяет именно индивидуальные потребности, на что безличная социальная структура вряд ли приспособлена. Сеть сохраняется в силу человеческого желания стать и оставаться самим собой.

И вновь мы вынуждены отвлечься. По ходу нашего повествования мы часто употребляли понятия индивида, личности, индивидуальности. В широкой литературе эти категории выстраиваются следующим образом. Сначала идёт индивид. Это некоторый набор отличительных признаков. Затем следует индивидуальность. Это черты характера и внутренние свойства. И завершает путь личность. Это социально востребованная единица. Утверждается, что иерархия именно такова. Мы вообще не склонны конструировать любую иерархию, но всё же меняем местами индивидуальность и личность, отдавая приоритет первой. Общественное бытие человека подчинено многим запретам и правилам, а раскрытие любого возможно лишь при условии наиболее полного освобождения от пут социума. Востребованная обществом единица – это винтик. А по-настоящему творческий и созидющий индивид – это вершина самореализации человека. Но вернёмся обратно.

Как ощущает себя человек в сети? Плата за свободу – тяжёлая ноша. Мы неэффективны в близких отношениях с другими, мы их не понимаем, мы расстроены и мечемся из стороны в сторону. Плохая осведомлённость толкает нас на неправильные поступки. Остальные кажутся нам грубыми и нечуткими. Машина иерархий убивает тёплые чувства, заставляя уходить в себя, любить одиночество и избегать чересчур личных связей. Но в то же время именно в сети возможна настоящая искренность, истинные страсти, горячие эмоции и долгая привязанность. Мы ценим в людях их человечность, а не вовлечённость в общую игру перетасовки и использования статусов и позиций. Мы работаем на общество, а отдыхаем среди дорогих нашему сердцу людей.

Так отчего построение сети более проблематично, чем организация иерархии? Сеть по определению менее устойчива, чем иерархия. Она держится не на обязательствах, а на соглашении. При этом согласие непостоянно и относительно. В нём нет чётко прописанных правил, оно неформально и страдает вечным креном в сторону пересмотра.



Иерархия, напротив, обладает жёсткими границами, устойчива и требовательна. Соблюдение норм обязательно, а не желательно.

Почему же мы выше отметили факт перетекания иерархии в сеть и наоборот? Разве водораздел между ними не однозначен? Не совсем. Переходы осуществляются постоянно, и, несмотря на лучшую устойчивость иерархии, она тоже не столь стабильна, как бы ей хотелось. Всё зависит от человека. Если он примется очень усердно формализовать своё окружение, то всё вокруг превратится в иерархию. Если, наоборот, станет более чутким и отменит в общении с близкими прописанные нормы, то окажется в сети. Возьмём пример армии. Это стопроцентная иерархия. Нет. Предположим, в поезде при исполнении служебных обязанностей сталкиваются два лейтенанта из разных гарнизонов. Иерархия тут невозможна. Их звания и должности совпадают. Только один из Читы, а другой – из Новосибирска. Как тут быть? Люди, привыкшие (или ещё не до конца) подчиняться и приказывать, вынуждены будут создать сеть, если, разумеется, им захочется начать общение. Иного выбора у них не существует. Так иерархия порождает сеть. И ещё один пример. Возьмём генерала и его личного водителя, снова лейтенанта. Огромное количество часов они проводят вместе в автомобиле. Генерал, если он не хочет, чтобы его возили, как дрова, обязан будет наладить более или менее неформальные отношения с лейтенантом. Потому что заменить его сразу не получится, а, проявив человеческую заботу, можно легко договориться. И даже, может быть, выпить как-нибудь вместе чая. Понятно, что генерал может оказаться замкнутым, безразличным к манере вождения, неразговорчивым. Но вообще-то тот отрезок времени, пока его везёт именно этот подчинённый, он зависит от него. Аварии и автокатастрофы для генералов никто не отменял. Так иерархия может, мы особо подчёркиваем именно возможность, а не воплощение в реальность, перейти в сеть в отсутствие сближения в структуре между агентами. Теперь противоположная иллюстрация. Два друга, окончивших военное училище одновременно, получают направления в один и тот же гарнизон, но один из них быстро дослуживается до майора, а второй дорастает только до старшего лейтенанта. Первый будет командовать вторым. И, возможно, лишь в тесном кругу они останутся друзьями. Так сеть порождает иерархию. Тут сразу вспоминается один анекдот. Сын полковника спрашивает, станет ли он тоже полковником, на что отец отвечает утвердительно. А генералом? Нет, потому что у генерала тоже есть сын. В иерархии люди склонны общаться с теми, кто находится на одном с ними уровне. Т.е. сеть, всё равно, возникает между равными участниками. И второй пример. Два человека познакомились в поезде, везущем их в одну часть. Они не стали выяснять, кто они по званию, просто мило пообщались и подружились. Но, прибыв на место, оказалось, что один из них – прямой начальник другого. Как бы ни пытались они поддерживать своё знакомство на уровне, возникшем в

поезде, иерархия возьмёт своё. К чему нам эти картины? В принципе, они демонстрируют одну мысль. Между дальними связь почти всегда характеризуется иерархией. А между ближними – сетью. Мы не имеем в виду расстояние физическое, но душевное. Дружба в силах состояться и между генералом и рядовым.

Подводя итог, хочется заметить следующее. Любая культура по способу организации есть либо сеть, либо иерархия. В сети объединяются на равных, в иерархии – по критерию господства-подчинения. Они взаимно перетекают друг в друга, не пересекаясь полностью. Биологические и социальные потребности лучше удовлетворяются иерархией вследствие её безличного характера, индивидуальные – сетью, из-за большего внимания к личным, индивидуально окрашенным качествам каждого участника отношений.

Из предыдущих рассуждений становится ясно, что в любом обществе соседствуют и тот, и другой способ объединения. Однако было бы ошибкой считать, что в личной сфере превалирует сеть, а в социальной – иерархия. Всё несколько сложнее.

Мы, конечно, не в силах рассмотреть каждую связь в обществе, чтобы выявить её принадлежность к иерархии или сети. Но этого и не нужно. Любой социум можно причислить либо к организации с доминированием сети, либо к организму с преимуществом иерархии, либо к одному из неустойчивых коллективов, в которых не прослеживается явная предрасположенность к чему бы то ни было. Во всяком обществе всегда есть и сеть, и иерархия. И только преобладание чего-то одного позволяет нам классифицировать общества по данному признаку. Мы надеемся, что предыдущие словосочетания не ввели никого в заблуждение. Безусловно, под, скажем, доминированием сети мы имеем в виду доминирование сетевого характера объединения людей между собой или доминирование связей, выраженных сетевым устройством. Точно так же и преимущество иерархии – это преимущество иерархического механизма функционирования структуры. Мы сокращаем словесную оболочку наших мыслей для удобства, с целью сохранения понятности и простоты нашего исследования. Мы и впредь намерены использовать понятия сети и иерархии в их двойном значении, но по контексту они будут различаться.

Итак, на ниже идущих страницах нас интересуют следующие проблемы. Как функционируют культуры сетевого принципа организации? Что происходит с иерархическими социумами? Как живут общества неустойчивые? И, разумеется, как они друг с другом состыкуются, что можно выявить в их отношениях и каковы результаты их встреч? Вторая группа вопросов касается методов выявления в общем клубке доминирующего признака либо сети, либо иерархии.

Мы будем последовательны и начнём со второй группы вопросов. Однако прежде небольшое замечание. Данная глава носит чисто тео-

ретический характер, искать в ней следы некоего реального положения вещей не нужно. Описывая методы определения сети и иерархии, мы опираемся на проделанную нами работу, но не на действительно живущие социумы. Далее станет понятно, почему мы сейчас игнорируем настоящие, представленные в реальности культуры, но пока нам следует сосредоточиться на их признаках в сугубо умозрительной сфере.

В качестве примеров для сети и иерархии мы будем использовать соответственно дружескую компанию и армейское подразделение – взвод. Мы прекрасно понимаем, что в чистом виде ни сети, ни иерархии среди друзей и сослуживцев не присутствует. Однако можно со спокойной совестью вести речь об их доминировании в данных образованиях.

И ещё одно замечание. Описывая методы выявления сети и иерархии, мы не станем придерживаться некой последовательности. Их признаки будут перепутаны, но так произойдёт вследствие того, что описание в подобном стиле более практично и удобно. Свойства иерархии и сети переплетены между собой, их лучше всего выражать совместно. Главный же вопрос касается, безусловно, обнаружения неравенства людей друг с другом или, напротив, их равноценности.

В качестве первого признака мы назовём наличие необходимых ресурсов. Что это означает? При крайне скудном обеспечении продовольствием, а, следовательно, и возможностями появления ресурсов другого характера, очень проблематично содержать членов коллектива, напрямую с выработкой пищи не связанных. Недостаточное количество еды явно не способствует появлению иждивенцев. Допустим, в обществе мало продуктов. Неважно, почему так получилось, главное – их хватает лишь на прокормление уже имеющихся ртов. Может ли в данной ситуации возникнуть какой-нибудь правитель? Вряд ли. Распределение пищи будет проводиться аккуратно и бережно, любой избыток будет подсчитан и внесён в реестр запасов, помогающих выжить в более голодные времена. Это же обстоятельство приводит и к нехватке других материальных ресурсов. Строить дома станет просто некому. Чинить сапоги – тем более. Все наличные трудовые силы будут направляться на возделывание земли, собирательство и охоту. Иные занятия отнимут слишком много времени и сил, чтобы вообще приступить к ним. В этом случае мы имеем дело с сетью. Конечно, возможно улучшение орудий труда, инновации и изобретения, но они реализуются только в условиях достаточного продовольствия и даже излишнего. При сведении концов с концами улучшение методов добывания пищи осуществимо, но труднореализуемо. У людей не будет хватать свободного времени для творчества, все их потенции направлены на воссоздание уже сконструированного. И именно скудость ресурсов выведет на сцену сеть. Потому что только взаимопомощь и взаимоподдержка позволяют выживать при нехватке еды.

На протяжении всей истории человечества мы замечаем развитие социума лишь при увеличении производства продуктов питания. И вот тогда появляются передаточные звенья. Кто-то отдаёт приказы, а кто-то – их выполняет. Это становится возможным благодаря наличию запасов, кем-то контролируемых. В дальнейшем регулирование избытка еды приводит к созданию идеологии, администрации, полиции и армии. Т.е. к иерархии. Одним словом, недостаток пищи в большой долей вероятности реализует сценарий построения сети, а её излишек – иерархии.

Примеров скудости ресурсов крайне мало. Можно вспомнить описанное нами второе условие формирования культуры – климат. Неблагоприятные особенности природного окружения наличествуют лишь в некоторых зонах нашей планеты. И люди идут туда неохотно, даже избегают их. Только слишком неудачные для общества события могут вынудить коллектив переселиться в пустыню или тундру. Количество проживающих там людей и сегодня невелико, что лишний раз подтверждает нашу правоту. Но именно в подобных климатически тяжёлых условиях рождается сеть. Иерархия – удел более обеспеченных социумов.

Обе наши иллюстрации также говорят о важности этого метода. Если мы рассмотрим взвод, то увидим целых четыре человека, по сути ненужных при эффективной организации солдат. Командный состав излишен, на его поддержание расходуется приличная доля всех наличных ресурсов. Таким образом, его присутствие и власть зиждутся на избыточных мундирах, вооружении, сапог, фуражек и всего прочего. В компании друзей обратная ситуация – главного нет. Любой излишек вновь делится поровну или в соответствии с предпочтениями каждого. Им необязательно, скажем, искать ещё один автомобиль, если уже имеющиеся вмещают всех, тогда как для офицера и сержантов необходимо предусмотреть дополнительные места. Здесь мы оставляем в стороне вопросы о правильных управлении и регуляции, а добавок и гипотетически огромных запасов в кругу друзей. Пока они не важны. Но в последующем мы к ним ещё вернёмся. Сейчас же надо уяснить себе, что есть положительная корреляция между количеством ресурсов и образованием сети или иерархии. Чем их больше, тем больше вероятность возникновения иерархии, чем меньше – тем выше возможность создания сети.

Второй метод выявления и сети, и иерархии не столь прост для объяснения. Это наличие внешнего авторитета. В качестве такового могут выступать и Бог, и целый их пантеон, и духи предков, и даже здравый смысл. Внешний авторитет – это нечто такое, к чему обращаются в случае отсутствия подчинения или согласия. В детстве ребёнка пугают наказанием, приходящим откуда-то извне. В конце концов, не могут же родители выступать в роли дьявола! Малыш, если он, разумеется, испуган (кое-кто определённо постарается), прижима-

ется к матери или отцу и слушается их значительно лучше, чем до угрозы. Самое главное, чтобы эта высшая сила иногда проявляла себя, показывая своё могущество. В случае с взрослыми никакие баяны и упыри не помогут. Но их страшат законом, Божьим судом, общественным порицанием. К формально установленным предписаниям мы ещё обратимся, пока остановимся на авторитете.

Почему люди не ведут себя так, как им заблагорассудится? Отчего даже в минуты уединения мы сдерживаем себя? Как возможно такое, чтобы и при отсутствии свидетелей мы корили себя и мучили нестерпимо долго и дотошно? Ответ один – совесть. Это трансформированный в современном сознании Бог. Прежде человек ориентировался на нечто внешнее. Священник, колдун или шаман говорили ему, как следует поступать, что выбрать и за что надо понести справедливое наказание, а также, естественно, поясняли, какая именно кара ждёт индивида за тот или иной проступок. Те времена ушли не безвозвратно. Теперь мы стали сами себе служками, волшебниками и сказителями. Предписания и правила переместились внутрь нас. И контроль от подобного перемещения лишь усилился. Никто так не будет больно стегать нас плёткой, как мы сами. Мы же всё знаем о себе, всё видели. Ни один доносчик не в курсе всего того, что мы совершали. Лучший и сильнейший наш враг – мы сами. Мы экипированы всем необходимым для того, чтобы следить за собой. И постоянно пользуемся личным вооружением для пристальной и неизбывной слежки. На самом деле проблема состоит не в том, что мы всё знаем о себе, а в том, что караем себя не по собственным меркам. Эти критерии закладываются в нас социумом. Это и есть авторитет. Т.е. в его роли обязательно должен выступать, например, Бог. В современном мире мало по-настоящему верующих людей. Мы охотнее верим в наказание законом, чем в кару Господню. Но само наказание маячит перед нами постоянно.

Однако у авторитета существует и вторая сторона, о которой нередко забывают. Пусть страж внутри нас, но мы всё же способны его обуздать. И внешние обстоятельства не всегда доминируют над нами. Но мы, всё равно, подчиняемся. Искореняем в себе страх перед Страшным судом, перед общественным недовольством, перед муками внутренних истязаний. И всё-таки. Сегодня человек переключился с совести на здравый смысл, на рациональность, на традицию. Эта братия загоняет нас в угол. Современный индивид слушается их более внимательно, чем всего остального. Совершив неблагоприятный поступок, человек рассуждает здраво и логично и приходит к заключению либо о своей виновности, либо безгрешности. Но сам механизм выяснения качества своих деяний подотчётен этому скрытому авторитету. То же самое относится и к традиции. Никто не подвергает сомнению её истинность, как, впрочем, никто не судит и о рациональности и здравом смысле в критическом направлении, а потому оценивает сам

себя в соответствии с ними. Раз кто-то когда-то сказал то-то, то так тому и быть, значит, стоит подчиниться.

Какая же тут связь с иерархией и сетью? Наличие внешнего авторитета свидетельствует об иерархии. Его отсутствие – о сети. Для того чтобы добиться повиновения от солдат, офицер апеллирует к уставу или высшему руководству. Рядовой видел одно, но это всего лишь набор букв, и мог вовсе не лицезреть второго. Это условности, что-то довлеющее над ним, невидимое, неосязаемое, неосязаемое, а потому ещё более грозное. Тем более его могут отправить на гауптвахту, назначить наряд вне очереди, а в случае отказа выполнять приказы вообще откомандировать в стройбат. А вот эти примеры уже явственно даны. Безусловно, сопротивление подавляющего большинства солдат приведёт к разрушению системы. Но рядовой печётся только о своём благополучии, а потому не лезет на рожон, предпочитая отмолчаться, прогнуться, опуститься.

В компании друзей никакого авторитета нет. Каждое новое противостояние, если таковое вообще случается, вынуждает любого идти на компромисс, выдумывать способы выхода из запутанной ситуации, не обращая при этом к чему-то стоящему над ними. Ни здравый смысл, ни Бог, ни какой бы то ни было устав не способны разрешить проблемы. Если двум друзьям и впредь захочется общаться друг с другом на равных, им придётся выслушать доводы обоих, как-то состыковать их и прийти к согласию.

Аналогично здесь и действие традиции. В армии принято, чтобы было начальство, и были рядовые. Испокон веков повелось так, что офицеры отдают приказы, а солдаты их выполняют, без пререканий и обсуждений. Отсылка к прошлым столетиям подчинения неплохо содействует сохранению армейской дисциплины и муштры. У друзей всё не так. Никто из них не может сослаться на то, что было когда-то давно. Всякий раз им приходится созидать согласие заново. И всякий раз это тяжёлая работа.

Поэтому мы делаем вывод, что для выявления сети или иерархии необходимо присмотреться к имеющимся в социуме авторитетам. Если они есть – речь идёт об иерархии. Если их нет – о сети. Правда, здесь нужно небольшое уточнение. Выше мы описывали власть структуры и власть, даруемую структурой. Первая никуда не исчезает и в ситуации сети, но вторая появляется лишь в иерархии. Т.е. друзья, разумеется, будут обращаться к опыту прошлого в деле разрешения конфликтов. У них одна традиция – их урегулирование, но не его способы. Ввод вообще апеллировать к чему-либо не станет. Есть устав, высшие арбитры. И тут кроется ещё одно различие. Сеть склонна к беседе с лично созданными правилами, а иерархия – с бесчеловечной машиной судопроизводства.

Таким образом, мы переходим к третьему методу. Это наличие формальных предписаний. Лучше всего это описать с помощью слова

– церемониал. Обилие писаных законов и регулирующих постановлений, протоколов и договоров, стенограмм и прочих записей обычно говорит в пользу наличия иерархии. Сеть обходится без них.

Как вы заставите человека, заключившего с вами соглашение, соблюдать его? Конечно, для этой цели существуют специальные государственные органы. Чтобы договориться о поставках, скажем, металлоконструкций, необходимы ведомства по стандартизации, люди, заверяющие бумаги, наличие скрытых и явных, если так можно выразиться, подстёгивателей. В противном случае добиться от другого выполнения взятых им на себя обязательств кажется нереальным. Но что происходит в кругу друзей? Если один друг звонит второму и просит его о том, чтобы тот подхватил его по пути на работу, то кроме устного согласия больше ничего не заключается. Его исполнение проходит обычно без сучка, без задоринки.

Формальные предписания – это свод правил, где-либо физически закреплённых. Устав в армии – это небольшая книжица со всеми законами и порядком действия самых разных чинов, контролирующих как их деятельность, так и соотношение их позиций. У друзей ничего такого нет. Возможно только в головах, да и то, как мы увидели раньше, всякое новое соглашение требует свежих же усилий по его закреплению. В армии, наоборот, никакого труда по созданию норм не производится. Любой новобранец, призванный на службу, учит устав и тем самым приобщается к незнакомой для него обстановке.

Все роли и позиции в формальных предписаниях чётко прописаны. Урегулировано их взаиморасположение. И даже способы изменения уже имеющихся постановлений. Для того чтобы внести в законодательный орган своё предложение, необходимо собрать какие-то бумаги, пройти согласования, а уж затем голосовать за проект закона или против него. Шага в сторону не допускается.

Обращаясь к какому-либо чиновнику с прошением, любой человек укрепляет его положение своими действиями, доказывая его необходимость. Ведь без соответствующего органа получить или отдать что-нибудь невозможно! Нужны лица, разбирающиеся в хитросплетениях Вавилонской башни законов, способных их передать дальше и включающих их в уже имеющийся запас регуляций.

Законодательство многих стран исчисляется миллионами страниц. Существуют специалисты по их толкованию и применению. Сама практика их исполнения – это дополнительная отрасль в нагрузку к сфере их создания. Обычные граждане не знают всего вороха этих бумаг, но, так или иначе, подпадают под их действие. Любой, столкнувшийся с задачей, например, продажи какого-либо недвижимого имущества, оказывался в ситуации зависимости от всех тех людей, которые разбирались бы в нужных формальностях. Так и солдат, не знающий или плохо ориентирующийся в первое время во всех предъявляемых к исполнению церемоний, путается и натывается на прегра-

ды, причиняемые со стороны тех, кто уже свыкся с подобным положением вещей. Чтобы жить в иерархии надо знать все установления и чётко их соблюдать. Как поклониться одному, как отдать честь другому, как зайти в кабинет должностного лица.

Сеть регулируется и без формальностей. Её функционирование – это ряд сложных, но приятных обязанностей по поддержанию изменчивого порядка. Уставы среди друзей не распространены, зато часто встречаются в среде военных.

Тут сразу возникает вопрос о священных писаниях, присутствующих физически. Мы не склонны обижать чьи-либо религиозные чувства, поэтому объясним их наличие двояким образом. Во-первых, верующие люди не признают за ними именно формального характера, они ощущают их экзистенциальную необходимость, свободу в их исполнении и соблюдении их предписаний. И, во-вторых. Заповеди, запреты и табу всё-таки написаны. Их можно в любой момент вынуть не поверхность и потрясти ими перед носами провинившихся или не желающих согласиться. То, что написано пером, не вырубишь топором. Бумага обязывает. И потому никакого противоречия с высказанными выше мыслями в данном случае не получается. Плюс во всему нужно добавить, что словосочетание «существующие физически» не сводится именно к наличию в виде какой-либо вещи. Формальность – это не только предметность, это ещё и высказанность. Словесное оформление, формулировка – это форма закона. Если правила и нормы могут быть выражены устно, причём сделано это будет не спутано, а чётко и по порядку, то, следовательно, они есть.

Как бы то ни было, но наличие формальных предписаний лишний раз свидетельствует в пользу существующей иерархии, тогда как их отсутствие, напротив, говорит о сети. Невыявленность законов ещё не означает их невоплощённости. Как мы уже неоднократно замечали, власть структуры всегда имеется, тогда как власть, даруемая ею, преподносится только в условиях иерархии. Принципы функционирования сети столь же незыблемы, как и законы, по которым живёт иерархия. Но отношения между людьми во втором случае регулируются с помощью дополнительного инструмента – формальных предписаний.

Четвёртый метод обнаружения сети и иерархии заключается в различиях. Тут может возникнуть некоторая неразбериха. Несхожесть есть всегда, это было отмечено нами. Но в данном пункте она расшифровывается через незнание другого, невнимания к личным качествам человека. Живя в плотно застроенных современных городах, индивид знаком лишь с узким кругом лиц, с которыми он общается, веселится, в общем, как-либо контактирует. Множество прочих он игнорирует. Такое поведение становится возможным только при предыдущем условии – наличии формальных законов. Однако и само оно самостоятельно.



Незнание другого – это отсутствие интереса к нему. В сети, в узком кругу взаимодействия индивид не может позволить себе пренебрежение личными качествами того, с кем ему предстоит иметь дело. Налаживание хороших отношений – краеугольный камень создания сети. Но если человек не вникнет поглубже в ворох душевных переживаний своего визави, то ему не о чем будет с ним общаться, не на чем станет выстраивать взаимовыгодные связи. Поэтому внимание к индивидуальным свойствам собеседника крайне важно для функционирования сети, причём оно обязано быть постоянным и неослабевающим.

Иерархия обходится и без этого. Знания правил и приёмов освобождает от изучения другого потому, что тот другой точно так же соблюдает их, как и вы сами. Переходя дорогу на зелёный свет, вы понимаете, что водитель машины остановится, чтобы пропустить вас на время горения для него красного указателя. И вы сами не попрётесь против всеобщих ожиданий не на тот цвет, на что, в свою очередь, рассчитывает автомобилист. Это не доверие друг к другу. Доверие глубже и интимнее. Его долго и основательно заслуживают. Его невозможно приобрести, просто выполняя чьи-либо приказы. Потому, приходя в любое не посещённое пока вами место, вы свободно ориентируетесь в нём, всего лишь изучив внутренний распорядок. При этом структура продолжает своё функционирование в неизменном виде.

Корреляция здесь довольна однозначна. Тем меньше внимания мы оказываем хотя бы тем, кто живёт рядом с нами в самом близком окружении, тем больше оснований заявлять об иерархии. Чем уровень игнорирования ниже, тем выше вероятность наличия сети. Однако не всё так однозначно, и нам стоит обратиться к современным городским агломерациям. Знать и любить каждого своего соседа по двадцатиэтажному дому просто невозможно. Столько имён, пристрастий, индивидуальных судеб сложно запомнить. Тем более нереально поинтересоваться всяким прохожим.

Человек способен эффективно и плодотворно контактировать с небольшим количеством людей. Сверх определённого лимита общение стопорится и выходит за рамки близости, а, значит, индивиду необходим какой-либо иной способ взаимодействия с теми, кого он встречает, но не знает. Таким методом становятся предыдущие формальные предписания. Человек соглашается на некоторую долю условности во взаимосвязях с другими, за что получает безопасность и предсказуемость.

Таким образом, незнание другого как метод выявления иерархии ничуть не страдает от современных примеров, а только подтверждается ими. Скученность проживания в городах, по сути, уничтожает возможность общества быть организацией с преобладанием сетевого принципа объединения. А деревни и посёлки, наоборот, позволяют

своим жителям интересоваться соседями, а, следовательно, ближе подходить к созданию сети.

Личностное начало здесь важно потому, что при установлении тесных контактов оно играет определяющую свойства будущих отношений роль. Для нас существенно то, как на нас будут реагировать наши друзья, мы вынуждены учитывать особенности их психического строения, их настроя и индивидуальные характеристики восприятия внешних воздействий. Всё это обусловит качество наших связей. Но нам почти всё равно, как нас воспримут наши сослуживцы и командиры потому, что наши взаимоотношения уже прописаны в уставе, в специальных брошюрах и буклетах. И за пределы формальностей они никуда (конечно, в идеальной армии) не выйдут. Мы, естественно, хотим, чтобы нас любили или хотя бы не унижали, но, в принципе, это неважно, особенно если это касается порядка несения службы и должностных обязанностей.

Следующим, пятым, методом выявления сети служит изучение положения человека в социуме. Получение выгоды от той или иной позиции есть явный признак иерархии. И соответственно чем больше подобных мест, тем больше вероятности того, что мы имеем дело с ситуацией господства-подчинения.

Приведём небольшой пример. Если в кинотеатре все места одинаковы – в том, что касается просмотра кинофильма, восприятия его звукового содержания, соседей и общей атмосферы – то ни одно из них не получает преимущества над остальными. А потому любой купит билет на какую угодно позицию. Но если они различны – всё в том же, скажем, в обзорности – то мы предпочтём те места, где фильм просматривается лучше. Отсюда превосходство, борьба (как бы прийти пораньше к кассе), недовольство и прочее. Зритель, получивший более выгодное положение, почувствует себя лучше, увидит каждый уголок, т.е. выгода налицо.

В иерархии любое место, кроме разве что самых непрезентабельных и ущербных, имеет свои плюсы. И лишь опускаясь на дно пирамиды, мы можем увидеть позиции, не обременённые сколько-нибудь полезными свойствами. Таково, например, положение солдата. Им командуют решительно все – от генералов до сержантов. Обратной связи не наблюдается. Рядовой не в силах воздействовать на систему потому, что не имеет в своём распоряжении даже самых примитивных и грубых рычагов влияния. Его могут послать на смерть, а он ничего не ответит. Ему останется только пойти и погибнуть. В сети, напротив, ни одна позиция не нависает над прочими. Оглянитесь на своих друзей, подумайте немного и скажите, в чём ваша выгода от общения с ними. Понятны человеческие чувства и эмоции, сопереживание и сострадание, взаимопомощь и выручка. Но зато нет никакого наслаждения от отдачи приказов, от униженного подбострания подчинённых или просто зависимых, от смакования власти. Вы не в состоянии

заставить своих друзей делать что-либо по вашему произволу, как, впрочем, и они, а, значит, ваши положения равноценны.

Создание иерархии привлекает многих именно по этой причине. Достоинства пребывания в определённых позициях перевешивают недостатки, а потому человек повинуетя, лебезит и расточает лесть затем, чтобы и к нему нижестоящие относились так же, как он к вершущему. Структура ведь не только принуждает и покоряет, она даёт неисчислимые прибыли. И всякий пользуется ими по мере своих сил к их потреблению.

Сеть – организация более приземлённая. Её горизонтальный характер не позволяет никому увидеть больше остальных, прочувствовать что-то иное в отличие от прочих. Все равны не своим духовным содержанием, но отношением друг к другу, взаимозависимостью и свободой выбора.

Здесь нужно сделать одно небольшое замечание. Наличие мест с неким преимуществом невелико в любой иерархии. В противном случае каждый обладал бы чем-то таким, чего не было бы у другого и что бы ценилось всеми. Безусловно, иерархия в социуме не существует в единственном числе. Есть пирамиды художников, лестницы зоологов, государственные вертикали и прочие иерархоподобные образования. Но в целом они соответствуют друг другу. Как в петровские времена проводились параллели между военной и гражданской службой, так и сегодня и вообще различные иерархии дополняют и пересекаются между собой. Функционирование их взаимозависимо и сопоставимо. Но позиций преобладания немного потому, что иначе иерархия распалась бы в сеть. Так существуют более важные положения по сравнению с остальными, а, значит, выстроить единую сетку, всё равно, оказывается возможным.

Наконец, взращенные в условиях пирамиды индивиды предпочитают быть крупной рыбой в маленьком водоёме, чем средней в большом. Опять же это объясняется через иерархию. Быть устроенным и почитаемым, пусть даже и в не совсем презентабельном месте, лучше, чем барахтаться вместе с остальными в надежде урвать более лакомый кусочек. Относительное богатство в иерархическом сознании привлекательнее абсолютного. Существеннее разница с теми, кого ты знаешь, кто не сумел отличиться, как ты сам, кто выпал из гонки за достижение более высокой позиции. В таком случае собственные усилия преумножают свою стоимость, в то время как в большом водоёме соседи незнакомы, а, следовательно, не способны оценить потуг рядо стоящего.

И последнее. Положения, дающие их обладателям некие выгоды, образуются вследствие определённых причин. В качестве таковых выступают две, казалось бы, совершенно противоположных. Первая – высокая степень дифференциации общества. Наличие огромного количества самых разнообразных сфер деятельности позволяет каждому

найти что-то своё, занять собственную позицию и тем самым встроиться в иерархию. При этом чем большее количество пирамид будет в социуме, тем больше вероятность того, что некоторые положения станут похожими друг на друга, наделят равными прибылями лица, их занимающие. И как в случае с лейтенантами в одном поезде возникнет сеть. Вторая – крайне низкая степень дифференциации. Широкое основание пирамиды позволит стоящим внизу почувствовать свою одинаковость, схожесть судеб. Если вершина невелика и напоминает по своей форме шпиль какой-нибудь башни, то фундамент будет размытым и масштабным. И в лоне этой беспросветности появится сеть. А так как подавляющее число членов коллектива станет исповедовать в своей повседневной практике принципы сети, то мы сможем говорить именно о ней.

Ещё одним инструментом распознавания иерархии является наличие в обществе распространённого и широко применяемого аппарата вычислений. Что это значит? Различия между людьми есть всегда, простите нас за это повторение. Но их можно как заметить, так и пренебречь ими. Принятие их во внимание возможно лишь при удобном механизме сравнения. Подобная, тщательно выверенная и хорошо сложенная, автоматика непременно существует в условиях иерархии. Одного богача с другим можно сопоставить, подсчитав их наличность и всё их имущество в денежном эквиваленте. Если в процессе их сравнения вычесть из него бумажки с цифрами и попробовать проделать ту же операцию, то ничего не выйдет. Они несводимы друг к другу.

В сетях этот инструмент отсутствует. Ни деления на классы, ни ранжирования здесь нет потому, что нет, в частности, удобоваримого прочтения разницы. У русских людей есть потрясающее свойство, характеризующее их объединение как сеть. На вполне чёткий и недвусмысленный вопрос, является ли человек богатым, они начинают сомневаться в самом понятии «богатство». Сразу сыплются ответы о духовных вершинах, об авторитетности чьего-либо мнения, о том, как люди относятся к объекту вопроса. Ничего общего с деньгами так и не находится. Точнее, конечно, и такие ответы звучат, но червь искушения дачи более полного ответа грызёт изнутри почти любого.

Вообще всякая табель о рангах приближает нас к иерархии. Чины, звания, мундиры, деньги, стоимость, рейтинги, капиталы, индексы, чарты, должности, квалификация, специализация – вот далеко не полный список (эти, кстати, тоже) различных механизмов сравнения. Тем больше их плотность в социуме – тем больше склонность к иерархии. И чем большее количество людей подпадает под их очарование и власть, тем реальнее становится перспектива построения социума по принципу господство-подчинение.

Среди друзей вы вряд ли выделите кого-то особо, а если и сотворите подобное, то это лишь выявит ваше настоящее отношение ко

всем прочим. Высчитывая прибыль от дружбы с одними по сравнению с доходами от знакомства с другими, трудно не столкнуться со сложностью проведения таких расчётов. Где критерии сравнения? Где столь необходимые выверенные числа? Как возможно поставить в один ряд морковь и огурец? Трудности сопоставления человеческих свойств объективно препятствуют любой расстановке акцентов.

Надо полагать, что кого-то мы любим больше, а другого – меньше. Но выбрать одного в любой дилемме не получится. Нам дороги все друзья, без разбора полётов и копания в собственной душе. Мы лишь решаем, с кем дружить, а с кем враждовать. И после ответа уже не проводим различий между друзьями, как, впрочем, и между врагами.

Выявление сети и иерархии может, однако, проводиться не только по внутренним принципам жизнедеятельности общества, но и по внешним, ориентированным на некие глубинные смыслы. Выше мы говорили об условиях формирования культуры. Социальные значения выражаются, в том числе, в предметах и вещах, окружающих члена коллектива. Одним он придаёт ценность, иные для него не столь желательны. Каждый материальный объект оценить нельзя, поэтому в качестве седьмого метода мы предлагаем подсчёт роскоши.

Люксовые предметы – это такие вещи, наличие которых относит человека к высокопоставленной категории лиц. Вы можете ехать на шикарном автомобиле по улице, и всякий догадается, что у вас куча денег, а, следовательно, вы стоите на высокой ступени общественной лестницы. Хотя при этом вы не получите никаких преимуществ, не будете отдавать приказов и на внешний авторитет уповать тоже не станете.

Разумеется, понятия о роскоши в различных социумах отличаются друг от друга. Поэтому для использования данного метода необходимо вначале выяснить, что представляется более желанным в обществе, а что – менее. Как правило, роскошь принадлежит высшим классам, т.е. дополняет уже имеющееся положение, покрывает его красочной глазурью. Но человека посчитают стоящим на вершине и без соответствующего титула, коль скоро он обладает предметами люксового исполнения. Точно также и крупный вельможа сможет понукать другими даже в самой плохо скроенной одежде, при этом приказы будут беспрекословно исполняться. Материальные доказательства благополучия и лучшей по сравнению с прочими позиции крайне важны для выявления иерархии. Чем больше подобных безделиц и игрушек в обществе, тем вероятнее, что мы имеем дело с пирамидой. Чем их меньше – тем больше оснований говорить о сети.

В наших примерах мы видим аналогичную ситуацию. Так офицерам положено другое оружие, более удобное и личное, если так можно выразиться, а солдаты довольствуются самым ходовым товаром. Это же относится и к их одежде и довольствию. Командный состав облечён в более шикарные наряды и получает больше денег, в то вре-

мя как рядовые серы, бесцветны и располагают меньшими суммами наличных. А вот друзья могут происходить из самых разных социальных слоёв, но предметы роскоши в их общении и взаимодействии не будут играть заметную роль. Конечно, нас так и подмывает утвердительно высказаться по поводу того, что друзья обычно сходны по позициям, занимаемым в общественной пирамиде. Но это не так. Дружить можно с кем угодно. Но даже если кто-то в компании вздумает употребить при остальных некий роскошный атрибут, он вряд ли при этом станет рассчитывать на нечто большее, чем уже имеет. Данный аксессуар свидетельствует лишь привилегированном положении его владельца вне дружеской компании, но не внутри неё.

Естественно, не только предметы, но и услуги выступают в качестве роскоши. Право на первую брачную ночь в средневековой Европе принадлежало феодалам, лишний раз подчёркивая иерархическую структуру того общества, по крайней мере, в данном отношении. В сегодняшнем мире лишь избранные могут забронировать какой-нибудь номер в представительной гостинице на курорте, тогда как прочие будут отдыхать в номере классом пониже. Офицер пользуется свободой по выходным, а солдаты несут чуть ли не круглосуточную службу. Примеры можно множить, но и без того ясно, что роскошь разделяет людей на тех, кто имеет к ней доступ и может позволить себе её, и тех, кто прозябает среди допотопных и однотипных вещей.

Здесь очень интересно обратиться к массовым товарам. Выбрасывая или расставаясь с какой-нибудь дорогой нашему сердцу вещью, мы редко задумываемся над тем, что подобные же предметы огорчают своей потерей других людей. Их история различна, но происхождение то же самое. О массовости современного производства сказано многое, но мы хотим внести свою небольшую лепту. Одинаковые продукты подтверждают наличие иерархии, а единичные – сети. При пирамидальном устройстве социума разница между людьми подчёркивается не просто лучшей выделкой, более тщательной сработанностью, использованием лучших и самых дорогих материалов при изготовлении товара, но также и его уникальностью. Различие проводится с помощью малого масштаба и низких объёмов производства. Посмотрите на дорогие машины. Их делают в количестве недостаточным для удовлетворения каждого. В очереди за ними выстраиваются длинные шеренги покупателей. И потому за них можно просить более высокую цену. Знак исключительности стоит недёшево. При иерархии люди жаждут отличаться, а потому устремляются к тому, чего у прочих отсутствует.

И, наконец, последнее. Хотя и было бы соблазнительно назвать нижеследующее методом выявления сети или иерархии, оно таковым не является. Мы уже ссылались на собственно биологическую природу человека. Наши гены и то, что на них оказывает прямое воздействие, так или иначе, предопределяют наше отношение, как к окру-

жающей среде, так и к социальной составляющей нашей жизни. Некоторые люди склонны подчиняться, тогда как другие чувствуют острую потребность оставаться независимыми. В каждом из нас оба эти начала борются между собой, но всё-таки некоторая предрасположенность к господству или свободе присутствует в качестве знаковой фигуры в деле построения организации того или иного типа. Было бы рискованно заявить, что именно наследственность влияет на общество, но всё же некоторая доля зависимости от данного фактора в построении социума имеется.

Это же подтверждается и нашими подопытными. В армию, за исключением обязательного призыва, идут люди, всё же склонные к ситуации господства-подчинения. Им не привыкать ни командовать, ни выполнять приказы. Они спокойно вписываются в принимающую их систему. Да и солдаты со временем оказываются в состоянии сносить весь армейский быт. Но со своенравным и слишком волевым характером в кругу друзей человек будет испытывать определённые трудности. Дружеский коллектив предполагает уступчивость и отзывчивость, при отсутствии которых у каждого члена создание компании почти невозможно.

Безусловно, мы не можем гарантировать полноты методологического аппарата, приведённого выше. Вполне возможны дополнения и некоторые вставки. В любом случае при распознавании в обществе того или иного принципа функционирования важно помнить следующее. Главной задачей выявления сети или иерархии выступает вопрос нахождения равенства. Или, напротив, дифференциации. Мы попытались представить соответствующие механизмы решения этого вопроса. Они перетекают и взаимодополняют друг друга. Но как ими пользоваться? Мы перечислили семь основных инструментов отыскания сети или иерархии. Человек существует в разных областях – на работе, дома, в какой-нибудь компании; рабочим, налогоплательщиком, депутатом; значительным звеном в общей цепи, либо нет. В нас растёт искушение применить количественный метод: подсчитать все позиции, их роль и принадлежность к сети или иерархии, а уж затем сделать вывод. Этот метод имеет право быть. Но, к сожалению, одним индивидом для выявления преобладающего типа объединения людей обойтись нельзя. Мы запросто можем попасть на самого убогого и сделать вывод об иерархии. Или нам попадётся реализовавший себя художник, и мы ошибочно посчитаем, что перед нами сеть. Увеличение количества рассматриваемых случаев лишь удалит нас от цели. Так что же? Перечисленные методы, по сути, относятся к структуре социума. Находить и выявлять необходимо именно систему. Единичные примеры должны нас волновать постольку, поскольку они служат общему делу, но не своей уникальностью. Поэтому для обнаружения сети или иерархии важно быть осторожнее и деликатнее. Общество –

это плавающие котировки валюты, но качаются они на волнах в каком-то определённом водоёме. И вот эти самые рамки нам и предстоит выискивать. Нужно проникать в сознание представителей того или иного общества и смотреть, насколько они подвержены влиянию сети или иерархии. Вот тогда мы и будем вправе отнести встретившийся нам коллектив к одному типу.

Так что, встречая то или иное общество, мы можем воспользоваться предложенными нами методами для определения доминирующего начала в его организации. Однако резонно встаёт вопрос о том, что определяет появление сети или иерархии. Ответить на данный вопрос сегодня довольно просто – история и предыдущий опыт социума. Но что было в прошлом? Прошедшее время вряд ли поддастся окончательной и доскональной реставрации, будь это восстановление физическое, либо сугубо мыслительное. Общество в самом начале пути своего становления зависит от множества самых разнообразных факторов, которые предопределяют его будущий вид. Ими могут быть и климат, и географическая среда, и отношения с соседями, и случайные события. В общем, всё то, что мы упоминали в качестве условий возникновения культуры. Но что толкает социум в объятия сети или иерархий? Почему появляется одно, а не второе? К сожалению, решить эти задачи невозможно. Мы способны лишь приблизительно очертить контуры главных источников влияния на данный процесс, но не более того. Люди на заре своего зарождения удовлетворяли единственную потребность – остаться в живых. То, что окружало их, способствовало фундаментализации сети или иерархии. Если отношения по сетевому принципу более соответствовали задаче выживания, сохранялись именно они. Если происходило обратное, преобладание получала иерархия. Опять же было бы наивно и глупо отдавать в данном деле пальму первенства климату. Так же и соседи или их полное отсутствие вряд ли на сто процентов определяли облик нового человеческого коллектива. Всего было помаленьку. Даже самая мелочь в итоге могла оказаться наиболее существенным вкладом в установление главного принципа. С другой стороны, в наши планы и не входило изучение самого раннего этапа истории человечества. Нас затрагивают проблемы, прежде всего, современности.

Однако, в целом, можно утверждать, что методы, представленные нами выше, помогают определить, кому достанется победа – сети или иерархии. Способствующее сети приведёт к её возникновению, а содействующее иерархии – к пирамидальному устройству общества. Эти методы дополняются обнаруженными нами условиями формирования культуры. Так что, внимательно присматриваясь к социуму, даже на начальном этапе его оформления, можно с некоторой долей вероятности спрогнозировать то, какой будет его структура.

Как бы то ни было, но теперь же нас будут интересовать проблемы, касающиеся функционирования уже готовых сети и иерархии.



Однако прежде чем к ним приступить, сделаем одно замечание. Выше мы упоминали так называемые неустойчивые общества. Что они собой представляют? Это такие социумы, в которых не наблюдается превосходства сети над иерархией или наоборот. На самом деле подобные коллективы недолговечны. Что-то одно неизбежно победит другое, и тогда на свет явится сеть или иерархия. За долгое время существования любое общество причаливает к какой-то одной пристани. Но молодые социумы вполне могут выступать в качестве неустойчивых. Почему мы их так обозначили? Они вполне адекватны во внешней сфере, но не во внутренней. Сношения с другими объединениями людей заставляет такие коллективы приспосабливаться к их способу организации. Они копируют этот механизм, если он эффективен или им так только мерещится, или, напротив, выбирают противоположный, замечая его ущербность – явную или представляющуюся таковой. Как это происходит? Допустим, неустойчивое общество столкнулось с иерархией. В таком случае задействуется иерархический инструмент, и оба социума прекрасно контактируют. То же самое касается и сети. Однако не всё так гладко. На любом уровне функционирования социума в неустойчивом его варианте всегда существуют сеть и иерархия. Ни одна не получает преимуществ. Поэтому вторая его сторона всегда может прорваться наружу, нарушив уже заключённые соглашения. Всё зависит от симпатии неустойчивого объединения к своему визави. Именно поэтому одни общаются с ним доброжелательно, а другие – враждебно. Понять внутреннюю логику его жизни очень сложно. На ум сразу приходит пример с русской душой, которая никаким исследованиям просто не поддаётся (это, кстати, не означает принадлежности русских к мятущимся сообществам – они слишком долго живут). Зато понравившиеся соседи всегда будут желанными и обласканными.

В самой сердцевине неустойчивого общества бушуют самые настоящие страсти. Эти пока ещё недосистемы склонны к революциям и переворотам, которые часто сотрясают их с огромной силой, меняя весь складывающийся порядок на противоположный. Это напоминает ситуацию с двумя детьми, тянущими на себя конфету. Пока они упорствуют, сладость будет между ними, но как только кто-то поддастся – она будет использована. Конфета бесполезна, если её мнут и пачкают грязными руками. Однако ни один не хочет уступать, и оба портят столь желанное лакомство. Неустойчивый социум находится в вечном напряжении. Его можно и не заметить, потому что оно не на поверхности, а скрыто в самой гуще душевных переживаний его членов. Но это не означает его отсутствия. Подобное положение опасно тем, что всегда готово к взрыву. Долгое изучение латиноамериканских стран так и не привело к нахождению причины бесконечных революций, случающихся там, но она вполне возможно кроется в мечущемся характере устройства этих государств. Причём не на уровне официаль-

ной власти, а на более низовом, но более существенном уровне повседневности.

Как бы то ни было, но такие общества крайне тяжело открывают свои тайны. Трудно заранее предугадать, куда в очередной раз качнётся маятник. Однако, в целом, вариантов развития событий всегда два. Либо в сторону сети, либо – иерархии. И если всякое государство будет иметь в запасе два сценария будущих действий с ними, то оно сможет без серьёзных потерь общаться с подобными структурами. Мы бы и дальше продолжили свои размышления о неустойчивости, но это тема отдельной, весьма приличной работы. А нам нужно двигаться дальше.

Как же функционируют сеть и иерархия? Как они взаимодействуют друг с другом? Выше мы частично ответили на первый вопрос. И потом уже должно быть ясно, что любое общество воспроизводится в процессе потребления его членами социальных смыслов. В этих двух типах организации они различны, но способы их восстановления идентичны. Однако здесь необходимо отметить следующее. Иерархии и сети функционируют на разных уровнях. Если, скажем, в экономике – это сеть, то в политике – иерархия. Мы писали о том, что сеть перетекает в иерархию и наоборот. Значит ли это, что сферы жизни социума открыты? Или, напротив, они замкнуты?

Вообще деление жизни общества на различные области весьма условно. Человек никогда не существует в какой-то одной из них, он всегда присутствует сразу во всех – активно или пассивно. Поэтому и преобладающий принцип организации он переносит с одной сферы на другую. Так случилось, к слову, с рыночной экономикой в Средневековой Европе – сеть переросла в иерархию. То же происходит каждый день с любым из нас. Методы общения и контакта с сослуживцами мы перекладываем на семью, а способы взаимодействия с родственниками – на подчинённых или начальников. Однако тут есть одно но. Сеть как таковая более открыта, чем иерархия. Как мы уже неоднократно замечали, в сети меньше власти – лишь власть структуры, а в иерархии она дополняется властью благодаря структуре. Чем больше в социуме власти, тем более он закрыт: люди защищают свои позиции, а потому общественные значения меняются с огромным трудом. Кстати, власть как таковая, точнее, её наличие, может рассматриваться как одно из главных условий победы иерархии над сетью. Если в социуме имеются условия зарождения центра силы, то власть получит своё воплощение, а, значит, появится иерархия. Если таковые отсутствуют – будет сеть. А власть окажется дисперсной и рассредоточенной среди почти всех членов данного коллектива.

В любой ситуации исход борьбы между сетью и иерархией зависит от того, что коллектив считает более важным для себя. Если его цель по своей сути сетевая, то будет сеть, если иерархическая – пирамида. Всё остальное подчинится преобладающему направлению. То же са-

мое можно сказать и о вновь возникающих явлениях и предметах. Они впишутся в общий контекст в соответствии с уже имеющейся организацией.

Немаловажно и то, что огромную роль в выборе между иерархией и сетью играет случайность. На первоначальных этапах своего становления культура не в силах контролировать свою окружающую среду. Любые всплески и флуктуации способны расшатать уже наработанный материал и привести к изменению генеральной линии развития. Однако, по возможности, их необходимо учитывать или, по крайней мере, вписывать их в прогнозируемые сценарии.

Как же состыкуются общества с преобладанием различных типов организации? И тут же позвольте краткое отступление. Мы намеренно выпустили вопросы о взаимодействии по принципу «сеть-сеть» и «иерархия-иерархия». С ними всё ясно. Они полностью дополняют друг друга. В главном подобные общества сходятся, а, значит, даже если между ними и возникают противоречия, то решаются они просто и относительно безболезненно. Как же быть с разными социумами?

Они сотрудничают с трудом. Но не всегда. Хотя деление жизни общества на сферы не совсем оправданно, всё же оно более или менее приемлемо для наших целей. Области с одинаковым преобладающим принципом объединения людей будут иметь положительный эффект от контактов, а с расходящимися принципами – отрицательный. Это же применимо и к разным культурам. Если, допустим, в экономике социума № 1 доминирует сеть при общем иерархическом характере, а социум № 2 и вовсе построен в соответствии с сетью, экономика первого и всё второе общество станут прекрасными партнёрами. Одно к одному. И наоборот. Подобное притягивает подобное. Следовательно, от общения противоречащих друг другу принципов ничего хорошего ожидать не приходится.

Вместе с тем необходимо особо подчеркнуть тот факт, что всё сказанное нами выше нуждается в уточнении. Мы рассматривали и сеть, и иерархию как некие изолированные принципы устройства общества, сугубо в теоретической сфере. Однако в чистом виде на практике они нигде и никогда не встречаются. Наши примеры наглядно подтверждают это. Если мы присмотримся к взводу, то увидим следующее. Ни один офицер не вправе, да и не в силах игнорировать свои личные взаимоотношения с солдатами. В любом случае он будет внимательно относиться к подчинённым, учитывая их эмоциональный настрой и психический склад, т.е. так или иначе, выстраивать нечто подобное сети. Абсолютно то же самое можно говорить и о самих рядовых. Никто из них не станет всецело уповать на устав, пусть даже и самый замечательный и действенный. В каждой иерархии непременно присутствует элемент сети. Аналогична ситуация и с сетью. В дружеской компании неизбежно найдутся те, кто превосходит остальных в том, что ценится среди данного круга лиц. Это могут быть и юмор, и спо-

способность быстро принимать решения, и превосходящая прочих материальная обеспеченность. Эти обстоятельства непременно примут в расчёт при общем выстраивании взаимосвязей. Таким образом, в сети всегда имеется некая доля иерархических способов организации.

К этому также нужно присовокупить то, что прежде мы изучали общую сумму всех отношений между людьми в каком-либо социуме. Но в том-то и дело, что это грубое складывание. Опускаясь на базовый уровень формирования predispositions, а затем воплощения в реальность способа функционирования общества, мы сталкиваемся с теми же проблемами, что преследовали нас раньше. В каждом акте, во всякой связи, являющимися основами жизнедеятельности культуры, мы наблюдаем схожее положение дел. Любой член коллектива разрывается на части внутри самого себя. С одной стороны он склонен к налаживанию человеческих отношений с другими. А с другой – готов пойти на урегулирование своих связей с помощью формальностей. Какую структуру ни возьми, мы увидим одно и то же. И эта раздвоенность, этот душевный разлад сопровождает всех нас на протяжении всей нашей жизни. Мы люди и оттого стремимся к человеческому взаимопониманию, но нас много, а потому мы желаем возложить груз ответственности за принятие решений на нечто безликое и подавляющее.

Поэтому в любой системе есть и сеть, и иерархия. И они переплетаются между собой не только в самых важных с точки зрения выживания структуры связях, но и на самом глубинном, индивидуальном уровне. Если честно отнестись к себе, то мы сможем понять, что каждый найдёт общий язык с каждым. Потому что во всяком заложены и сеть, и иерархия. То же касается и более громоздких и сложных образований. Если бы нам всем хватало усидчивости и терпения, то мир стал бы беспроблемной зоной взаимопонимания и сотрудничества. Но мы привыкли решать задачи на скорую руку, так, как совершали это прежде, ничуть не смущаясь неадекватности своих ответов на поставленные вопросы. Общества контактируют друг с другом именно потому, что в каждом из них кроется частица другого. Но, к сожалению, она не всегда попадаете нам и целым социумам на глаза.

Может показаться, что мы несколько упростили финальные аккорды этой части. Как бы ни так. В своё оправдание скажем следующее. Во-первых, предыдущее повествование уже должно было подвести вас к осознанию недавно озвученных мыслей. И, во-вторых. Рассматривать контакты различных культур в чисто теоретическом разрезе не совсем интересно. В теории всё выглядит просто, пока мы не сходим на почву конкретных примеров. А именно тогда начинаются самые главные сложности. Поэтому позвольте повториться. Сеть – к сети. Иерархия – к иерархии. И не смотря на то, что и сеть, и иерархия возникают одновременно и друг от друга зависят, как принципы организации социального пространства они противоположны (вне практики).

Так что сетевые общества не поймут иерархические. Однако данное утверждение будет проиллюстрировано ниже.

## Глобализация потребления

Любой заголовок ко многому обязывает. В частности, вести речь именно о глобализации. Но мы пока оставим её в стороне, и сделаем одно уточнение, а также одно замечание. Они связаны друг с другом, а потому последуют вместе. Мы поступаем так потому, что без этих отступлений, возможно, у читателя могло создаться неправильное впечатление обо всём нашем исследовании. И пусть поздно, но зато вообще, мы всё же решились на них. Так что потерпите до глобализации ещё самую малость.

Итак. Выше мы постоянно апеллировали к структуре общества. Мы говорили о ней чуть ли не в превосходных тонах, и любой мог прийти к заключению, что именно система (а это синонимичные понятия) определяет всю нашу жизнь. Отчасти это так. И даже, наверное, большей частью. Но мы также неизменно напоминали о том, что всякая структура даёт возможности. Без социума индивид ни за что не состоится. Пусть вид, который примет человек, запрограммирован культурой, в которой он вызревает, пусть подавляющее большинство членов общества не способно на преобразование системы, пусть даже она неизменяема. Но вне структуры человека вообще не бывает. Если ребёнка выпустить в лес, он не выучит никакого языка. Да, мой язык меня ограничивает, он не даёт мне сказать всего, что я хочу, он не содержит нужных слов, он требует от меня соблюдения дисциплины и правильного произношения, но вовсе без него я безмолвен. Без всех диалектов и наречий мира индивид нем. Он в состоянии лишь рычать, реветь, лаять, скулить, выть, но не беседовать. Разговор вне языковых средств просто неосуществим. И то же самое касается культуры. Человек культурен. Это аксиома. Животное бескультурно. Это факт. Живя в сословном социуме, индивид приобретает некий статус благодаря всего лишь своему появлению на свет. Он может страдать от принуждения, от рабского труда, от побоев и насилия со стороны своих хозяев, но другой, точно такой же человек не получает даже этого. Кто-либо посторонний лишён всего. Он не силах будет пользоваться преимуществами тихих радостей, гордости за детей, удовольствия общения с друзьями. Мы часто забываем об этом, но и самое тусклое и беспросветное существование изредка преподносит нам подарки. Одних только минусов не бывает. Жизнь полосата, как зебра. Поэтому любая система позволяет нам многое воплотить в реальность, требуя взамен исполнения её приказов. Она даёт и забирает, награждает и наказывает. Это уточнение.

Замечание подтверждает предыдущие фразы. Структура – это вовсе не застывшее образование, установленное раз и на века. Она подвижна. И её гибкость обусловлена самим фактом её наличия. Как мы уже неоднократно отмечали, любая система обязана учитывать появление новых членов. Их качественный и количественный состав, ско-

рее всего, будет отличаться от предшествовавшего. А, следовательно, потребуются свежие типы взаимодействий и их урегулирование. Конечно, молодые человеческие коллективы более уступчивы и податливы, чем старые. Но любая организация живёт лишь до тех пор, пока она способна на определённые уступки, пока у неё сохраняется потенция к переменам внутри себя и самой себя. Без этого движения навстречу структура рухнет. И вот здесь проявляются возможности человека к конструированию. Мы не просто воспринимаем социальную реальность так, как она дана нам, но без конца участвуем в её воспроизводстве и преобразовании. Говоря, например, на английском языке, мы поддерживаем его функционирование, оставляем его в живых. Но вместе с тем мы и творчески преображаем его облик. Потому что английский язык не задан раз и навсегда, он утилитарен, а, значит, им можно пользоваться так, как мы посчитаем нужным. Если потребуется новое слово, мы изобретём его. Если нынешние правила грамматики удручают нас, мы проведём её реформирование. Присмотритесь ко всем современным более или менее распространённым языкам, и вы увидите, что они не раз подвергались как официальной, так и народной терапии. То же касается и взаимосвязей внутри общества. Социум, базировавшийся на рабском труде, сменяется феодальной зависимостью, а та, в свою очередь, приводит к капиталистическим принципам образования человеческой действительности. Значит ли это, однако, что общественные значения не сохраняются? Вопрос тем более сложный, что не имеет однозначного ответа. Вышеприведённый анализ склоняет нас к мысли о том, что система исчезает при ломке прежней комбинации социальных смыслов. Происходят подобные события вследствие катаклизмов, о которых мы уже упоминали. Предыдущий вид, увы, размывается. Но на смену ему приходит нечто новое. Это новое имеет тот же или несколько изменённый состав, личностное наполнение и одинаковый для всех опыт или историю. Это фактически приводит к тому, что старое перевоплощается в новом, но только частично. Предположим, война истребляет всё, бывшее до неё. Восстанавливать надо с нуля. Но так ли этот нуль пуст? Те же люди, те же пространства, те же горе и обида. Победителю, разумеется, проще – он выиграл. Но и ему теперь срочно необходимо воссоздавать то, что раньше поддерживало его существование. А уж о проигравшем и речи быть не может – он вообще втиснут в обязательства по реорганизации социума. Ведь тот, прошлый, проиграл. И вот те, и другие начинают свою работу. Естественно, не с пустого места. Прежние общественные значения вольются во вновь сооружённые системы. Они могут больше не доминировать, не определять будущую политику, но они будут. И с ними придётся считаться. Бесследно ничего не проходит. К тому же базовые элементы вряд ли куда-то денутся. Это напоминает ситуацию с домом, когда его разбирают по кирпичику, чтобы после из них же возвести новое здание. И соответ-

ственно свойства кирпичей переключаются в новую кладку. Несколько иначе обстоят дела с полным уничтожением какой-либо культуры. Но, как мы отмечали выше, социальные смыслы могут (мы подчёркиваем это слово) исчезнуть. И всё же никто не застрахован от копирования, заимствований и перенимания опыта. Даже чемпионы. Вывод напрашивается сам собой. Общественные значения более незыблемая вещь, чем может показаться на первый взгляд, но и более изменчивая, чем представляется поначалу. Залезть в душу каждому члену коллектива пока невозможно, а потому на этом, самом низовом уровне индивидуального бытия, случаются и впредь будут случаться пертурбации, которые станут перетолковывать уже сложившийся порядок, основанный на истории. В любом случае социальные смыслы сочлеляются различными способами, и мы можем контролировать это процесс. Но мы немного увлеклись.

После столь долгого отступления, которое, если честно, можно было бы длить и длить, нам нужно снова обратиться к заголовку. Что есть глобализация? В чём её суть? И как она связана с потреблением?

Как бы ни хотелось нам отвернуться от предшествовавших исследований в области глобальных проблем, мы вынуждены их, пусть и поверхностно, коснуться. Правда, доказывать, правоту или ложность наших коллег мы не будем. Эта задача или же склонность вроде и оправданна, но очень нелицеприятна. Во-первых, заочная критика всегда ущербна. Написанное пером с неизбежностью страдает недосказанностью из-за отсутствия полутонов, намёков и отсылок внесловесного свойства. А, следовательно, мы до конца не понимаем своих визави. Во-вторых, при подобном обсуждении неизменно создаётся ситуация собственного величия, что претит нам. Получается так, что изучаемые учёные ничего толком не смыслили в предлагаемой теме, либо рассуждали неполно и коряво. Мы уважаем любое мнение, а посему не будем унижать остальных. И, наконец, в-третьих. Никто досконально не познаёт истины. Мы можем оказаться столь же неправы и, вероятно, даже больше, чем наши предшественники. И тогда весь наш запал критики пропадёт впустую, хотя и мог бы пригодиться нам в более интересных, а, главное, продуктивных стремлениях найти Ту Единственную, Истину.

Многочисленные вопросы, касающиеся возраста глобализации, её распространённости и масштаба мы затронем ниже. Пока же нам необходимо операциональное определение самого термина «глобализация». Что она такое?

Все, принимавшиеся за эту задачу, несмотря на все прочие противоречия, согласны в том, что глобализация – это процесс, охватывающий весь земной шар. Это раз. Прежние события, как бы далеко они не отсылались, не характеризуются как глобальные, как затрагивающие абсолютно всю планету. Какие бы технологии и стимулы не породили нынешнее положение вещей, теперь мы живём в одном про-



странстве. И наша сегодняшняя позиция уникальна. Это два. Такого не было раньше. Не то, чтобы совсем, но такого размера – это точно. Да, были потоки людей, капитала и товаров. Да, они вращались на одинаковых орбитах. Да, будучи выражено в цифрах прошлое могло превосходить настоящее. Но. То, что есть теперь, никогда не было прежде. И у нашего нынешнего положения отличные черты. И, наконец, треть. Так и быть, мы сразу откроем карты. Это взаимность. Точнее, чуть по-другому. Это взаимопомощь, взаимозависимость, взаимопересечение, взаимопроникновение, взаимодействие. Отбросив корни после приставок, мы получаем взаимность. Таким образом, глобализация для нас – это процесс обретения взаимности.

И тут же позвольте очередное отступление. То, что глобализация представляет собой процесс, ещё нужно доказать. Статика весьма существенно отличается от динамики, а нам требуется именно вторая. Так почему это что-то движущееся? Хотя и незначительно, но для того, чтобы обосновать нашу точку зрения, нам поможет разбор самого слова «глобализация». Его окончание свидетельствует о том, что перед нами нечто незавершённое. Безусловно, есть и такие слова как «аудиенция» или «констатация», которые ничего подобного не выражают. Однако слово «глобализация» иного происхождения. Глобальность – это заданность, а вот глобализация – направленная к ней. Впрочем, лексические упражнения на этом и завершают свою полезную работу. Что мы ещё можем добавить? Вышеприведённые определения по большей части отсылают нас к чему-то незавершённому. Помощь оказывается, но она нужна и в дальнейшем. Зависимость существует, но она меняет свои координаты. Пересечение и вовсе предполагает движение от одного конца к другому. Проникновение схоже с ним. А действие – это преодоление какого-либо расстояния, но не оно само. Глобализация в таком случае – это проект, но не сданный объект. И ещё одно. Имеем ли мы право утверждать, что все друг другу помогают, что каждый зависит от каждого, что все наши пути пересекаются и проникаются иными дорогами и что всякий действует в оглядке на прочих? Такого положения вещей пока нет. Люди в какой-нибудь очень отдалённой глуши, почти в отрыве от цивилизации спокойно ступают по жизни без того, чтобы постоянно осматриваться по сторонам. Мир пока не един. Да, он стремится к этому, но окончание этого процесса пока не наблюдается. В любой из дней мы испытываем на себе влияние глобализационных процессов, но сказать, что мы уже пребываем в общем доме с остальными мы не в состоянии. Чересчур горячие головы, конечно, заявят о глобальности, как о свершившемся факте, но явно ошибутся. До тех пор, пока на свете найдётся хоть один, не затронутый едиными для всех связями человек о финале говорить будет преждевременно. Нынче общего дома нет, но каждый день в строящемся здании поселяются новые жильцы. Следовательно,

глобализация – это процесс. Но какой? И есть ли в ней что-то от статичной позиции?

Ответим сначала на второй вопрос. Разумеется. Вся масса людей, населяющих нашу планету, не обязательно куда-либо движется. У них может напрочь отсутствовать подобная цель, а если они и подхвачены определёнными обстоятельствами в некотором направлении, то это не означает их вовлечённости. В таком случае они могут сопротивляться и даже тормозить тех, кто по-настоящему жаждет оказаться у финишной черты. Твердолобых приверженцев традиции и старого порядка всегда предостаточно. Но и обывателей, не рвущихся сниматься мгновенно с места, тоже хватает. Таким образом, мы подходим к одной очень существенной детали в нашем исследовании, а именно – что мешает глобализации развиваться? И хотя эта задача будто бы уводит нас от магистрального пути нашей работы, мы всё же займёмся ею незамедлительно, чтобы доказать обратное.

Консерваторы и лежебоки – враги любого процесса, кроме движения сохранения имеющейся структуры. Первые поступают так по принципиальным соображениям, видя в любых преобразованиях зло, а вторые слишком пассивны или слишком приучены к уже привычному. Быт – это не бытие. Это его способ. Наличная культура крепко держит своих приверженцев и не выпускает их из своих рук. Любой сопротивляется переменам, потому что за ними неизбежно следуют обязательства по реконструкции самого себя, что не так уж и легко совершить. Плюс ко всему нам сложно представить образ будущего, резко отличающийся от знакомого нам по настоящему. Человек, отправляющийся в путешествие, воображает себе то, что он увидит на неведомых ему землях. Но вся его фантазия будет клониться к тому, чтобы перевернуть, если он боится, или воспроизвести, если он бессилен, весь калейдоскоп изученной им реальности. Большого он не добьётся. И лишь восприняв новое, прочувствовав его и продумав, он смиряется. Однако чтобы отправиться на приключения, надо иметь храбрость. Увы, но обыватели её лишены. Они ютятся в пыльных закоулках своего дома и не ворят носа наружу. Что касается идеологов прошлого, то им отвратительна тяга к будущему, в которое они, всё равно, попадают, а потому они желают либо застопорить всякую инновацию, либо вообще вернуться во вчера, которое обжито и не сулит никаких неприятных сюрпризов. Это люди с памятью. Они постоянно обращаются к истории и, по сути, имеют на неё монополию, манипулируя которой добиваются весьма ощутимых результатов.

Правда, у новшеств есть более серьёзные противники. Ни одна революция не совершается прозябающими в тиши прошлого консерваторами, как и не проводится она в жизнь обывателями, принимающими, как правило, её как данность. Худший враг всякого переворота – это его организаторы. Мы тут не станем вдаваться в подробности по поводу реакционеров. Такие лица сами имеют немалый запас мотивов

к действию. Они так же активны, как и сами революционеры. Просто реакция расходится во мнениях с баррикадами и очень часто является прямым их наследником. Как бы то ни было, но подобное заключение весьма спорно. Как это революция может помешать самой себе? Всё довольно тривиально. У любого преобразования есть цели. Волны переворотов вырастают не на пустом месте, они чем-то обусловлены. Как правило, общество уже созрело для перемен, а прямые акции – лишь выражение уже накопленного и аккумулированного недовольства существующим порядком. Этот разрыв между желаемым и наличным порождает некоторые интересы. Задачи уже поставлены, и тот, кто встаёт у руля реконструкции, должен их выполнять. Однако нередко происходит нарушение первоначальных планов. Значит, испортить всё способны именно революционеры. Реакционеры и так уже против – какой с них спрос? Но внутри движения любой протест опаснее, потому что знает все тонкости и нюансы процесса, а, значит, способен причинить ему наибольший урон. Об этом знали все правители, чей трон пошатнулся, подкупая отказников и предателей.

Является ли глобализация чем-то революционным – вопрос не из лёгких. Несмотря на то, что китайцы желают врагам жить в эпоху перемен, тем самым чуть ли не проклиная их, нам бы хотелось верить, что мы стоим у истоков чего-то небывалого. Но так ли это в действительности? Ниже станет ясно, что, следуя нашему анализу, мы считаем глобализацию самым крупным событием, точнее, процессом современности. Это что-то такое, чего прежде никогда не было. Это то, что кардинально преобразует жизнь чуть ли не каждого человека. Но пока мы вынуждены оставить эту задачу, держа её в уме.

Что же такое глобализация? Не удивляйтесь обилию одинаковых вопросов. Всякий раз, задавая их, мы совершаем это уже с новыми достижениями, а, следовательно, и смысл вкладываем новый. Это стремление к взаимности. Но что же тогда представляет собой сама взаимность? Этот вопрос в самую точку. Мы рассмотрим её на примере с влюблёнными.

Что необходимо любящим людям для реализации их чувств? Несколько основных условий, как минимум, должны быть соблюдены. Во-первых, оба должны любить. Пусть это и тривиальное обязательство, но чувства, испытываемые обоими, не могут быть ни влюблённостью, ни симпатией, ни какой-либо иной вариацией на заданную тему. Это должна быть именно любовь – и ничего более. К этому нужно добавить, что любовь бывает разных видов, но Любовь с большой буквы характерна только в одном типе отношений. Во всех остальных случаях речь идёт о любви-привязанности, о любви-обязанности, о любви-уважении, но не более того. Одним словом, любовь существует всего одна, без примесей и дополнений. То есть язык общения будет единым. Во-вторых, не менее существенно и то, что любовь обязана направляться друг на друга, а не на третьих лиц. Ина-

че сложится ситуация, в которой оба любят, но не второго, а некоего третьего, что уничтожает взаимность именно по данному периметру. Оба любящих в таком случае любят друг друга, а не кого-то иного. В третьих, количество любящих должно составлять ровно две единицы, замыкая круг. Конечно, возможны и более сложные комбинации, но они не приведут нас к осознанию взаимности. Таким образом, внутренние интенции обоих направлены на единственно приемлемого партнёра. В принципе, каждый и любит, и любим, но очевидно, что о взаимной любви тут говорить не приходится. При этом важно то, что любовь не должна распыляться на огромное количество объектов. Любить всех – это значит не любить никого. Как и в случае с сетью эффективное взаимодействие между близкими индивидами реализуемо лишь в ситуации ограниченного человеческого контингента. Так что любить можно, пусть и многих, но без перебора, иначе душа не выдержит. И, наконец, четвёртое условие. Любящие должны желать общаться друг с другом. Можно возразить, что любовь – это уже достаточное условие для общения. Однако это не так. Если на какое-то время любящие не доступны друг другу, если нет связи, если просто они поссорились, то взаимная любовь исчезает. Точнее, она остаётся в прежнем своём виде ворочаться в сердцах наших образцов, но без активного и плодотворного союза, выраженного действиями, любовь перестаёт быть взаимной. Её необходимо лелеять и взращивать, в противном случае она загнётся и иссохнет.

Чем нам могут пригодиться рассуждения о любви? Ведя разговор о глобализации, мы неизбежно сталкиваемся со всеми перечисленными проблемами. Хочет ли кто-то общения с нами, один ли у нас язык, доступен ли он нам и интересны ли мы друг другу. Взаимность предполагает положительный ответ на все эти вопросы. Но кто есть этот кто-то? Это Другой. Не такой как я и похожий на меня. Если мы всмотримся внимательнее в условия взаимной любви, то обнаружим следующее. Всегда есть двое. И они различны в том, что любят, по сути, разных людей, а также в том, что находятся в разных местах и интересны друг другу по-разному. Юношу интересует в девушке не схожесть с ним, а как раз наоборот – различие. Но они и одинаковы. Они оба любят, оба любимы, интересны друг другу и говорят на одном языке – языке любви. Если мы перенесём всё это на общение людей во всемирном масштабе, то поймём, что глобализация есть представление. Другого в его инаковости и в его схожести с нами. Другой он другой по отношению к нам – представитель иной культуры, народа, страны, региона. Но он и такой же, как мы сами – человек, ныне живущий, способный общаться.

Наступило ли сегодня состояние взаимности? Нет. Точнее, в некоторых аспектах, по определённым направлениям, в ограниченном числе отношений. Но преобладание пока не в пользу глобальности. Оно устанавливается, растёт и ширится, но исхода этому процессу не

видно. Позвольте остановиться и сделать отступление. Ниже мы на какое-то время ограничим сами себя и примем одно допущение. Взаимность, как уже можно было заметить, имеет невероятное сходство с сетью. Да и сам пример с влюблёнными, представляющими собой обыкновенную сеть, лишний раз подталкивает нас к подобным заявлениям. На самом деле реальность несколько сложнее и запутаннее, но мы пока условимся, что успешность процесса глобализации мы будем связывать с процессом установления сетевого характера общества. А обратные тенденции – с организацией иерархии. Что же в таком случае мешает глобализации, а что – способствует её продвижению?

Ответить можно и односложно. Локомотивом движения является взаимность, а тормозом – её отсутствие. Но нас интересуют более интимные и глубинные мотивы. Начнём же мы с препятствий. Они бывают двух родов – практические и, если так можно выразиться, теоретические. Мы уже довольно долго пребывали в царстве теории и так и останемся в нём. Мы не боимся разговора по существу, явления, встречающиеся на практике, будут нами использованы. Однако наше исследование носит более умозрительный характер и не предполагает вмешательства в сферу обыденности. Если у кого-либо возникнет желание применить наши выводы в своей жизни или для объяснения проблем современного мира, то он найдёт их весьма подходящими. В какой-то мере мы и сами коснёмся этих вопросов, при этом, особо не вдаваясь в подробности и не переходя на частности.

И ещё несколько слов, за которыми последует разбор препятствий и ускорителей процесса глобализации. Выше мы говорили о методах выявления сети и иерархии. И в качестве первого называли признак. На самом деле мы допустили небольшую, но простительную ошибку. Методы, описанные нами, методами в узком значении этого слова не являются. Нет, они могут служить в качестве инструментов определения принадлежности общества к сети или иерархии, но именно как признаки. Мы надеемся, что нас извинят за эту маленькую оплошность.

В любом случае необходимо отметить следующее. Выстраивая линейку своих предпочтений, любой социум конституирует свои представления о добре и зле. И без дополнительных разъяснений ясно, что они условны. Большинство ценностей и норм различных обществ не сходны между собой. Так случилось вследствие не похожих друг на друга условий проживания, накопленного опыта и характера отношений с соседями. В общем, так произошло потому, что культуры формировались в собственном соку. А, значит, и регулирующие нормы у них получились отличными от остальных. Это, правда, не приводит нас к полному отрицанию чего-то общего. Если вы вспомните предыдущую главу, то поймёте, что единым для всех социумов базисом является мораль. Она незыблема и равна во всех культурах оттого, что

её создатели – люди, сопереживающие и живущие совместно. Наша человечность позволила нас сотворить то целое, на чём вполне можно выстраивать диалог между любыми обществами. Это первое замечание.

Второе касается адекватности сравнения индивида и социума. Безусловно, в наше время говорить о правильности такого подхода не совсем корректно. Любой ныне живущий человек был воспитан в рамках каких-то культурных положений. И они определяют его взаимодействие с представителями прочих обществ. Но, как мы уже отмечали, на заре появления *homo sapiens* на Земле, подобный анализ вполне применим. Полудиккий человек не был ещё окончательно пропитан условностями и суевериями, свойственными нашему современнику, а потому вёл более прозрачную и гибкую беседу с незнакомцами, бывшими, кстати, его соплеменниками. Поэтому в дальнейшем мы будем спускаться на уровень ниже, т.е. до индивида, чтобы прояснить некоторые детали диалога между культурами.

Таким образом, мы вправе приступить к первому препятствию, чинимому продвижению глобализации. Как бы грустно и неоднозначно это ни звучало, но в качестве такового мы называем государство. Всякая государственная структура есть иерархия. Мы дожили до сегодняшнего дня и не придумали ничего, кроме пирамидального устройства в рамках одной страны. Любое государство представляет собой социальную лестницу, базирующуюся по принципу близости к центру власти. Гражданин той или иной страны вынужден следовать бесконечным правилам, нормам, предписаниям. Он обязан посещать чиновников разного уровня. Должен нести ответственность за нарушение закона. Всё это правильно, но почему же тогда акторы, инициировавшие, по сути, процесс глобализации, всё-таки мешают ему?

Ответить на этот вопрос довольно просто. Приглядевшись к истории, мы увидим, что на самом деле ни одно государство специально не становилось зачинщиком глобализации. В таком качестве выступали отдельные люди или группы лиц, заинтересованных, скажем, в приграничном сотрудничестве, в налаживании торговых отношений, в войнах за наследство или в новых землях. Любое государство априори преследует единственную цель – сохранение своей структуры. Внешние сношения его не волнуют. Оно вступает в контакт только тогда, когда создаётся или оказывается существенной или видимой угрозой его стабильности. В других случаях действуют иные образования. Государство чётко и жёстко охраняет свои внутренности от вмешательства извне. На границах оно держит армейские подразделения для их защиты, таможенные посты для пресечения проникновения товаров, услуг и людей, устанавливает столбы и метит свою территорию, а также посылает доверенных лиц в другие страны. В своём собственном организме оно производит полицию, службу слежки, законы. Оно держит любого своего подданного в ежовых рукавицах. И за лояль-

ность к нему обеспечивает покой, безопасность и уверенность в будущем. По сути, государство вынуждено иметь, например, министерство иностранных дел потому, что его окружают прочие страны. Международный диалог – обязанность, а не добрая воля. Прекрасно известны случаи изоляции, в периоды которых ни одно государство не чувствовало себя ущербным или брошенным. То же самое подтверждает и факт обычно весьма запоздалой реакции всякого государства на интернациональные проблемы. К тому же нелишне напомнить, что в иерархии всегда есть сеть, и государство, как пирамидальная структура, неизбежно порождает сетевые системы.

Современный мир состоит из государств. На его карте очерчены границы, проведены линии, всё поделено, и у всего обозначена принадлежность. Невозможно жить вне какой-либо страны, не соблюдать некоторых уложений без тяжёлых для себя последствий, не участвовать в экономическом производстве. Государство захватило все сферы жизни человека, определило его статус и наложило запреты. Мы обучаемся в школах, в вузах и детских садах по утверждённой специальным ведомством программе. Мы приходим на работу по установленным часовым поясам. Мы расплачиваемся в магазинах только определённой валютой. Мы водим машины с левым или правым рулевым управлением, соблюдаем соответствующие правила дорожного движения так, как это указало наше правительство. Мы проживаем в домах, коммуникации и пропорции которых одобрены неким количеством министерств. Куда бы мы ни кинули взгляд, везде мы встречаем бдящее око своего государства. Поэтому нам необязательно налаживать личные, сетевые связи с другими. Методы общения уже даны. С самого детства нас приучают к тому, что нужно хранить верность тому порядку, в который мы оказались выкинутыми. И не учат творчеству. А человек, не привычный к налаживанию выстрадаанных и скрупулёзно обустроенных отношений, оказывается неспособным их сооружать. Нам оставили лишь сферу интимности, в которой без сопутствующего руководства извне мы часто терпим неудачи. Да и ту в урезанном виде. До недавних пор в некоторых государствах, например, была запрещена содомия, рукоблудство и супружеская измена. Провинившиеся наказывались. Нам сложно созидать сети в пронизанной иерархией культуре. Наше сознание отказывается даже представить иной порядок. И тут речь идёт не о какой-то конкретной стране, но обо всех сразу. Постоянно слышны разговоры о создании мирового правительства. И глубинная основа их – отсутствие фантазии. В таких речах осуществляется довольно примитивный перенос государственных реалий на международную арену. Вообразить что-то другое оказывается непосильной ношей, но не потому, что граждане утратили свободу мысли, а потому, что у них её отобрали.

Как же взаимодействуют друг с другом различные государства? На самом деле очень просто. Это связь по принципу «иерархия – иерар-

хия». Она эффективна и легко налаживаема. Конечно, нам могут возразить, что и между странами порой возникают серьёзные трения, приводящие нередко в войне. Но это только на поверхности. Даже противники согласны в том, что идеальный способ функционирования общества – это пирамида. И самыми ярыми врагами становятся как раз те, в чьём государственном устройстве наблюдает почти полная идентичность. Тоталитарный режим будет выдавливать второй такой же с несопоставимой для данной задачи яростью. Разумеется, степень независимости в демократических образованиях несколько выше, чем, скажем, при монархии. Но в целом социальные смыслы, заложенные в нас, и там, и там слишком крепки, чтобы критически их оценивать, притом, что мы и не способны их поднять на уровень нашего сознания. В итоге мы судим об остальных в привитых нам категориях, не в силах обдумать их и проверить. Яркий пример тому – западная цивилизация. Она умудрилась навязать свою волю всем прочим. И об отсталости или развитости социума теперь говорят в категориях некоего ВВП, дохода на душу населения, высоких технологий. При этом никто даже не рефлексирует по поводу того, а почему это технологии могут быть выше или ниже. Чего? Кого? По сравнению с каким временем? Неустрашимость этих установок в наших головах позволяет существовать нынешнему международному порядку уже довольно продолжительный срок. Сегодня часты разговоры об отрицании роли государства на уровне внешней политики. С ними можно как соглашаться, так и игнорировать их. Допустим, теперь более значимы транснациональные корпорации. Ну и что? А разве они не устроены ровно таким же образом, как и правительства? Т.е. по принципу иерархии. Неужели они предлагают что-то качественно иное? Как бы ни так. Неправительственные организации тоже ничем не лучше. Их способы функционирования представляют собой те же самые пирамиды. Никто тут не выдумывал колеса. Просто все взяли и скопировали государственное устройство и перенесли его в другие образования. На этом фоне несколько в более выгодном свете выглядят отдельные значительные лица, будь то учёные или артисты, но и они не дарят нам никаких инноваций.

Здесь мы вступаем в сложную и опасную зону причисления социума к тому или иному типу. Но сделать это всё же необходимо. По крайней мере, для того, чтобы продолжить наше повествование. Если кто не согласится с нами – воля его, но не выслушать нас – страшный грех. Итак. Никто не станет спорить с нами по поводу того, что в сегодняшнем мире господствует западная цивилизация. Пробежавшись по описанным нами признакам, мы можем убедиться в том, что она принадлежит к иерархии. Соответственно она навязывает всем остальным свои принципы. Выше мы говорили о том, что в каждой сети есть иерархия и наоборот. Народы, пусть даже и принадлежавшие до встречи с Западом, к образованиям по типу сети, столкнувшись с ним,



вынуждены были по разным причинам возвращать в себе семена именно пирамидального общества. Социальные смыслы, порождённые Западом, стали проникать в самую сердцевину прочих частей света. К чему это привело? Последствия логичны и были легко прогнозируемы. Вследствие подавляющего, по большей части, военного превосходства Запада над не-Западом второй принял навязанные ему правила игры. С огромной долей уверенности можно констатировать, что вне Запада ничего уже не осталось. Мы живём в государствах, а оно – изобретение Запада. Мы поклоняемся техническим новинкам – а это признак спешки вперёд, свойственный опять же Западу. Мы сохраним армии – а она в современном своём виде есть воплощение его же идей. Позвольте сразу прояснить. Мы не оцениваем и не упрекаем, а также мы не склонны к утверждениям вроде того, что всё придумано западной цивилизацией. Вовсе нет. Различные находки, нововведения и патенты появляются повсюду. Но сам способ функционирования современного общества есть западный. Поэтому международные отношения выстроены в соответствии с иерархией. И зная её характеристики, можно спокойно и достоверно прогнозировать дальнейшее развитие событий. Ситуация прозрачна. Это, правда, не означает, что на Западе отсутствуют всякие признаки сети. Нет, они есть. Но они вынуждены включаться в общий порядок на его условиях. Например, неправительственные организации вполне возможно (но не обязательно) устроены как сеть. Но, увы, им тоже надо платить налоги, обращаться в правительственные органы, как-то регистрироваться и проводить в жизнь свои идеи. А для всего это нужно признать власть пирамиды. Другая иллюстрация – это личные взаимоотношения между людьми. Естественно, они подвержены влиянию иерархии. Индивид на Западе же стремится к свободе. Казалось бы, из этого может выйти толк. Но ничего подобного. Независимость, к которой в конечном итоге сводится западное понимание свободы, расчленяет дружеские компании, разрушает семьи, а любовь низводит до уровня права выбора партнёра. Конечно, не всё так ужасно. И на Западе, и на Востоке, на Севере и на Юге люди любят, соперничают, соучаствуют друг другу. Но, к сожалению, в этих связях всегда присутствует яд подчинения и власти, особенно если это касается Запада.

Тогда перед нами встаёт резонный вопрос. Чего ожидать от всего этого? К какой цели движется современный миропорядок? Наш понятийный и методологический аппарат поможет нам лишь обрисовать контуры будущего, но не предсказать его полностью. Позвольте напомнить, но в сети всегда есть доля иерархии и наоборот. Сегодня мир стремится к установлению простой и понятной иерархии. Составляются рейтинги стран, индексы успешности, сравниваются вооружённые силы. И это далеко не исчерпывающий перечень вырисовывания пирамиды. Пока она далеко от своего завершения. Но налицо и противоположная тенденция, обозначаемая словом глобализация. Это

внутреннее течение истосковавшихся по личностно окрашенному общению, по настоящей, а не подгоняемой под некие стандарты индивидуальности, по взаимности.

Различные антиутопии обычно изображают мир, где все подчинены одной идеи, одному человеку, одной организации. И все они заканчиваются провалом попыток построения подобной социальной реальности. Человеческая натура не знает ограничений. Вместе с тем и дураку понятно, что западный вариант организации общества не столь пугающе отвратителен и жесток, как в художественных произведениях. Нам отдали на откуп весьма ощутимую часть нашей жизни, быта, отношений. И в ней мы как будто всевластные хозяева. Это не так. Яд внешнего мира проникает во внутреннюю вселенную нашей души, разъедая и подтачивая её. Это, в частности подтверждает нашу мысль о том, что сегодня построить сеть проблематично.

Но бунт вполне возможен. Уже сейчас видны всполохи сопротивления. Это и ислам с его терактами, и отказ некоторых стран сотрудничать с Соединёнными Штатами, представляющими собой вершину айсберга, и нескончаемые военные конфликты, сетью опутывающие весь земной шар, и экономические столкновения. Но всё перечисленное всего лишь такое же, как и то, против чего оно направлено. Гораздо существеннее внутренний разлад. Потеря ориентиров, отсутствие надёжного плеча, поиски смысла. Всё это уже серьёзно беспокоит многих аналитиков на Западе, а вскоре, надо полагать, станет объектом размышлений уже незападных специалистов. На самом деле важнее именно стремление к выражению своей индивидуальности. Пока, увы, её ищут в отрешённости от других, в независимости, в отказе от соблюдения всяких правил. Но найти её возможно только в общении с близкими, в помощи им, в сопереживании и, главное, во взаимности. Потому что заинтересованность в другом либо есть, либо её нет. Её потерю ничем не возместишь. Так что же дальше?

Нам очень не хочется давать прогнозов. Мы не являемся представителями очень уважаемого нами направления в науке — футурологии. Но раз уж мы подошли к этой черте, то всё-таки выскажем своё мнение. Очень вероятно полное объединение мира под эгидой Запада, не в смысле, разумеется, его господства, а в смысле победы его принципов жизнеустройства. В таком случае иерархические структуры завладеют почти всеми пространствами, навязжут свою волю системам социальных смыслов всех незападных стран. Но затем маятник качнётся в обратную сторону, и государства развалятся. Это не означает полную потерю контроля, также это не приведёт к хаосу. Это лишь значит, что государства в их нынешнем виде исчезнут. Данное движение уже начало набирать обороты на самом Западе, но к тому времени, как его структура победит во всём остальном мире, двигатель Запада заглохнет, и эта тенденция распространится вширь и вглубь на незападные территории.

Что-то подобное уже случалось в истории. Вспомните Римскую империю. Отчего она погибла? Конечно, не от мечей и топоров варваров. Эти пришельцы просто добили раненного зверя. Она оказалась с червивой начинкой. Общественные значения, выработанные в самом начале и пригодные именно при тех обстоятельствах, стали напрасным грузом в изменившейся ситуации. Предлагаемые структурой смыслы жизни больше не могли удовлетворить жителя империи. В первое время он всё ещё участвовал в гонке наравне со всеми, но победа в ней означала восстановление состязания на более высоких скоростях и в более быстром темпе. Зараза затронула сам Рим, а после переметнулась на провинции. Странно только то, что империя смогла так существенно продлить свою агонию. Как бы то ни было, но вся социальная система была не способна предложить нечто новое, хватаясь за старые смыслы и понятия. И тогда сами люди выбрали иное. Христианство, как антитеза имевшемуся мировоззрению, на первых порах распространялось на индивидуальном уровне, не выходя за рамки единичных связей между людьми. Оно бы и впредь могло удовлетворять нужду человека в смысле, но было приватизировано нарождавшимся иерархическим аппаратом, из которого в последствие выросло государство.

Крах современной системы не обязательно будет таким же трагичным. И вовсе не факт, что за ним нас всех ожидают новые Тёмные века. Сегодняшний мир более подготовлен для сети, чем мир, охватывавшийся Римской империей. В любом случае бесконечное движение в сторону чего-то одного – либо сети, либо иерархии – вряд ли осуществимо. Затянуть все гайки возможно только до некоторого, естественными ограничениями обусловленного предела. После этого сойдёт резьба, и двери распахнутся. Нам бы сразу хотелось предостеречь буйные головы о том, что торопить процесс значит обесмысливать его. Создание сети требует невероятных усилий, как, впрочем, и организация иерархии. Под нажимом люди станут работать спустя рукава, и вновь на сцену явится пирамида. Это естественный процесс, ускорять, подгонять, а равно и стопорить который нельзя. Он должен сам проложить своё русло, в своё время и в нужном ему месте.

Но этого может и не произойти в таком плачевном виде. В случае если государства объединятся по принципу сети, сетевой тип взаимоотношений вполне способен стать преобладающим. И два течения – снизу, т.е. от единичных индивидов, и сверху, т.е. от надгосударственных структур – в своём движении навстречу друг другу сомнут правительства и государственный аппарат, а также все смыслы, которые те несут с собой, и установят нечто новое. Прежнее может отмереть как самостоятельно, так и при услужливой поддержке со стороны. По сути, это тот же сценарий, что и описанный выше, но с некоторыми вкраплениями. Каким будет это новое мы предсказать уже не в состоянии. Не потому, что нам не хватает воображения, но потому,

что мы воспитаны в рамках нынешней системы, организованной по совершенно иным критериям и отличными от сети способами. Но хочется надеяться, что это новое будет лучше соответствовать требованиям человека к самореализации и всецелому воплощению в жизнь его потенциала.

Вторым препятствием является современный город. Мы уже отчасти коснулись этой темы в предыдущей части. Скученность и огромное количество жителей мегаполиса разрушает его сетевые характеристики, делая трудно осуществимой задачу по построению сети. Действительно, города становятся больше, людям в них всё сложнее контактировать друг с другом на индивидуальном уровне, дисциплина в них распространяется чуть ли не на все сферы человеческой жизни. Рассмотрим качества города по порядку.

Большое количество населения современных городов фактически перекрывает доступ индивида к человеческому общению. Из этого обстоятельства следует незнание другого, его игнорирование, что явно свидетельствует о его иерархическом характере. Но само по себе любое число ещё не проблема. Люди могут контактировать на значительных расстояниях, образовывать коллективы, в которых они станут доверять друг другу, а для дальних использовать связь иного рода. Мегаполис плох тем, что не даёт какого бы то ни было выбора в ситуации безвыходности. Каждый горожанин просто обязан вступать во взаимоотношения с другими по причине плотности застройки. Высокие дома и здания, громоздясь друг на друга, стесняют своих жителей. И те вынуждены выходить на улицы, посещать общественные места, в которых непременно встретятся такие же, как они сами. Не зная их, не выстроив с ними соответствующих связей, они всё-таки прикреплены к ним, зависят от их поведения. А, следовательно, остро чувствуют потребность любым способом наладить с ними отношения. И потому склоняются к формальным предписаниям, регулирующим контакты с незнакомцами. Современный город – это пространство прохожих, тех, кто идёт мимо прочих, не замечая их и не принимая во внимания ни их чувства, ни их эмоции, ни внутреннюю уникальность. Проезжающие же на транспорте, как по земле, так и под ней, а также в воздухе вообще неразличимы и непонятны. Тысячи и миллионы судеб пересекаются ежедневно без проникновений, даже без лёгкого касания, вскользь, чуть заметно. Всё это разобщает людей, пропадает всякое желание узнать другого, прочувствовать его бытие, ощутить его пульс. И человек замыкается на себе самом, предпочитая проводить время в уединённой раковине своей квартиры, дома, дачи, машины.

Однако не только плотная застройка и скученность разъединяют людей. Этому же способствует и дисциплинирующее пространство. Что это значит? Территория города прочерчена линиями, разделена на сектора и районы, наводнена регуляторами. Безусловно, любое место, занимаемое человеком, так или иначе, контролируется им и, в свою

очередь, контролирует его. В деревнях и посёлках мы также видим дороги, ограничивающие нашу способность к перемещению, пролегающие в строго отведённых для этого зонах; дома, мешающие нам пересекать пространство по нашему произволу; некие центры притяжения, при удалении от которых мы вынуждены смириться с тем, что возможностей встречи знакомых становится меньше. Город в данном отношении более строг, особенно это касается его организационных функций. Сумятица перекрестий и площадей на самом деле – всего лишь уловка. В действительности обязанности каждого по передвижению в городе чётко и жёстко прописаны. Индивид не может, например, ходить по проезжей части без риска быть сбитым машиной, а потому предпочитает пользоваться специально отведённой для этого полосой – тротуаром, который дарует безопасность и прогнозируемость развития событий. Конечно, случаются и эксцессы. Люди гибнут под колёсами автомобилей, сгорают в пожарах, терпят отсутствие электричества, но подобные осложнения как раз и говорят об эффективности регуляции. А чрезвычайные происшествия – исключения из правила.

Сюда же вполне можно приписать централизованные системы водо- и газоснабжения, обеспечения холодной и горячей водой, канализационные, электрические магистрали и телефонные линии. Человек подключается к этим структурам на правах пользователя, принимая на себя ряд обязательств и подписывая свой будущий протокол действий. Так, скажем, он должен гадить в туалете, а не сливать помой за окно, терпеть перебои с водой, когда её включают сразу огромное количество других обывателей и т.д.

И, наконец, здесь же стоит особо упомянуть долг по соблюдению правил правопорядка. Нельзя шуметь по ночам, нельзя громко слушать музыку, нельзя распивать спиртное в общественных местах, нельзя кричать, нельзя купаться в неположенных зонах и прочее. Запретов больше, чем прав. Человек стеснён этим регулирующим пространством, зажат в его тиски и вынужден подписывать договор, придуманный не им самим. Кроме того, можно отметить и другую дисциплинирующую функцию города. Она не явна, но, несмотря на это, постоянно поднимается на поверхность. Это синхронизация жизненных ритмов горожан. Рано утром, скажем, поднимаются уборщики мусора, они ездят по проспектам и переулкам, собирая накопившиеся отбросы. При этом их грузовики гудят, будя тех, кому встать можно и позже. А к определённому часу и вовсе продолжать спать уже не представляется возможным. Город кипит и пульсирует. И от его ритма никуда не спрячешься.

Все перечисленные дисциплинарные предписания соблюдаются пусть и не неукоснительно, но большей частью. В противном случае индивид оказывается выброшенным на обочину. Его могут поместить в места, предназначенные для исправления, будь то вытрезвитель,

СИЗО, следственная камера, а ещё направить на работы, призванные смирить его буйный нрав и вновь влить его в ряды добропорядочных членов общества. Человек оказывается вписан в некую гигантскую машину по воспроизводству городского пространства, представляющую собой пародию на порядок, являющуюся выдумкой больного воображения. И он опускает плечи, он соглашается, занимает отведённое ему место. Он приноравливается к отсутствию мест на парковке, к обеденным перерывам, к часам пик, к зажжённым фонарям по вечерам, сопровождающим его до дома, к известному и такому обрыдлому ежедневному маршруту: от дома до работы, с неё – в магазин, и обратно. Родители вынуждены отводить ребёнка в детский сад или в школу в предназначенное для этого время, трястись в общественном транспорте, быстро перехватывать что-нибудь в час отдыха. А дети играют на огороженных площадках, роясь в песочницах или вертясь на истёртых перекладинах похожих на спортивные снаряды из металла и сварки. В общем, все мы создаём иерархию.

Современный город также представляет собой территорию одинакового опыта. Районы и кварталы схожи между собой. Люди посещают одни и те же общественные заведения и площадки. Пользуются, как и прочие, канализацией, электричеством, водоснабжением. Видят из окон тот же пейзаж, что и другие выглядывающие из-за стёкол. Становятся свидетелями событий и происшествий, которые наблюдают прочие очевидцы. Ничего уникального, по сути, не переживается. Съёмка на плёнку предполагает лишь свидетельство соглядатайства, но не участия, иерархии, но не сети. В Интернете после очередного урагана, наводнения, землетрясения, крупной аварии, пожара, отключения электричества, грозы и остальных, якобы заслуживающих внимания явлений выкладываются тонны информации, тысячи фотографий, видеозаписей и звуковых дорожек, после просмотра которых создаётся впечатление, что тебя обманули. Потому что, увидев один ролик, можно сказать, что видел все оставшиеся. Меняются ракурсы, но не сущность.

Однако и это ещё не всё. Ну, кто, скажите на милость, может похвастаться тем, что живёт не как остальные? У кого нет телевизора? Кто не пользуется телефоном? Кто не задвигает шторы, если глаза спит солнце? Наши маршруты давно прочерчены, пункты остановок на них обозначены. Мы повторяем каждый день то же, что и вчера, то же, что и прочие. Даже отдых представляет собой что-то откопированное под кальку. Мы посещаем одинаковые места, снимаем для запыхавшихся фотоальбомов памятники и сооружения или виды природы, уже миллиарды раз запечатлённые другими очарованными лицами, или просто без эмоций щёлкаем затворами. Уикенды превращаются в фарс. Летом – с забытыми до отказа водоёмами. Зимой – с переполненными горнолыжными спусками.

Наши здания тоже вносят свою лепту в однообразное уныние повторяемости. У всех есть окна, двери, четыре угла. Мы ходим из конца в конец, плюхается, уже не смотря куда, на диваны, автоматически включаем свет. Всё так знакомо, что даже тошно. Где-то писали о том, что выгоднее и эффективнее строить дома шестиугольными, но где они, эти инновации? Где свободные планировки? Повсюду серийность, блочность, штампы. Отделочные материалы не страдают многообразием. Полы и потолки одинаковы во всех квартирах. Когда-то бывшие прибежищем романтиков крыши теперь перекраиваются на новый лад. Главное – чтобы было удобно. Но уют, как правило, означает скрытую тягу к копированию соседей.

Мы ездим на серийных машинах, стираем бельё на конвейерных агрегатах, закупаемся в переполненных супермаркетах, встаём по утрам чуть ли не одновременно. И это далеко не полный перечень того, что загоняет нас в серость, в беспробудность идентичности. Мы похожи друг на друга, а потому неинтересны даже самим себе. О чём спросить сослуживца, если вы и так о нём всё знаете? Чем удивить соседей по лестничной клетке, если и они видели то же? Как выбрать другой маршрут, если они повторяются? Мы вновь и вновь пытаемся отыскать своё, а находим чужое. И соглашаемся на него. И поступаем, как остальные. И миримся с невозможностью выделиться. А однообразие душ и жизненного опыта не позволяет создавать сети, они лишь ведут к пирамиде.

И, наконец, последнее, касающееся города. Он не только дисциплинирует и выравнивает, но ещё и ранжирует. Вспомните о том, какие кварталы в вашем городе считаются престижными. А какие – наоборот. Наверняка таковые имеются. Нет абсолютно никакого резона в том, чтобы особо прописывать разницу между конкретными географическими точками в общем пространстве. Главное тут в том, что градация вообще производится. Неважно эксклюзивен ли центр или окраины, находятся ли трущобы на периферии или в самом сердце города, существенно то, что роскошь и нищета выделяются. В более предпочтительных районах недвижимость дороже, в более избегаемых – дешевле. На люксовых улицах чище и опрятнее, в фавелах царят беспорядок и грязь. Разделяя общее пространство на хорошее и плохое, город неизбежно встраивает людей в гонку за занятие более выгодного места. Поэтому разница растёт. В благополучных кварталах лучшие школы, более чистый воздух, приятнее внешний вид, а, значит, и их обитатели образованнее, здоровее и счастливее. Тут же, кстати, и больше разнообразия, которое столь целительно и полезно, особенно для создания сети. А на обочине (не географической, разумеется) преступность, тяжёлый смог и однотипные бетонные коробки. И потому здесь ниже уровень умственного развития, хронические заболевания и уныние по поводу своего будущего. Что называется, разделяй и властвуй. Отбрасывая пропащих подальше от себя, богатые и

обеспеченные жители особняков и пентхаусов вызывают зависть своими шикарными автомобилями, дорогими развлечениями и экстравагантными выходками, всем прочим элементарно недоступные. Тут самое важное слово – доступ. Выше мы уже применяли его в отношении к массовым товарам. Но и места могут стать как уникальными, так и ширпотребом. Ограждая некоторые зоны для себя, кто-то создал иерархию.

Между прочим, сам город появился благодаря чьему-то стремлению заполучить некоторые выгоды. Ведь первые подобные постройки были либо пересечением путей, либо отличались замечательным стратегическим положением (в силу естественных причин – неприступных гор, обрывов, рек). Если это была торговая площадь, то автоматически жившие от неё дальше остальных оказывались менее равны. Что это значит? Например, крестьянину нужно привезти на ярмарку куриные яйца. Если его село или деревня находятся далеко от базара, то необходимо позаботиться о том, чтобы они не испортились в дороге, либо вовсе отказаться от этой затеи. Первый вариант сулит удорожание и издержки, а второй вообще оставляет без денег. Тогда как его конкуренту из ближайшего селения можно и не обращать внимания на подобные ухищрения. А отсюда дешевизна, больше покупателей и наличные. Если же это была крепость, то опять же с неизбежностью обитавшие прямо около неё вовлекались в общую оборону и получали лучшую защиту от набегов врагов. В то время как прочим приходилось надеяться лишь на самих себя. Так возникли огороженные пространства, а затем появились и столицы, которые распространили логику дифференцированных территорий на всё государство.

Современный город, конечно, не является ни крепостью, ни рынком. По крайней мере, на поверхности. Эти его функции теперь скрыты от посторонних глаз. Ведь ни у кого не вылезут на лоб глаза от удивления при сообщении о том, что столицы, к примеру, охраняются лучше, чем прочая государственная территория. Да и потоки денег в городах гуще, чем в сельской местности. До сих пор в них сосредоточены не только богатство и вооружение, но и лучшие возможности для самореализации. В городе легче найти союзника по интересам, хотя бы потому, что он в нём живёт как таковой. Но сам механизм поиска, напротив, сложнее, чем в деревне. Здесь можно многое ещё сказать, но это уведёт нас далеко в сторону. Как бы то ни было, но важно подчеркнуть следующее. Город не ограничивается внутренним разделением пространства, но также вмещается во внешнее окружение. Быть горожанином и сегодня считается более престижным, чем бытие в качестве убогого селянина. Иначе в города и мегаполисы не набивалось бы столько народа. По прогнозам (пускай и довольно примитивным) процесс урбанизации продолжится и в ближайшем будущем. И если в настоящее время в городах проживает около половины человечества, то лет через 20-30 процент горожан возрастет до



трёх четвертей населения планеты. Эти вновь прибывшие заселят окраины и образуют свежие трущобы, лишь усугубляя ранжирование. Ныне бендонвили обезображивают лица мегаполисов всех развивающихся стран, через какой-нибудь десяток лет подобное положение вещей может коснуться и развитые государства.

Из всех перечисленных недостатков в плане построения сети в городах особо выделяется последний. Он прямо указывает на создание иерархии, но и прочие ничем в этом смысле не лучше. В любом случае современный город – это пирамида, распределяющая людей по уровням и категориям.

Как и в предыдущий раз, мы отважимся на небольшой прогноз. В нынешнем мире зависимость человека от города ничуть не меньше его спаянности с государством. Даже негативной свободы по отношению к городу представить сложно. Вообразите, что вдруг отключается электричество. Сколько времени выдержит обычный индивид без телевизора, компьютера, чайника, пылесоса, наконец, просто света? Централизованные системы снабжения благами цивилизации поработили нас. Вне их охвата мы вообще не можем даже нафантазировать жизни. Поэтому в ближайшем будущем рост городов продолжится. Вместе с тем будет накаляться тенденция к добровольному изгнанию. Она заметна уже сейчас. Многие обеспеченные и не очень горожане покидают города ради природного покоя и исключённости из повседневной гонки. Пока подобное происходит лишь на Западе, и потоки уходящих и вливающихся разнятся на порядки. Но со временем бешеный темп и высокие скорости городского существования приведут к осознанию необходимости перемен. И тогда города в их современном виде перестанут быть. Люди станут селиться в разреженной обстановке, создавать сети и проникаться сопереживанием к ближним. Матрикс совершит очередной мах.

Третьим препятствием глобализации является современный тип экономического хозяйствования. Четыре его составляющие суть конкуренция и массовость. А также деньги и собственность. Мы будем последовательны и начнём с первой половины, тем более что её мы частично уже касались. Что касается бумажек с цифрами, то их мы рассмотрим отдельно. А собственность тем более пройдёт красной строкой в нашем повествовании.

Однотипные товары для всех – это, безусловно, нечто уравнивающее. Предметы ручного изготовления стали бесконечно дороги, а роскошь – и подавно. Обладание одними предметами более престижно, чем другими, а это свидетельствует о наличии в обществе иерархии, а в контексте данной части – о пирамиде во всемирном масштабе. Действительно, почти каждому жителю нашей планеты знакомы шикарные марки машин, бытовой техники, письменных принадлежностей, одежды и обуви, курортов и отелей, и многого другого. Эти бренды вездесущи. Иметь их – мечта подавляющего большинства землян.

Здесь налицо ранжирование по богатству. И более или менее всё ясно. Так что не станем пересказывать предыдущий материал. Однако в производстве массовых товаров есть ещё одна сторона. Это монополии. Ниже мы ещё раз пробежимся по этой теме в связи с информационными потоками, пока же нас интересует следующее. Какие вещи мы потребляем?

Попробуйте подсчитать, сколько теперь существует автомобильных марок, и вы поймёте, что мы имеем в виду. Их не так уж и много. А лидеров – и того меньше. Корпорации, как было отмечено выше, устроены по принципу иерархии. Они управляются из единого центра, внутренний порядок в них формально закодирован, закупки, сбыт и производство регулируются выработанным правилами, которые подчиняют себе всех работающих на них. В общем, это пирамиды. Отраслевые монополисты на то и находятся впереди всех, что делают свою продукцию лучше, чем все прочие. Но как бы ни так. В их руках не просто средства производства и гигантские сбытовые сети, но и аппарат влияния на умы и сердца обычных граждан. Помните наши рассуждения о желаниях? Вот то-то и оно. Мы хотим иметь автомобили конкретных концернов не потому, что реально жаждем получить соответствующее средство передвижения (а это потребность), но возжелаем то, что нас научили желать. Присмотритесь ко всем автомобилям, выпущенным за последний год. Они похожи друг на друга как две капли воды. За всё время существования двигателя внутреннего сгорания внешний облик машин почти не изменился, не подверглась переменам и их начинка. Да, кое-какие усовершенствования были проведены, но это не означает коренной перестройки. Однако всё новое отчего-то безотчётно принимается нами на ура. К этому обязательно нужно присовокупить тот факт, что в нас сидит уверенность, ничем, правда, не подтверждённая, что иерархические структуры, а в особенности в автомобилестроении, справляются лучше и эффективнее, чем системы более горизонтального характера. Конечно, мы придумываем множество разумных доводов в пользу своей точки зрения, но в действительности они гроша ломанного не стоят. Вполне возможно (но не неизбежно), что на начальном (массовом) этапе производства машин, жёсткие пирамиды были необходимы. Как для исследований, так и для снижения себестоимости. Однако все крупные концерны начинались с гаражей. Но сегодня они точно не столь востребованы. Имеется масса примеров штучной сборки, по качеству и характеристикам мало отличающейся от гигантов индустрии. Разумеется, чайники в домашних условиях никто не выпускает. Но это только вопрос интереса. Просто они мало кого привлекают. Вместе с тем нужно отметить, что станки и прочие крупные средства производства до сих пор удел единичного сооружения. Как бы то ни было, но нас волнуют именно монополии. Вследствие чего они так расплодились? И как они влияют на нашу жизнь?

Во-первых, они являются отображением нашего сознания, закрепляющее его в своей иерархичной среде. Так устроено государство, так выглядит армия, таков же полицейский аппарат. Почему тогда промышленность будет иной? Разве у государства нет монополии на взимание налогов? Неужели есть кто-либо ещё, кто бы защищал наши границы? Где найдётся ведомство, отвечающее за сохранность общественного порядка? Вроде бы всё логично. Государству выгодно иметь дело со структурами, одного с ним разлива. Так им проще понимать и угождать друг другу. Одно дело начислить налог на одно крупное предприятие, и другое – на миллионы мелких. Это вопрос удобства. И схожести. К этому можно добавить и то, они являются следствием стремления к доминированию. Спросите любого торговца, и он ответит вам, что желает остаться один на рынке. В таком случае все покупатели – его. А это деньги, а это шикарный особняк, а это элитная школа для его детей. Многочисленные адепты свободного капитализма проповедают жажду наживы. И у них здорово получается одурманить всех. Но мы отвлеклись.

Во-вторых, монополии есть следствие того, что кто-то стал считать издержки. По определению есть такие производства, которые выгоднее, если они устроены по типу иерархии. Мы все любим покупать более качественные товары по более низкой цене. И нас уверяют, что именно так всё и обстоит в случае наличия монополий. И если в одной отрасли это прошло, то удачный опыт копируется дальше. А там самосбытающееся пророчество шествует свободно и непринуждённо. Соорудить хороший автомобиль способен только гигант промышленности потому, что у него есть весь необходимый инструментарий, который есть результат предшествовавшей деятельности. И так далее, до бесконечности. Никто даже не пытается разорвать этот порочный круг и показать, что преимущества получены, мягко говоря, не совсем приличествующими средствами, а именно из-за захвата рынка. Но к чему нам знать, что, например, стиральные машины можно сделать так, чтобы они служил нам десятилетиями? Это же невыгодно корпорациям. И они утаивают от нас научные и исследовательские достижения, которые, по идее, должны воплощать в реальность. В том-то и дело, что монополии не более эффективны, чем свободная конкуренция. И зачастую мы переплачиваем за их продукцию. Но нам их непременно показывают и доводят сведения о них как о вершине правильной организации. А потому их способ организации оказывается широко растиражирован и применён на практике.

И, в-третьих, хотя, возможно, есть и иные причины, монополии распространены потому, что люди, раз получившие преимущество над остальными, пожелали его сохранить. Конечно, этот процесс занял достаточно длительный промежуток времени. Изначальное стремление сократить издержки сразу не выводит на тропу извлечения прибыли. Потребовались годы, чтобы в сознании людей что-то

поменялось. Например, торговля в Средневековой Европе считалась занятием не слишком презентабельным. Её уклад мало напоминал сегодняшний: у всякого продавца были свои покупатели, он не гонялся за ними, и все были довольны. А вот евреи, напротив, снижали себестоимость, не гнушались товарами, бывшими в употреблении, мало тратили на самих себя. И из-за этого богатели. Лишь с расширением капиталистического способа хозяйствования выгода стала предопределять весь ход экономики. Соппротивление традиционного ума было сломлено, и превосходство стало определяющей на рынке. Вероятно, это произошло ещё и потому, что людям, не вписавшимся в сословное общество, либо занимавшим в нём неудовлетворительное по их меркам положение, захотелось подняться выше. И они совершили этот скачок в неосвоенной то тех пор сфере. В любом случае жажда сохранения преимущества – мощный толчок к образованию монополии.

Как же монополии влияют на нашу жизнь? Довольно тривиальным способом. Монополия – это лишь следствие иерархического сознания, привычки и желания выделяться. Человек с удовольствием создаёт новые особые зоны, чтобы чувствовать себя в их пространстве главным. Таким образом, монополии плодятся и расширяются. Но очень важно также и то, что, достигнув превосходства в одной области, индивид старается получить нечто подобное в других. Это не значит, что в условиях монополизма, всякий стремится к доминированию во всём. Это нереальная и глупая трата энергии. Человек, добравшийся до вершины, склонен считать, что все остальные обязаны последовать его примеру, и имеет средства заставить копировать свой путь. Удачные общаются с удачными. Богатые с богатыми. И если вам интересен кто-либо, занимающий более высокую позицию в социуме, вам надо постараться, чтобы дойти до него. А для этого опять же необходимы соответствующие усилия. На самом деле проблема не в приложении своих потенций к овладению желаемым, а в том, что в пирамидальном обществе это непременно приводит к созданию монополии, что ещё ту же закручивает спираль состязаний.

Все лоботрясы и тунеядцы в итоге оказываются в проигрыше. С ними не хотят иметь дела именно оттого, что они ленивы. Но лень их – не природная, а социальная. Просто в современной экономике любой, осмелившийся отринуть общие правила игры, автоматически исключается из неё. А это изъятие, в свою очередь, значит отсутствие средств для существования, что ведёт к общественной деградации. Мы не отрицаем необходимость трудиться, но не согласны с тем, что нужно надрываться над тем, чтобы увековечить систему. Бесполезные с точки зрения капитализма занятия не столь бессмысленны, если направлены на самораскрытие, а не на зарабатывание денег и престижа. Карабкающийся возможен только в том случае, если есть куда взбираться. В плоском мире сделать это никак не получится. В сети же самый верх внутри индивида, он не замечен снаружи.

Всё это, надо полагать, препятствует созданию сети. Однако как же конкуренция? Любому обществу важно, что подлежит сравнению. Одно дело сопоставлять цены носимых шапок, а другое – уважение со стороны окружающих. Соревнование основано на том, что есть некий знаменатель, к которому все, в конечном счете, и сводится. Раз товар дешевле и качественнее, то он лучше. Тут корреляты – качество и стоимость. По сути, в иерархическом социуме знаменатель один. Это позиция в пирамиде. Которая обусловлена соответствующими коррелятами.

Конкуренция пронизывает всё современное государство, а также нынешние города. Люди бегут наперегонки, пытаются опередить друг друга. И нередко при этом используются не совсем честные методы борьбы. Вопрос о применимости тех или иных способов обгона соперников мы тут не ставим. Но отметим, что понятие чести – это внешний авторитет, к которому обращаются в трудные минуты, в часы признания бессилия разрешить проблему собственными усилиями. Каждый соревнуется с каждым. Это забег длиною в жизнь. Нельзя останавливаться. Промедление смерти подобно. Низкая скорость – катастрофа. Личное счастье в итоге сводится к наличию материальных благ, а самореализация – к занятию высокой должности. И всё потому, что у другого может быть что-то лучше, чем у меня самого. Редко кто задумывается над тем, что вообще значит «лучше». За пределами земного существования всё это преходяще. Если мы поставим в уравнение этот знаменатель – смерть – то любой оказывается в проигрыше. На ноль, как известно, не делится. Поэтому мы берём более понятные и близкие нам величины, чтобы соизмеряться с ними. Но кто сказал, что надо непременно включать в свою судьбу деньги и собственность?

Конкуренция сама по себе – довольна неплохая штука. Трудно переоценить её значение в нашей жизни. Если вдруг исчезнет стремление к чему-то более возвышенному, чем мы располагаем сейчас, пропадёт всякий смысл. У всего. Современное состязание мешает развитию сети потому, что оно нескончаемо. Сравнение не сказывается негативно на дружеской компании, если один из приятелей принимает другого за образец для подражания. Ведь тот, с кого пример берут, тоже станет расти, видя, что его друг прилагает усилия, а, следовательно, у него есть чему поучиться. Вечно открытый финал в экономическом соревновании закрывается только тогда, когда подводят промежуточные итоги. Но затем гонка возобновляется. Если ты сегодня чемпион, то на следующий день после олимпиады – уже нет. И надо всякий раз доказывать свой титул. Если ты теперь ведущий производитель пива, то завтра – только один из многих. Если отказываешься продолжить, тебя подминают и предают забвению. Разумеется, в таких условиях близкие лишь мешают. Вокруг враги и соперники, а любят не за прекрасные глаза (хотя и тут бывают исключения – кон-

курсы красоты), не за то, каков ты есть, а за позицию в рейтинге. Сеть исчезает.

Третья составляющая современной экономической системы – деньги. О них многое сказано, поэтому мы попытаемся не повторяться. Деньги, конечно, развращают человека. Он становится алчным, скупым, жадным. Он обманывает и хитрит. Он предаёт и закладывает. Противостояние между деньгами и личностными качествами – сюжет огромного количества художественных произведений. Здесь важно подчеркнуть следующее. Сегодня деньги – это не то, чем они были на заре своего появления и длительное время после. Ныне – это универсальный измеритель любого успеха, каждого поступка, всех провалов и неудач. Без них не было бы современной цивилизации. Самое же главное препятствие, которое они собой являют для сети – это их всеприменимость. Долгий срок деньги служили в качестве единицы измерения. Так уж получилось, что ими проще рассчитываться, они не портятся, они занимают немного места, они не пригодны для иных нужд. Удобно же, что все предметы можно выразить в монетах и банкнотах. Так было когда-то, сейчас это далеко не так.

Мы постоянно включали в область измерений новые и новые предметы и явления. Предательство Иуды, например, стоило тридцать серебряников. И докатились до того, что сегодня уже исчисляем ими людей. Какова цена у какого-нибудь работника автоконцерна? Это его зарплата до кончины, выраженной предполагаемой среднестатистической продолжительностью жизни, это страховые взносы и побочная деятельность, приносящая доход, а также акции и облигации, если таковые имеются, и проценты по ним, равно как и недвижимое и движимое имущество. Всё. Мы стали чем-то вроде проституток. Каждый продаёт себя: свои умения, навыки, способности, таланты, время, внимание, силы. Выйти из системы невозможно, иначе не останется средств к существованию. И в итоге всякий набивает себе цену. Даже внутреннее содержание человека поддаётся подсчёту. Взять хоть моральную компенсацию, которую выплачивают по решению суда, или моральный ущерб, который, как оказывается, вполне конкретен и выражается в комбинациях цифр на чеке. Мы утратили способность близкого, искреннего и не стяжательного общения. Время – деньги. Зачем их тратить на то, чтобы их тратить? Лучше ввести их в оборот, пусть растут, пусть возвышают меня над прочими.

Нас так и подмывает продолжить эту увлекательную тему, но мы вынуждены немного попридержать самих себя. Деньги – зло лишь тогда, когда они проникают во все сферы жизни человека и общества. Как инструмент измерения они нейтральны и даже полезны. Но, вступив в область сугубо человеческого, деньги разобщают людей, заставляя подсчитывать издержки и выгоды от проведения времени с другим и соизмерять результат с суммами иных трат. К сожалению, дружба, любовь, сопереживание на рынке не котируются, а потому

часто оказываются на обочине нашего внимания. Просто мы спешим к более шикарным и щедрым берегам, к большей выгоде.

Четвёртая составляющая современной экономической жизни состоит во владении собственностью. Что она собой представляет? Это нечто, на что имею право я, но не имеют другие. Я словно изымаю из кругооборота что-то ценное для меня, а равно и для всех остальных, тем самым лишая возможности прочим воспользоваться этим. Неприкосновенность частной жизни в сегодняшнем мире не была бы столь полной без соответствующего права на движимое и недвижимое имущество. В своей квартире любой может почувствовать себя в безопасности. Тем более лучше ощущает себя человек в принадлежащем ему особняке.

Собственность прерывает нормальное течение межличностного общения. Забившись в свои норы, мы не выглядываем наружу, а если и совершаем подобное, то делаем это с неохотой и опаской, боясь нарваться на неприятности, обусловленные несовершенством законодательства и гражданского сознания. Воровство, взлом и грабёж принято считать одними из тяжчайших преступлений против человека. Ведь с отъёмом принадлежащего кому-то, мы лишаем его индивидуальности. Все патетические слова о том, что в наших вещах заключена наша душа – лишь обоснование существующему состоянию. Нам дико слышать о том, что нечто может быть и общим. Люди, выросшие в отдельных квартирах, с трудом понимают других, не столь удачливых, проживающих в общежитиях. Общие санузел, душ и кухня, а также пространство коридоров предстают как что-то из рук вон ужасающее. Как я буду трогать этот вентиль, если до меня им воспользовались остальные? А вместе с тем на заре своего появления человечество не обладало никакой собственностью – всё принадлежало всем. Ведь человеку действительно незачем огораживать свой участок на предназначенной для всех планете.

Нынче для нас это стало само собой разумеющимся. Мы просим других не трогать нас, не прикасаться к нашим вещам, не лапать их и не завидовать. Мы боимся, что кто-то может разрушить столь близкие нашему сердцу предметы, повредить их или сделать негодными. Мы говорим «моё» и потому отмежевываемся от прочих. Государство с особым рвением пропагандирует стяжательство, страхует наше имущество от несчастных случаев, выдаёт нам бумаги, подтверждающие права собственности, а к тому же всячески старается распространить это право на нематериальные объекты, такие как идеи, мысли, слова. За несоблюдение порядка в отношении собственности сажают в тюрьмы на длительные сроки. И никто не хочет делиться, хотя все проповедуют человеколюбие.

В кругу друзей, конечно, не принято зажимать что-то от остальных. Иначе возможно исключение из компании и справедливое обозначение в качестве скряги, жмота, скопидома. При этом за пределами

своего окружения, напротив, жадность приветствуется. Это двуличие пронизывает всю нынешнюю систему. Мы отбиваемся от посягательств со стороны незнакомцев и часто по инерции не позволяем приближаться к своим вещам близким и родственникам.

В итоге мы создаём свои собственные вселенные, защищённые законодательством и оберегаемые правоохранительными органами, мы отдаляемся друг от друга, продолжая сравнивать и завидовать. Потому что сама зависть есть результат того, что у кого-то имеется что-то ценное для меня, но, увы, я не могу этим воспользоваться. Нас учат, что завидовать плохо, но всеми силами конституируют такие желания и реальность, в которых зависть существует с необходимостью.

Что ещё необходимо добавить по поводу экономической жизни современного человека? Все четыре перечисленных фактора действуют в плотной цепке друг с другом. Конкуренция порождает монополии, а обе основаны на деньгах и собственности. Сегодняшний мир жесток и порочен, как и любой рынок. Слабых выбрасывают за борт, остаются лишь сильные. И только вопрос времени, когда самого слабого среди сильных тоже выкинут прочь. И так по очереди, пока не останется кто-то один. Индивидуальным связям здесь нет места. Они переводятся в иную валюту, вливаясь в общий порядок, который не признаёт ничего, кроме жажды наживы, обладания и истребления неприспособленных.

Что касается прогноза, то он почти идентичен предыдущим предостережениям. Использование экономических принципов во всех сферах жизни человека только продолжится. Они будут расширять и углублять своё влияние на индивида и социум. Сегодня заметны некоторые очаги сопротивления сложившемуся положению вещей. Как мы уже отмечали, люди покидают города, чтобы отказаться не только от регулируемого существования, но и от всего того, что связано с зарабатыванием на хлеб насущный. Однако так поступают пока единицы. Остальной мир, как, скажем, бывший социалистический лагерь, на оборот радостно и восторженно вливается в незнакомый ему мир страстей по прибылям. Иногда не замечают того факта, что тот же социализм есть выдумка Запада, а, следовательно, он проповедует те же принципы, что и капитализм. Между ними нет особой разницы. Если в одном случае это яхты, виллы и лимузины, то во втором – партбилеты, членство в политбюро и личный водитель. Привилегии всегда имеют зримую форму, поэтому от смены декораций сюжет спектакля не претерпел пертурбаций. Весь незападный мир не остановит своего пути в светлое рыночное будущее. И постепенно наступит момент, когда ничего иного не останется. Если сейчас люди продаются завуалировано, то вскоре мы вернёмся во времена узаконенной работорговли. И вот тогда маятник снова качнётся. И из самых глубин поднимется протест, который будет носить не агрессивный, но пассивный характер неучастия. И экономика в её нынешнем виде прекра-



тит свой век. Скорее всего, возникнут некие кооперативы взаимопомощи, что уже имеет место в отдельных странах и регионах, доля свободного труда на благо общества поднимется с нынешнего чуть ли не нулевого уровня, станет более распространённым явление бесплатного предоставления услуг и товаров. Собственность станет более размытым понятием, что опять же видно на примере интеллектуальных продуктов.

Современным миром правит информация. Мы не смогли проигнорировать это обстоятельство, а потому вписываем, скрепя сердце, в качестве четвёртого препятствия информационные потоки. Вообще-то этого лучше было не делать вовсе. Информацию принято рассматривать как нечто свободно циркулирующее между всеми заинтересованными в ней. Но сегодняшнее положение опровергает эту гипотезу. Потоки знаний и умений на самом деле минуют многих желающих принимать их.

Информация должна в таком случае кем-то контролироваться. Безусловно, сама власть структуры и власть, даруемая ею, регулируется самой системой. Но её представители также отчётливо различимы. Прежде всего, это чиновники. Далее за ними следуют учёные. И, наконец, последними носителями являются средства массовой информации. Опять же мы вынуждены предостеречь от неправильного понимания наших слов. Мы не выстраиваем некоторую иерархию. Правительство не важнее СМИ, а те не менее существенны, чем учёные. Просто логика исследования требует хотя бы минимального порядка, который мы, хотя и неуклюже, но соблюдаем. И ещё одно. Все эти три источника взаимопереплетены, поэтому указать, какой из них, первоочередной, а какие вторичны, не представляется возможным. А теперь, после озвученных замечаний, мы можем приступить.

Чиновники в силу занимаемого ими положения заинтересованы в том, чтобы прочие не знали того, что ведают они. Умения управлять тут недостаточно, хотя и оно также скрыто. Существенно другое. Некоторые факты и события явно не вписываются в общий контекст размеренного хода жизни. Различные мятежи, бунты несогласных, изьявления отказа соблюдать налаженный механизм принятых предписаний при широкой огласке способны поколебать устои власти государства. Избежать этого можно только при условии утаивания подобных эксцессов. Информация прячется от населения, и то пребывает в счастливом неведении по поводу истинного положения вещей, а то, что всё-таки, минуя всяческие препоны и вопреки воле госслужащих, прорывается наружу, выдаётся за исключения из правил. Ну не может всё быть гладко! Конечно, дуракам закон не писан, вот они и сопротивляются собственному счастью. На международной арене это сразу напоминает поведение США, когда они вторгаются в очередную страну для установления справедливой и желанной демократии. О настоящих чувствах подопечных при этом никто даже и не заикается

и не задумывается. Малы ещё, чтобы всё понимать — и точка. Но это так, вершина айсберга. О таких тайнах многие догадываются, а единицы и вовсе стараются их раскрыть.

При этом нужно, ради справедливости, добавить, что не только правительство прячет сведения, но и само население утаивает от соответствующих органов необходимую им информацию. Наиболее заметно это при налогообложении, но и в прочих сферах граждане не столь сознательны, как бы того хотелось государственному аппарату. Преступники покрываются коллективным молчанием, деньги разбазариваются, а концы уходят в воду, стукачество явно не приветствуется. Получается круг взаимного недоверия, становящегося тем сильнее, чем больше каждая из сторон старается что-то спрятать от другой.

Второй уровень сокрытия данных в структуре власти глубже и основательнее. В недрах любой пирамиды информация исчезает сама по себе, по причине своей циркуляции в коридорах власти. Недомолвки, обрывы в речи, отмалчивания и неверные интонации приводят к съёживанию и укорачиванию сведений. Это очень походит на игру в испорченный телефон. Но есть и ещё одно направление, по которому информация канализуется прочь. Представьте себе, что какой-нибудь большой чиновник требует докладной записки о состоянии дел, допустим, в снабжении электричеством целого района в городе. Чем ниже по должностной лестнице, тем больше знаний в сумме представляет собой эта бумага, но чем ближе она к повелевающему, тем меньше в ней остаётся фактов и цифр. Всё ограничивается упоминаниями вскользь, намёками и недосказанностями. Глава не в состоянии разобраться во всём хитросплетении спецификаций, требований и стандартов. Ему нужна короткая, но дающая общее представление о положении дел записка. Не более того. Если и надо будет что-то уточнить, он может заказать новый доклад. К публике, всё равно, не попадёт весь массив собранного материала. Она услышит почти то же самое, что и сам босс. Значит ли это, что все высшие чиновники оказываются в дураках? Вовсе нет. Они точно таким же образом скрывают информацию от своих подчинённых, правда, на этот раз уже нарочно. Те не могут с доскональной точностью говорить об общей политике, о единых векторах развития, о генеральном плане. Низшие чины копошатся на дне, достают оттуда ракушки, счищают с них грязь, вытаскивают перламутровые шарики, полируют их и отправляют наверх, а там уже жемчужины соединяют в ожерелье. С самого дна этого не увидишь, как, впрочем, не скажешь наверняка, что делает твой сосед. Как бы то ни было, но сведения всегда порядком изнашиваются от движения по холлам и кабинетам.

Ко всему прочему у чиновничества имеются собственные секреты. Они не желают раскрывать порядок функционирования системы непосвящённым, в роли которых оказывается население. Им даже ни к чему делиться данными с остальными министерствами и ведомства-

ми. Всякое болото тщательно охраняется от посягательства извне. В абсолюте возводится государственная тайна.

Здесь же особо стоит упомянуть системы кодификации и получения квалификации. Ни для кого не секрет, что работать по той или иной специальности человек может только после того, как сдаст некоторое количество экзаменов, подтверждающих его профессиональную подготовку, но что ещё важнее – согласие на трудоустройство со стороны его правительства. Мы сдаём экзамены, заполняем тесты и проходим отбор, которые придуманы нашим государством. Мы не знаем ни принципов подобной проверки, ни условий её прохождения. Однако дипломы, грамоты и знаки отличия несут в себе всю эту информацию, старательно скрываемую от нас.

Что касается учёных, то тут не всё так просто. Современный уровень развития специальных знаний настолько высок, что недоступен широкой публике по двум основным причинам. Секретные исследования и лаборатории, работающие по военным заказам, это лишь часть пропажи сведений. О них все знают, о них судачат и о них сплетничают. Это обычная тема разговоров на кухне за чашкой чая. На самом деле утаивание информации более серьёзно, чем в данном, чуть ли не единичном случае. Первая причина, таким образом, заключается в слабой подготовке населения к восприятию новых данных. Мы все учились в школах, многие затем в вузах, но при этом, даже взяв специализированное издание, скажем, посвящённое вопросам химии, большинство из нас ничего не поймёт. Единственное, что мы осознаем после прочтения (если сподобимся на такой подвиг), это тот факт, что химия далеко ушла в своём развитии. Нас учат не понимать, но признавать – достижения других, прорывы, изобретения и открытия. Это обстоятельство усугубляется тем, что учёные используют специфичный лексикон, который, мягко говоря, для многих звучит как полнейшая абракадабра. По сфере нашей деятельности, нам ближе философия. Так вот. Если вы вдруг услышите разговоры философов по их тематике, в которых будут к месту и нет употреблять соответствующие термины, вы вряд ли поймёте и половину. Вообще, скорее всего, знакомыми окажутся лишь общераспространённые слова, да и те в философии наделяются особым, а, следовательно, чужим для населения значением. Многие исследователи нарочно применяют подобные ухищрения для демонстрации своего превосходства, на даже и без желания показаться более умным, чем ты являешься в действительности, речь учёных плохо усваивается обывателями. С другой стороны, многие вещи, встречающиеся в мире науки, не имеют простонародных обозначений. Квантовый скачок иначе никак не обзовёшь.

Вторая причина лежит в иной плоскости. На сегодняшний день прогресс воспринимается как самоцель. Без развития технологий вся наша цивилизация встанет и как таковая перестанет существовать. В

её венах обязана течь кровь инноваций и научных прорывов. Мы зависим от техники настолько, что способны лишь усваивать способы обращения с ней, но не принципы, по которым она функционирует. Нас окружает гигантское количество самых разнообразных аппаратов, каждый из которых требует хотя бы минимальных навыков обращения с ним. При этом вещи создаются с таким умыслом, чтобы гражданину не пришлось вдаваться в подробности его работы. Достаточно нажать кнопку, покрутить ручку, ввести код – и всё само наполниться жизнью. Если перед вами лежит сотовый телефон, вы поймёте и ещё одну истину. Допустим, он перестал выполнять возложенные на него обязанности. Что вы сделаете? Вы возьмёте этот сломанный кусок вещества и отнесёте его в специальную мастерскую, чтобы там над ним поколдовали (а как-то иначе обычный человек это и не называет) и вернули вам уже работоспособным. Полезете ли вы внутрь? Вряд ли. Современная техника сделана так, чтобы даже вскрывать её было страшно. Нас, разумеется, убеждают гарантиями и сервисом. Но это отговорки. Правда состоит в том, что мы сами оказываемся в роли неучей и олухов от науки, всецело полагающихся на специалистов. Мы боготворим, например, нобелевских лауреатов не потому, что действительно осознаём их успехи и достижения, но потому, что сравниваем их с собой, такими никчёмными и убогими.

К тому же к нынешнему моменту человечество накопило просто колоссальный массив информации, на усвоение которой уходит слишком много времени, чтобы быть специалистом во всём. Нужно выбирать область, в которой будешь разбираться. Поэтому те, кто посвятили себя хотя бы одной дисциплине, выглядят в глазах остальных поистине гигантами мысли, хотя зачастую не блещут ни умом, ни сообразительностью. Конечно, знания могут и пересекаться и повторять друг друга, но факт остаётся неизменным – слишком их много. И все просто невозможно переработать.

Подводя итог этой причине, можно сказать следующее. Зависимость никогда не способствует организации сети. Сеть, скорее, получается в самой среде учёных, но не за её пределами. Не столь продвинутое в технологическом и гуманитарном смысле мы вверяем свою судьбу в руки полубогов. Ведь в нашем мире редко кто жалуется на исследователей, этих людей в белоснежных халатах, но очень часто возводят напраслину на чиновников.

Наконец, мы добрались до того, с кого вроде бы и стоило начинать. Средства массовой информации в общем её распределении на самом деле не столь значительны, как это обычно представляется самими СМИ. Почему это так? Конечно, мы узнаём новости по телевизору, из газет и журналов и электронных сообщений в Интернете. Но эти сведения не так важны и критичны для нас, как данные, получаемые от наших знакомых. Наводнение в Южной Азии трагично, и мы соболезнуем пострадавшим от стихии, но кража сумочки у нашей

подруги более драматичное событие. Внешний мир в действительности мало нас касается, если только не входит в наш дом без стука. Но и в таком случае это уже местное время и местный разлив.

И всё-таки СМИ утаивают от нас важные сведения из окружающей среды. В мире ежедневно случается огромное количество происшествий. Не все из них получают должное освещение. В последнее время сложилась довольно дикая ситуация, когда СМИ нас фактически запугивают. Хорошие новости – редкость, но редкость лишь на экранах и на страницах. В реальности добрых вестей не меньше, чем дурных. Однако отчего-то о последних мы знаем больше. Политика телеканалов, а именно они до сих пор оказывают самое заметное влияние на наши умы и сердца, во многом определяет то, как мы воспринимаем действительность. Упуская одни новости и выкладывая другие (а делать это надо обязательно вследствие короткого эфирного времени), можно сформировать соответствующий настрой, манипулировать сознанием и добиваться необходимых актов со стороны зрителей. К тому же СМИ – почти такие же монополисты, как и их собратья по автомобилестроению, а, следовательно, альтернативные точки зрения отыскать проблематично. Безусловно, телевидение, радио, печатные издания и новостные ленты должны принимать в расчёт мнение своих подопечных, для чего и существуют рейтинги. Но обученный индивид маловероятно потребует того, к чему его не приучили. Если вы с детства не посещали балет и вам постоянно внушали, что это скука смертная, то вы и не станете покупать билет на очередной спектакль, боясь потратить свой драгоценный досуг на то, что вам не понравится. Любителей поэкспериментировать мало. Следовательно, мы видим то, что, во-первых, желаем лицезреть, а, во-вторых, то, что нам впихивают. К сожалению, сама структура СМИ предполагает тайны и секреты. Эфирное время и внимание воспринимающего вводят посланника в затруднительное положение. С одной стороны, надо что-то донести, с другой, совершить это так, чтобы тому не стало скучно, и он, не дай Бог, не переключился на другое. А это приводит к сокращениям, обрезаемым и недомолвкам.

Но существует и сопротивление этому процессу. Люди создают в Сети блоги, дневники, чаты и конференции, где делятся друг с другом необходимой им информацией, порождая тем самым альтернативные каналы передачи сведений. Сегодня многие перестали читать газеты и смотреть телевизор, потому что нередки разговоры о том, что СМИ не дают нам полной картины действительности и даже больше – искажают её в угоду различных групп интересов, будь то правительственные или же коммерческие структуры.

Как бы то ни было, но СМИ, чиновники и учёные вступают самой спецификой своей деятельности на узкую тропку изъятия информации. Циркуляция данных оказывается нарушенной, её завихрения падают в чужие руки, что-то теряется само собой, а прочее прячут

намеренно. И всё это приводит к тому, что население обманывается или чувствует себя обведённым вокруг пальца. Конечно, незнание чего-либо неизбежно свидетельствует об иерархии. Для общения на близком расстоянии, как в душевном, так и физическом смысле, требуется масса сведений о собеседнике. Но её в современном мире просто нет. Точнее, она недоступна. А обладающие ею оказываются в более привилегированном положении, чем все остальные, и зачастую не упускают шанса манипуляции ею в своих корыстных интересах.

Все перечисленные преграды, палки, вставляемые в колёса глобализации, на самом деле очень тесно связаны в единый клубок. Так государство состоит из городов и прилегающей территории, живя при этом по рыночным принципам функционирования экономики и просвещая своих граждан обо всех происходящих как внутри него, так и в окружающем мире событиях. Одно без другого невозможно и представить. Они взаимодополняют и обогащают друг друга. На монополистской экономике, например, основан город, имеющий централизованные системы снабжения своих жителей необходимыми благами. А контролируемые информационные потоки позволяют сохранять у населения благоприятный образ своего государства. Иллюстрации можно приводить и множить. Важно подчеркнуть следующее. Как мы неоднократно отмечали, но не устанем это повторять, в любой иерархии есть сеть. В отношении государства сеть лишь принижена, ей отведена менее значительная роль, чем пирамиде. Большей частью сеть стала уделом сферы интимного, личностного. Но она прорастает и в других областях человеческой жизни. Однако иерархия добровольно не сложит свои полномочия, всё ту же объединяя экономику, политику, спорт, СМИ и прочие явления современной жизни в целостный и неразрывный механизм.

Выше мы озвучили препятствия, мешающие продвижению глобализации. Мы специально не стали говорить ни об экологических проблемах, ни о вопросах вооружений, ни о промывании мозгов, ни о демографической ситуации, ни о наличии достаточного количества продовольствия, ни о прочих составляющих нашего нынешнего бытия. Это оказалось незначим. Приведённые четыре преграды порождают весь тот спектр конкретных задач, которые стоят сегодня перед человечеством. Поэтому особого разговора не заслуживают.

Ниже, что будет логично, мы перечислим некоторые способствующие процессу глобализации факторы. Однако сразу необходимо заметить, что они во многом пересекаются с препятствиями и являются их следствием. Во всех ключевых преградах мы отмечали внутренний разлад, тенденции, разрушающие и преуменьшающие их воздействие на людей. Эти ускорители ни в коем случае нельзя сбрасывать со счетов, поэтому мы просим иметь их в виду, потому что в последующем тексте они будут отсутствовать. Вместе с тем есть и отдель-

ные, напрямую из препятствий не вытекающие явления, которые и станут темой ниже идущего повествования.

Таким образом, в качестве первого ускорителя мы назовём повышение уровня образованности населения планеты. В этом деле ещё имеются сияющие лакуны, но всё же процесс налицо. Люди, обученные по какой-либо программе, пусть даже и иерархической, способны к самостоятельному мышлению, к раздумьям как таковым. Штампы и заготовки перестают удовлетворять их любопытство. И регулирующим органам в итоге требуются более сложные и хитрые уловки и концепции, объясняющие не совсем желательный образ социальной действительности. Должно быть понятно, что сияющие вершины свободной мысли доступны немногим. Но думающий человек – это враг любой пирамиды, потому что в её недрах всегда имеются внутренние противоречия, не разрешаемые с помощью наличных инструментов. Ложь, если она, разумеется, продолжает транслироваться в население, приобретает более запутанные формы, что непременно ведёт к увеличению опасности ошибки. Тогда на свет рождают оговорки, поспешные, скудные и шатающиеся поправки, отмалчивание. Но и без заведомого обмана иерархия обнажает свой организм, который многим оказывается не по вкусу. И вот в это самое время в дело вступает сеть, переиначивая способы взаимодействия между индивидами.

В этом ускорителе странно только одно обстоятельство. Государство самостоятельно готовит почву для своего уничтожения, потому что процесс образования лежит в его зоне ответственности. Безусловно, оно подстраховывается, вводя соответствующие принципам своего функционирования программы обучения, но этого оказывается явно недостаточно. Образованные люди – всё равно противники нынешней системы. И чем больший охват приобретёт данный процесс, тем сильнее будет давление на существующую структуру господства-подчинения. Однако это объясняется довольно просто. В любой иерархии присутствует сеть.

Ко всему прочему современный мир слишком сложен, чтобы можно было жить в нём, не понимая ничего из того, что происходит вокруг тебя. Уже давно прошли времена, когда подчинённые могли быть и вовсе безграмотными. Современные станки и техническое окружение требуют от человека определённой доли сноровки и профессиональной подготовки. Знания просачиваются вниз, чтобы система функционировала в должном для себя режиме. Поэтому образование снабжает нас данными, которые могут быть использованы не только ради непосредственной работы по воспроизводству структуры, но и ради самостоятельных размышлений. Прогресс усугубляет это движение, делая его более непредсказуемым, потому что для его продолжения нужны все более и более квалифицированные кадры, умеющие справляться с возложенными на них обязанностями, что опять ведёт к более продуманному существованию.

Второй ускоритель – это современный уровень технологического обеспечения. Различные приспособления и устройства действительно становятся дешевле и доступнее с каждым днём. Умение пользоваться ими не требует особых усилий. Да, мы не можем вникнуть в самый механизм функционирования технологий, но нам этого и не нужно. Нажимать кнопки и поворачивать тумблеры возможно и без специальных знаний. Особенно показателен в этом плане пример с Интернетом. Мы не обольщаемся по поводу степени охвата им всего населения Земли. Но всё-таки налицо расширение его присутствия. А это есть сеть в чистом виде. Там нет главных, как и нет подчинённых. Люди общаются между собой на равных, делятся информацией и не получают от этого никаких преимуществ, за исключением осознания факта приятно проведённого времени. То же касается и сотового телефона. Человек стал общедоступен. Он контактирует с любой точкой планеты, в случае если она охвачена оператором мобильной связи. Примеры можно приводить ещё очень долго. Как бы то ни было, но именно зарождённые внутри иерархии аппараты разрушают её изнутри, выстраивая более горизонтальные взаимоотношения между людьми.

К этому также необходимо добавить, что наша зависимость от новинок не столь велика, как, скажем, от электричества и водоснабжения. Мы вольны ими не пользоваться, а если и возникает некая зависимость от инноваций, то она носит несколько остаточный характер. Мы привыкаем к новой вещи в силу того, что прежде с нами уже происходило подобное. Мы привыкаем не к функции устройства, а к нему самому. Это свойство пока ещё иерархичное. В том же пирамидальном духе мы ранжируем технические приспособления по стоимости и качеству, что, по сути своей, глупо. Сотовый телефон не становится хуже, если он дешевле прочих, потому что выполняет ту же работу, что и они. Осознание этого пока не проникло глубоко в мысли наших современников, но оно обязательно возьмёт своё и победит одержимость собственностью и её качествами. В любом случае современные технологии раскрепощают нас, позволяя ближе знакомиться с ближними и дальними, узнавать их и приближаться в своих связях с ними к принципу сети.

Наконец, в качестве третьего ускорителя мы назовём наше сознание. В данном пункте смыкаются все наши предыдущие размышления. Поэтому мы чуть вернёмся назад, чтобы с разбега проломать последнюю стену в нашем понимании современного мира. Почему иерархии до сих пор столь сильны? Как мы уже писали выше, они могущественны вследствие нашей привычки, отсутствия должного воображения и нежелания что-либо менять, а также, как некое дополнение – из-за нашей склонности к простоте. Мы все являемся гражданами какого-либо государства, знаем язык, которому нас обучают в школе, дисциплинируемся в процессе образования, платим налоги и



переходим дорогу на зелёный цвет. Создание иерархии требует серьёзных усилий, но на её поддержание уходит немного энергии. Нам легче соблюдать уже имеющееся, чем творить новое. В случае с близкими и родственниками мы идём не компромиссы, выслушиваем и стараемся угодить, но для посторонних заготовляем формальности и холодность сердца. Построение сети – работа, при том постоянная. Она не имеет права быть прерванной или заявленной в качестве завершённой. Это трудно. И люди предпочитают не тратить сил на многих, ограничиваясь узким кругом лиц.

Нам удобнее, что всё уже готово, что не надо выдумывать велосипеда, а ещё – мы ничего другого и не видели. Наше воображение отказывает нам в том, чтобы представить себе иной порядок, отличный от того, который мы ежедневно и ежечасно наблюдаем. Это не наш недостаток – просто нас приучили думать в соответствующих иерархии категориях. И прибегая к ним, мы не выдвигаем никаких новых идей, оставаясь с прежним багажом.

Но внутри любой иерархии есть сеть. Мы не можем вечно терпеть безразличное к себе отношение, мы взрываемся на тех, кто пренебрегает нами долгое время, мы мучаемся, пытаемся найти выход, но лишь усугубляем ситуацию. Наше человеческое содержание мешает нам окончательно влиться в отлаженный механизм функционирования пирамид, окружающих нас повсеместно. И тогда мы вырываемся из тесной клетки и стремимся навстречу другому. И часто, не подготовившись к напряжённому труду, терпим неудачу, заново обращаясь к уже известной структуре. Так каким должен быть человек сети?

Ответ довольно прост, но сложен в осуществлении. Он обязан искать взаимности. Как у влюблённого его долг – следить за каждым движением объекта своего восхищения, преодолевать в себе стеснительность и стремится найти нужные слова и движения, чтобы его правильно поняли. Но самое главное человек обязан интересоваться другим.

В современном мире действительное желание узнать другого редко. Обычно мы либо отмахиваемся рукой – мол, ничего такого, все похожи – и нечего тут рассусоливать, либо даже и не видим разницы. Но в том-то и дело, что Другой должен быть именно Другим. Он имеет отличные от наших пристрастия, эмоциональный склад, иное видение мира. Но и походить друг на друга мы тоже обязаны. По крайней мере, в том, чтобы протянуть друг другу руки, выйти навстречу, чтобы соприкоснуться.

Глобализацию нередко связывают с совершенно противоположным процессом вестернизации. Да, мир всё больше подлаживается под Запад, копирует его и заимствует то, что ему кажется нужным. Но это признак иерархии. Кто-то стоит во главе – это Запад, а другие подчиняются – все прочие государства. Социальные смыслы повсюду повторяются. Те же проблемы с поиском смысла жизни, с экологией и

демографией есть следствие иерархичной организации современного мира. Искерпывание ресурсов, например, это прямой результат деятельности государства. Объявляя что-либо ценным и присваивая себе это, страны ведут себя точно таким же образом, как и промышленники, которые, в свою очередь, ранжируют позиции на общественной лестнице уже внутри своих государств. В общем, ничего нового и не происходит. И все решения, которые выдвигаются как некие панацеи для снятия напряжения, порождённого опять же существованием пирамиды, ориентируются в отсутствие фантазии на ту же иерархию. Снизить загрязнение окружающей среды возможно и в рамках старой системы, но исключить его насовсем нельзя по той же причине. Для этой задачи пригодна только сеть. То же относится к проблемам перенаселённости, справедливого распределения богатства и прочим, не менее злободневным вопросам. Что же тогда делать?

Ошибки, сегодня трактуемые как проблемы человечества, есть системное явление. И нивелировать их возможно лишь при устранении самой структуры. Мы должны пересмотреть свои отношения друг с другом, понять других и приблизиться к ним. И вот тогда, пестуя различия и идя на соглашения с противоположностями, мы создадим мировую сеть. Главное – не сотворить из Другого Самих Себя. Но это, так или иначе, случится, и социальные смыслы снова перетасуются и соединятся в новой комбинации, на этот раз не сети, но иерархии.

Однако сегодня мы имеем дело с процессом стремления к взаимности. Как достичь её? Необходимо сначала вернуться к своим потребностям, прочувствовать их и осознать, и уже через них создать свои собственные желания, а не те, что навязываются нам со стороны. Жажда человеческого внимания – это одна из самых существенных нужд нашей природы. И удовлетворить её значит воплотить в жизнь проект, называемый своей судьбой.

Как мы видим, глобализация – это естественный и объективный процесс. Перерастание иерархии в сеть и обратно вполне осуществимо и постоянно случается. Общественные значения подвижны и могут комбинироваться самыми различными способами. Ни одно из этих состояний не долговечно, в силу вечного присутствия в нём своей противоположности. Долгое пребывание у власти пирамиды означает лишь её скорое исчезновение, но не окончательно, а латентное. Иерархия уступит место сети, но останется в ней, чтобы когда-нибудь снова выйти на арену. Создание всемирной паутины может занять длительный промежуток времени, но отчего-то создаётся впечатление, что на его строительство уйдёт меньший срок, чем на возведение мировой пирамиды. К этому выводу нас склоняет и темп сегодняшних изменений и острота недовольства, накопленного за период иерархии. Новое не будет даваться легко, и потрясения не исключены, но его не избежать. В любом случае, следуя логике нашей работы, глобализация представляет собой изменение нашего потребления, которое теперь

меняет свою структуру, превращая комбинацию социальных смыслов в сеть, строя его на сетевых принципах.

Может показаться, что мы немного укоротили последнюю часть нашего исследования. Это не совсем так. Во-первых, предыдущее изложение уже должно было натолкнуть читателя на те мысли, что мы слегка обрисовали. Текст выше, по сути, даёт решения всех вопросов, могущих возникнуть в ходе его прочтения. Во-вторых, мы не считаем нашего читателя скудоумным и неспособным к самостоятельным размышлениям. У каждого – своя голова на плечах. И любому предстоит решать, что выбрать – сеть или иерархию. Мы не советники в этом деле, а равно и не прорицатели и не наставники. И, наконец, в-третьих. Наше сознание не всегда оказывается податливым материалом, пусть даже в очень умелых и ловких руках. Мы привыкли думать определённым образом и изменяемся с большим трудом. На это мы не станем возражать, отметим только, что, будучи воспитанными в иерархичной среде, мы всё-таки сумели преодолеть её барьеры и написали это исследование. Каково оно получилось – решать вам, но мы надеемся, что доставили вам удовольствие.

## **ОГЛАВЛЕНИЕ**

Предисловие .....	3
Концепция потребления .....	5
Культура потребления .....	42
Глобализация потребления .....	86

*Научное издание*

*Станислав Владимирович Борzych*

# Теория потребления

Подписано в печать 25.09.2010.

Формат 60 × 88/16. Печать офсетная. Бумага офсетная.

Гарнитура *Newton*. Усл. печ. л. 7,84. Уч.-изд. л. 8,93.

Тираж 300 экз. Заказ №

Издательский Дом «ИНФРА-М»

127282, Москва, ул. Полярная, д. 31в.

Тел.: (495) 380-05-40, 380-05-43. Факс: (495) 363-92-12

E-mail: [books@infra-m.ru](mailto:books@infra-m.ru) <http://www.infra-m.ru>